

**Брянская областная научная универсальная
библиотека им. Ф.И. Тютчева**

**Брянское отделение Российского философского
общества**

**Философия в контексте
современных
социальных
практик**

**Материалы
II Научных философских чтений**

25 марта 2014 г.

Брянск 2015

ББК 87
УДК 1
Ф56

Редакционная коллегия: **Г.И. Кукатова, Н.В. Попкова, О.П. Ковалева, О.В. Константинова**
Ответственный за выпуск **Г.И. Кукатова**
Компьютерная верстка **В.Е. Щедровой**

Философия в контексте современных социальных практик : материалы
II Научных философских чтений : 25 марта 2014 г. / Брянск. обл.
Ф56 науч. универс. б-ка им Ф.И. Тютчева; Брянск. отд-ние Рос. филос.
об-ва. – Брянск, 2014. – 165 с.

ББК
87

ISBN 978-5-91877-096-2

© Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И.
Тютчева, 2015

Вступление

Философский поиск как фактор социального развития

Многие современные ученые согласны с тем, что в настоящее время происходит переход от одного типа общественного развития к другому. Новое общество получает различные имена и характеристики: постиндустриальное, постэкономическое, информационное, постсовременное... Все страны входят в единую систему экономических, экологических, информационных взаимосвязей. Человечество становится единым целым, с общей судьбой и общей ответственностью. Но *глобальные проблемы современности* стали угрозой существованию человечества. Глобальными их называют потому, что они затрагивают всю планету и разрешить их можно лишь в масштабе планеты.

Сущность *экологической глобальной проблемы* составляют разрушение биосферы и уничтожение многих видов растений и животных; истощение природных ресурсов и деградация почвы, лесов, пресных вод; исчерпание возможностей среды обитания по поглощению отходов антропогенной деятельности; изменение климата и возможный подъем уровня Мирового океана; перенаселенность отдельных регионов. Сущность *социальной глобальной проблемы* составляют растущая дифференциация стран и регионов по уровню экономического развития; неконтролируемая миграция населения из регионов бедствий в благополучные регионы и взрыв межэтнической напряженности; растущая концентрация населения в крупнейших городах; глобализация экономического пространства, переход денежных и природных ресурсов под контроль транснациональных корпораций; обработка массового сознания современными СМИ, ведущая к созданию новых мифов. Сущность *антропологической глобальной проблемы* составляют дегуманизация и открытая проповедь амо-

рализма; расщепление культуры на элитарную и массовую и ее отрыв от человека; рост количества самоубийств и «уход от реальности»; снижение здоровья людей, угроза разрушения генофонда человечества и появление новых болезней.

Для того, чтобы новый тип социума благополучно был построен, необходимо найти пути разрешения этих проблем. Уже несколько десятилетий над этим работают специалисты разных профессий во многих странах.

Работы, содержащиеся в данном сборнике, посвящены философскому анализу социальных практик, распространенных в современном российском обществе или предназначенных для внедрения. Может ли философский дискурс внести полезный вклад в обсуждение этих практических проблем? Ставший привычным взгляд на философию как на кабинетные рассуждения оторванных от жизни мыслителей, кажется, предопределяет отрицательный ответ. Полезность философских рассуждений сегодня поставлена под сомнение.

Давно прошли времена, когда Аристотель называл философию самой бесполезной и самой благородной из наук, а с ним соглашались. Философия в современную эпоху находится в кризисном положении. Ей снова приходится отстаивать свою автономность: если средние века видели в философии «служанку богословия», то в XX веке не раз предпринимались попытки объявить ее «служанкой естествознания», отняв у философа право самостоятельно исследовать реальность и предоставив ему лишь комментирование истин, добытых методами научного познания. Идут дискуссии о самой возможности сохранения философии как независимой духовной реальности, не совпадающей ни с наукой, ни с религией, ни с искусством. Прежняя роль философии как «науки наук», обобщающей научные знания и вводящей их в ценностный контекст, все меньше востребована. Попытки философов сформировать новое мировоззрение не встречаются в современном мире широко-

го интереса. Массовое сознание, ищущее не размышлений, а простых ответов на сложные вопросы, не интересуется философскими дискуссиями. Самостоятельно мыслящие люди предпочитают вырабатывать собственные взгляды на мир, в лучшем случае проявляя интерес к философии, но не заимствуя оттуда готовые концепции. Подход к миру, распространенный в нашу эпоху, склонен считать занятия философией роскошью, отвлечением от реальной жизни и уклонением от полезной деятельности. Авторитет «кабинетного мыслителя» не признается в прагматичном мире, и философствование встречается скорее скептическое отношение, нежели интерес. Обостряется конфликт между порождением техногенного развития – инструментальным, технологизированным миропониманием – и самим типом философского дискурса. Если фундаментальная наука может привести в свою пользу практические доводы, ссылаясь на технологические разработки и их экономическую отдачу (заслужив этим определенное уважение и вложение новых средств), то, поскольку философ не может сослаться на получаемую с его помощью выгоду, он неминуемо остается на обочине общественного интереса.

С точки зрения пользы у философии оправдания нет: как и любая роскошь, она – роскошь интеллектуальная – не является необходимой. Поскольку инструментальная направленность современного мышления требует (даже при ограниченности информации) однозначных ответов на вопросы, то отказ философа, его признание в вечных сомнениях и раздумьях будут приняты не за признак интеллектуальной честности, а за недостаток. Философ как носитель постоянной рефлексии неизбежно будет проигрывать рядом с уверенностью политика или убежденностью религиозного проповедника. Кроме того, философствование – это путь от спокойной жизни: отказ «вписываться» в реальность и требование изменить ее так, чтобы людям в ней легче жилось. Философ – человек рационально непрacticalный, противопоставляющий свою уникальность

унифицирующим законам природы и социума. Современная философия находится в кризисе, но, как и любой кризис, он может завершиться не только ее деградацией, но и подъемом на новую ступень философского освоения действительности. В современную эпоху именно философии выпадает неблагоприятная задача – напоминать о нерешенном и неправильно решаемом. Видимо, достоинства философского дискурса будут востребованы только с осознанием кризисного положения техногенной цивилизации и поисками выхода из него.

Что может предложить философия современному человечеству? Во-первых, она способна с помощью логических и эмпирических доказательств показать, какие последствия будут иметь решения, принятые в области преобразования природы (в том числе человеческой). Во-вторых, соединяя логическими цепочками предлагаемые программы с их мировоззренческими основами, она развернет перед людьми те картины мира, из которых эти решения (быть может, неосознанно для их авторов) вытекают, и покажет, какое отношение к человеку и миру данную программу породило. В-третьих, с помощью изложенного анализа причин и следствий философия поможет людям отказаться от тех действий, которые воспринимались соответствующими их интересам, но (после вскрытия их связи с негативными последствиями или с отвергнутыми мировоззренческими принципами) оказались слишком рискованными.

Философски образованный человек защищен от суженности сознания (именно так специализация может воздействовать на внутренний мир человека, обедняя и искажая его). Философская культура помогает адекватно воспринимать реальное место своей деятельности и ее методов и не «зацикливаться» на одной идее. Выбатывается владение навыками критического мышления, что дает возможность сформировать собственное миропонимание, а не стать жертвой обработки сознания, проводимой сред-

ствами массовой информации. И наконец, философски культурный человек владеет трудным умением жить в заведомо несовершенном мире, не разочаровываться в своих идеалах, видя трудность их воплощения, не изменять своим принципам под влиянием окружающих. Итак, философия должна научить выдвигать и обосновывать собственные суждения, анализировать и критиковать чужие, отделять существенное от второстепенного, раскрывать взаимосвязи и выявлять противоречия, соотносить факты с идеалами, а значит, видеть действительность в ее развитии. Философия позволяет если не находить верные решения, то отсеивать неверные.

Выживет ли философия в современном мире? Выживет ли человечество? Ответы неизвестны, потому что судьба современного общества – в руках самих людей. Не раз за свою многотысячелетнюю историю человечество совершало, казалось бы, невозможное и делало новый эволюционный рывок. Скорее всего, нынешнему поколению так и придется действовать среди неизвестного и неопределенного, но решения принимать нужно (как правило, бездействие – самое худшее из решений). Наше будущее – в наших руках. Следует помнить это и не передавать руководство собственными поступками в чужие руки.

Н.В. Попкова,
*д.ф.н., к.т.н., профессор БГТУ,
председатель Брянского
философского общества*

Г.Т. Воробьёв,
доктор с.-х. наук,
Брянское отделение Общества
почвоведов им. В.В. Докучаева

О духовном и фундаментальном в учении в познании природы

Почвенный покров на суше выступает в виде биокостного покрывала и защитного экрана, предназначенного для сохранения и функционирования жизни, но специального учения о нем пока в почвоведении не создано. Жизнь человека есть единство четырех основных факторов: движение, осуществляемое по почвенному покрову; воздух, которым мы дышим; вода, которую мы пьем; почва, посредством которой мы питаемся. Для придания значимости совокупного действия основополагающих факторов жизни и предлагается учение о почвенном покрове как фундаментальной почвоведческой позиции в науке.

*Жизнь, создав почву,
обрела вечность.*

Возникновение духовности

Духовный мир человека, включая познавательную, нравственную и эстетическую формы деятельности, существует столько же, сколько и сам человек, этот мир, первоначально единый, нестатичен. Он пребывает в постоянном движении, которое происходит под воздействием духовной деятельности человека в конкретно-исторических условиях бытия.

После отделения от остальной человеческой жизнедеятельности и под влиянием процессов специализации и дифференциации духовный мир стал расщепляться. Выделилась прежде всего познавательная его форма, связанная с системой материального производства. Эта форма дея-

тельности совершила стремительный прорыв вперед и создала специализированную науку, которая определяет направление, пути и формы развития человечества [1].

Возникновение фундаментальности

Философские исследования и размышления позволяют определить истоки появления науки в духовном мире человека. Пройдя значительный временной период познавательной деятельности, наука заняла одно из ведущих и основных мест в жизнедеятельности человека, она превратилась в «науку верования», которая как будто «может всё». В настоящее время живёт и работает наука как огромный социальный институт, в котором научное знание теряет наглядность, становится всё более абстрактным, принимает специализированный и дисциплинарный облики. В личностном плане ученый теряет при этом свободу творчества. Благодаря коллективным формам работы и работе по определенным нормативам и вырабатывается эффективное знание.

Типы научной деятельности

В зависимости от своих целевых интегральных установок наука делится на фундаментальные и прикладные типы исследования.

Фундаментальные исследования – это знание как таковое, для которого характерна максимально объективная, полная и точная информация об окружающей действительности. Для фундаментального исследования истинность знания о мире является *высшей самодовлеющей ценностью*. Фундаментальность знания достигается совершенствованием его содержания, а не эффективностью его применения в конкретном случае. Исследование ведётся путём обобщения – в этом смысле и растет фундаментальность знаний, а значит, фундаментальная наука в любой области познания укрепляет фундамент науки в целом. Её *цель* – выявить и разумно представить новые данные о ми-

ре (объекте мира), дать новые характеристики мира и только затем обосновывать технологические возможности общества.

Для прикладных же исследований основной целью является получение инструментально эффективного знания о фрагменте мира ради решения конкретной практической задачи. Полученные в результате прикладных исследований новые научные данные оформляются в виде инструкций или технологических рецептов и указаний. Ученый – практик, решая практическую задачу, не познаёт мир как таковой, он конструирует или изобретает «вторую природу», в которой человеку будет удобно жить. Таким образом, меняется мир и человек, а с ним меняется и наука, в которой появился совершенно самостоятельный тип исследования – прикладное исследование. Для него характерны специфические мотивации (комфорт) и установки (коммерциализация), проникновение их на все уровни познавательной деятельности человека. Прикладная наука часто становится, особенно в наше время в гуманитарной сфере, прологом возникновения и развития псевдонауки [2].

Гимн почвенности

Почвенный покров на суше выступает в виде биокостного покрывала и защитного экрана, предназначенного для сохранения и функционирования жизни. Почвенная покровность выступает прапрапервичной формой жизни и является прообразом (колодкой) или, как сейчас принято говорить, матрицей для создания и одевания внешними, «кожными» покровами всех организмов на Земле. Тем самым природа предложила онтологическую форму законченности организмов в непрерывной форме жизни, что и обеспечивает её устойчивость. Наделение почвенной покровности основополагающей ролью в становлении и функционировании биосферы предполагает обладание ею такими основными свойствами, как непре-

рывность (всюдность), сокровенность воздействия и незаменимость присутствия. Впервые об этом было доложено на научных почвоведческих чтениях в марте 2007 г., а затем изложено в работе «К основам учения о почвенном покрове», изданной в 2009 г. [3].

За прошедшее время учеными с их «молчаливого одобрения» якобы приняты категории непрерывности и незаменимости. Но так и не нашло понимания третье важнейшее свойство почвенного покрова - сокровенность, которое располагается посредине двух терминов с частицей «не». Это обстоятельство побуждает дать дополнительные разъяснения. Когда мы встречаемся с непонятным явлением, вещью или словом, у нас часто возникает чувство некоего волнения, беспокойства и мы говорим: «а в этом есть нечто такое, с чем надобно разбираться». Это и произошло со словом сокровенность. Лингвисты нам говорят: «не» в слове «нечто» – не отрицание (как в словах «непрерывность» и «незаменимость»). Нечто – это именно что-то, но не в смысле «что-нибудь», «все равно что», а в смысле «здесь что-то есть». Нечто – не отрицание «что», наоборот, оно указывает на явное присутствие неопределенного «что» [4. С. 125].

Для придания значимости смысла понятию «сокровенность» приведём несколько доводов, усиливающих понимание её роли в почвенном покрове. Сокровенность есть почвенная покровная энергия, неизвестно какая и неизвестно каким образом, но воздействующая на человека, вызывая у него «вечный зов» к неуловимому. Человек, припадая к источнику почвенно-покровной энергии, чувствует себя как рыба в воде, как птица в воздухе, он становится человеком почвенно-духовным, обладающим нравственной деятельной силой. Понятие сокровенности является квинтэссенцией учения о почвенном покрове, проводником к познанию наиболее существенного - свойства духовности. И при этом указывает на его материального носителя. Человеческое пространство есть един-

ство четырёх основных факторов жизни человека: *движение, осуществляемое по почвенному покрову; воздух, которым мы дышим; вода, которую мы пьём; почва, посредством которой мы питаемся.*

Все слова правильные и убедительные. Но они слова, а суть проявления сокровенности остаётся неясной.

Попробуем обратиться к «внутренней форме слова». Что нам говорят слова «*по-кровность*» и «*сокровенность*»? Отделив предлоги, мы увидим, что указывают оба слова *на одно и то же коренное смысловое значение*. Значит, «будем радоваться, что так много можем раскрыть в слове, видеть в нем. Потому что слова указывают на многое. Суть слова в том, чтобы указать, сказать, с-казать, показать. Слово указывает на внутреннюю форму (...). Слово служит для отвода глаз от себя к вещам. Но там, куда мы смотрим по указке слова, слова уже нет. Оно в указывании, в с-казывании» [4. С. 417- 418], так говорят лингвисты-философы.

Опираясь на вышесказанное, сделаем концептуальный вывод. Почвенный покров выступает в роли заступника, хотя в каком виде заступничество проявляется, чем он защищает, пока не ясно. Да, внутренняя форма слова указывает на *по-кровность, а это и есть духовная защита*, потому как слова «кровность» и «кровный» означают *духовную близость почвенного покрова к жизни*, по отношению к которой он играет защитную роль. Присутствующую в почвенном покрове *духовность «как изначальное свойство материи»* [5. С. 11] мы и предложили назвать словом «*сокровенность*». Обнаружение и оценка почвенной духовности биосферы Земли придаёт уверенность в том, что её изучение станет объективной реальностью, а само слово «сокровенность» из метафоры станет признанным термином почвоведения, а значит, и науки вообще.

На основании вышесказанного можно предположить следующее: *Почва – это не земля, а часть поверхности земли, освоенной и занятой Жизнью.*

Учение о почвенном покрове как почвоведческая позиция в науке

Кризисное состояние нашего общества, связанное с крушением Советского Союза, отразилось негативно и на состоянии науки. Поиски путей преодоления этого кризиса с помощью только политических и экономических решений не приведут к его коренному преодолению, хотя кризисное состояние временно могут уменьшить. В этих условиях необходимо, на мой взгляд, *обратиться к науке, к её мощной социокультурно-экономической составляющей – фундаментальности.* Положительные примеры из истории есть. Так, кризисные явления в земледелии России в конце XIX в. были во многом преодолены благодаря созданию В.В. Докучаевым новой отрасли фундаментального знания – *почвоведения* [6].

В настоящее время кризисные явления нашего общества обострили ситуацию вокруг науки как определенной социально-экономической системы страны, предельно обострили и общественно-культурные проблемы. Эти проблемы возникают сегодня вокруг науки как таковой, и без их решения теряют смысл частные политические и экономические решения.

Почвоведение должно обладать фундаментальным основанием – отношением к знанию о почве как *самоценности «самостоятельного тела природы»*, хотя ныне это основание самоценности знания уходит, а остаётся лишь его полезность. Научное открытие почвы позволяет *по праву отнести В. В. Докучаева* к ряду великих ученых - естествоиспытателей России и всего мира.

Прикладные исследования в земледелии

Почвенный покров как природное образование, его использование человеком требовали научного подхода, хотя история показывает, что это использование опиралось на вековые сведения, опыт и приёмы ведения хозяйства. Новый тип использования природной среды требовал подведения под хозяйственную деятельность человека другого метода, опирающегося на научно-познавательную основу. Новый научно-познавательный тип деятельности нуждается в культурном и общечеловеческом утверждении.

Почва у всех прагматических научных направлений, таких, как земледелие, агрохимия, мелиорация и др., словно бы выносятся за скобки, и работа, мотивация усилий ученых этих направлений оценивается в первую очередь практическим результатом, а приращение фундаментального познания в целом остаётся побочным и ненужным. Поэтому почвенная философско-методологическая оценка научности практики всех, кто работает с почвой, не допустила бы такие негативные процессы, как загрязнение природной среды агрохимикатами, переосушка торфяников и отдельных территорий, чрезмерная распаханность земельных угодий, повсеместное нарушение соотношений между пашней, лесом и лугом. В почвоведении ныне допускаются большие риски упрощения. В ряду их, например, исключение из государственного земельного кадастра бонитировки почв. Но без этого элемента научности и жизненности, т.е. *элемента фундаментальности*, кадастровая оценка превращается в простую коммерческую, доходную сделку.

С почвой можно проделать великое множество анализов (да, уже проделали, будут и дальше делать). Получили позитивные, иногда не совсем, а зачастую просто отрицательные результаты. Аналитика свою дань собрала, собирает и будет собирать дальше, т.е. «делать анализы

для анализов». На горизонте уже и аналитические данные на нануровне. Но приведёт ли только аналитика к познанию «самостоятельного тела природы», остаётся под большим вопросом.

В то же время свойства почвенного покрова такие, как непрерывность, сокровенность и незаменимость, еще никто не подвергал аналитической обработке. Наверное, кто-то скажет: потому, что таких свойств почвенного покрова нет вообще. Это самое простое, да и в духе времени, «экономически эффективное» решение – нет и дело с концом. Только остаются без ответа такие духовные феномены, как «вечный зов земли», тяга и любовь к месту рождения и в целом чувство большой и малой Родины. Почвенный покров находится в постоянном обиходе, он никуда не девается (можно лишь утратить по нерадению), не выпадает из жизни биосферы, постоянно возобновляется процессами почвообразования и живёт. То есть движение почвенного духа налицо.

Только современная беспомощность науки о почве, не имеющей средств (не путать с финансами) для проследивания и указания на роль почвы в жизни человека, заставляет наивно уповать на эффект всё новых и новых специальных разделов (на Шестом Съезде почвоведов 2012 г. в г. Петрозаводске предлагается вести обсуждение в 23 комиссиях и 9 симпозиумах). Это якобы расширяет познавательные возможности, удобные для *анализа* с опорой на математическую статистику. А на подходе – новые наноразделы почвоведения.

Настоящая же почва живёт рядом с познанием её, внутри данных о ней, иногда вне данных. Вместе с якобы познанием *почва систематически оказывается незамеченной*. У «самостоятельного тела природы» есть «величавая скромность и молчаливое терпение» как непостижимое достоинство природы. Но мы до сих пор плохо знаем почвенный язык, в этом, наверное, и кроется наша беспомощность в познании почвы.

Преимственность в обществе и науке

Преимственности в жизни общества и в науке практически нет, жизнью и наукой движет коммерческий хаос, обеспечивающий получение гипертрофированного комфорта. В стране нет государственной почвенной службы, отсутствует служба земледелия, нет землеустроительной службы и мелиоративной, агрохимия пока есть, но она без практической службы, которая была в советское время.

О почвенной гравитации

Закон тяготения указывает на одно из основных свойств материи, выражающееся во взаимном притяжении всех тел. Гравитационные силы носят универсальный характер, действуют на больших расстояниях, но, тем не менее, их называют слабыми силами [7. С. 102].

Почвенный покров представляет собой естественное тело, обладающее определённой массой и энергией, и значит, вносит свой вклад в создание гравитационного поля Земли. Этот вклад можно обозвать почвенным физическим полем (не путать с полем пашни), которое участвует в создании особой почвенной информационной составляющей гравитации. Человек «дышит» почвой, но это дыхание с высотой быстро убывает. Почвенная составляющая гравитации своё присутствие как планетарное явление обнаруживает притягательностью, сферическим (всюдным) воздействием на все живое (вспомним «вечный зов» у человека). В почвенную гравитацию, по-видимому, входят составной частью ноосфера В.И. Вернадского, сфера человеческого разума. Материальным хранителем и носителем ноосферы выступает почвенный покров.

Действие почвенного поля по высоте достигает первых двух-трех десятков метров. Поэтому можно предположить, что человек, живущий выше пятого этажа, уже ощущает «почвенную недостаточность», еще выше – человек вообще живёт в условиях «беспочвенной гравитации», которая в духовном плане может стать основной по-

рождения и развития безнравственных свойств у человека, что, по-видимому, и проявляется в основном в городах - в первую очередь в мегаполисах.

Конечно, это субъективные догадки. Но «говорящий, чувствуя, что слово принадлежит ему, в то же время предполагает, что слово и представление не составляет исключительной, личной его принадлежности» [8. С. 156]. Так и мои представления о почвенной гравитации, её влиянии на всё живое и на человека в первую очередь – это «нечто», т.е. в этом что-то есть. Поэтому физики, «стараясь создать полную единую теорию, которая охватила бы всё, что происходит во Вселенной» [6. С. 213], но без учёта почвенной гравитации, какую бы теорию и создали, она будет «неполной», во всяком случае, для планеты Земля.

Заключение

Почвенный покров как планетарное образование должен познаваться и изучаться особым учением о почвенном покрове, входящим составной частью в почвоведение. Но этого учения не создано, его пока нет. Научное знание развивается непрерывно, как и почвенный покров, т.е. *преемственно*, а это существенная черта *фундаментальной науки* и условие её существования вообще.

Прикладные прагматические мотивы в познании нарушают непрерывность науки, подобно тому, как пустыни и города (как антропогенный прообраз пустыни) – непрерывность почвенного покрова, вытесняют установку на преемственность знания из мотивации исследований.

Требуется разработка почвенной философско-методологической рефлексии (размышлений), как любят говорить философы, методологии, возвышающейся над научно-познавательной практикой, связанной работой с почвенными и земельными ресурсами, что позволит избежать рисков и негативных последствий при использовании этих ресурсов.

Предложенное нами ранее определение почвенного покрова (*почвенный покров есть органичная целостность почв земной поверхности, обеспечивающая целесообразность взаимодействия сил природы в непрерывном процессе воссоздания основы становления, существования и развития биосферы*) требует большей простоты, и работа в этом направлении продолжается.

В истории познания почвы были периоды триумфа, произошедшего после гениального открытия почвы в конце XIX в. В.В. Докучаевым. Периоды большого энтузиазма и надежд великих почвоведов, развивавших учение о почве, были как в пору Российской Империи, так и Советском Союзе. Период подлинного расцвета в изучении почвы состоялся в советское время, когда почвенное познание превратилось в непосредственную производственную силу общества. Специалисты, почвоведы всех уровней, в первую очередь учёные – почвоведы должны помнить: *«успех надо успеть подкрепить»*, а мы успокоились и забыли это правило. И за последние 30 лет фундаментальными достижениями ни разу не подкрепили науку о почве.

Литература

1. Никитин, Е.П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся Вселенная? / Е.П. Никитин // Вопросы философии. - 1991. - № 8. - С. 3-12.
2. Пружинин, Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии / Б.И. Пружинин. - М.: Изд-во РОСС ПЕН, 2009. - 423 с.
3. Воробьёв, Г.Т. К основам учения о почвенном покрове / Г.Т. Воробьёв. - Брянск, 2009. - 34 с.
4. Бибихин, В.В. Внутренняя форма слова / В.В. Бибихин. - СПб: Наука, 2008 - С. 429.

5. Бондарева, С.К. Духовность (психология, социология, семантика) / С.К. Бондарева, Д.В. Колесов. – М. - Воронеж, 2007. - 144 с.
6. Докучаев, В.В. О почвенных зонах вообще и вертикальных зонах в особенности / В.В. Докучаев // Избранные сочинения. - М.: Госизд. сельхоз. лит., 1949. - Т. 3. - С. 325.
7. Хокинг, Ст. Краткая история времени от большого взрыва до черных дыр / Ст. Хокинг. - СПб.: Изд-во «Амфора», 2003. - С. 269.
8. Потенбя, А.А. Слово и миф / А.А. Потенбя. - М.: Изд-во «Правда», 1989. - С. 624.

В.Г. Горбачев,
к.ф.н., доцент БГУ
им. акад. И.Г. Петровского

Императивность как функция философского знания

В современных учебниках и учебных пособиях по философии в рамках вводной темы обычно дается перечень функций философского знания, раскрывающих роль философии в общей системе культуры. Традиционно к числу важнейших среди них принято относить мировоззренческую и методологическую функцию с акцентом на особой роли первой среди них. Авторы называют и такие функции, как аксиологическая, гуманистическая, социально-критическая, прогностическая, идеологическая, жизненно-практическая, социализирующая, социокультурная, интегративная, логотерапевтическая и иные [1; 2; 3; 4; 5].

К сожалению, в этом перечне не находится места для *императивной функции*, выделение которой мы считаем обоснованным и целесообразным. Более того, об этом очень уместно вести речь в связи с актуализацией пробле-

мы современного антропологического кризиса, неопределенности дальнейшего существования человеческой цивилизации, иными важными обстоятельствами. Императивность философского знания – это, по сути дела, способность философии выполнять активную роль в различных социальных практиках, участвовать в решении актуальных задач антропосоциального характера. Вопрос об императивности философского знания есть вопрос о взаимосвязи философии и общества, философии и человека, в целом – философии и бытия.

Известно, что сам термин «императив» означает повеление, правило, предписание. Очень часто этот термин связывается с творчеством И. Канта, который в своем учении о морали и нравственности обстоятельно разработал понятие категорического императива. Но, на наш взгляд, императивность философского знания может и должна иметь гораздо более широкое проявление себя, не сводясь только к сфере моральной практики. *Императивная функция философского знания есть абстрактная форма его повелительной роли в социальных практиках.*

Императивная функция философского знания способна проявлять себя в различных социальных практиках:

- в сфере политической практики (ставя, например, проблему допустимого и недопустимого в политике);
- в сфере инженерной практики (обозначая, например, социально приемлемые пути конструирования);
- в сфере экологической практики (формулируя, например, основные принципы отношения человека к природной среде);
- в сфере образовательной практики (создавая, например, социально одобряемые модели образования);
- в сфере военной практики (ставя вопрос о смысле военной деятельности);

Можно назвать и иные виды социальных практик как своего рода объекты приложения данной функции философского знания (например, экономика, реклама, здра-

воохранение, научная деятельность). В целом же данная функция может быть приложима к разным формам проявления бытия (природа, общество, человек, техника, космос и т.д.), где философия может и должна высказывать свое Слово.

Наиболее отчетливо императивная функция представлена в конкретных областях философского познания. Это прежде всего этика, эстетика, аксиология, философская антропология, социальная философия. Ее присутствие очевидно в отдельных философских течениях (марксизм, экзистенциализм, религиозная философия, космизм, философия техники и иные). Она может и должна находить себя в областях современных междисциплинарных взаимодействий (философия-биология; философия-генетика; философия-педагогика и иные).

Императивность философского знания проистекает, в конечном счете, из глубинных оснований человеческого общества, цивилизации как таковой. Она выражает глубинную потребность в самосохранении и самовоспроизводстве общественной жизни, социальной формы движения материи, носителем которой является Человек. Императивность философского знания вытекает из социальной практики, формируется ею, возвращается в нее.

На наш взгляд, императивность философского знания может быть двоякого рода: мягкая (рекомендательного характера) и жесткая (обязательного характера). Философское знание в его императивной форме гласит, например: «так следует», «так надо», «необходимо», «нельзя», «безусловно», «не допустимо», «ни в коем случае» и т.п. Из истории философской мысли хорошо известны такие формы выражения императивности, как «не убий», «не навреди» и т.п. По сути дела, императивность означает осознание и обозначение границы между допустимым и недопустимым.

Императивная функция философского знания указывает на то, что существует так называемая «практиче-

ская философия» – тот уровень философствования, который является «приземленным», непосредственно связанным с социальной практикой. В целом же философия как система знаний всегда многослойна и многофункциональна. Ее нельзя сводить к чему-то одному (например, к мировоззрению, категориям, стилям и т.д.). Будучи абстрактным выражением культуры, философия очень содержательна. Она тоже являет собой своего рода универсум со специфическим содержанием мировоззренческого характера.

Литература

1. Введение в философию: Учебное пособие для вузов / авт. коллектив: И.Т. Фролов [и др.]. – 3-е изд. – М., 2004.
2. Рычков, А.К. Философия: Учебник для вузов / А.К. Рычков, Б.Л. Яшин. – М., 2002.
3. Тюгашев, Е.А. Феномен философии: рефлексия дискурса Е.А. Тюгашев. – Новосибирск, 2008.
4. Философия: Учебник / под ред. В.Н. Лавриненко. – М., 1998.
5. Философия: Учебник / под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. – 2-е изд. – М., 2004.

Э.С. Демиденко,
д.ф.н., профессор
Балтийского федерального
Университета им. И. Канта
г. Калининград

Двуликая техносфера в человеческой жизни

Техносфера в самом кратком ее выражении можно определить как *искусственный неживой вещественный и полевой мир*. Это понятие отражает область реального бытия созданных человеком техники и технологий, зданий и сооружений, материальных средств преобразовательной деятельности общества, предметно-вещественного и электромагнитного мира в единстве с частью природного-биосферного, фундаментально преобразованного человечеством в основном в последние два века [1. С. 295-303].

Этимологически понятие техносферы органически связано с понятием техники, происходящим от греческого «технэ» – искусство, мастерство, умение. Развитая человечеством на протяжении многих тысячелетий, техника приобрела особое значение со времен промышленной революции, завершившейся созданием крупного машинного производства и породившей глобальную техносферу. Техника образует систему искусственных органов деятельности общества, формирующейся и развивающейся в ходе исторического процесса опредмечивания в природном материале трудовых функций, навыков, опыта, эмпирических и теоретических знаний. И если техника, порождаемая и направляемая людьми, образует составную часть производительных сил общества – средства производства, то техносфера как более широкое понятие охватывает практически весь искусственный неживой материальный мир во всем его противоречивом воздействии как на биосферу, так и человека, порожденного биосферой и сформированного обществом. Техника в широком смысле слова (тех-

ника и технология, вместе взятые), создаваемая на основе достижений науки, составляет основу техносферы. Благодаря ей формируется, усложняется и расширяется на планете весь многослойный мир глобальной техносферы, в свою очередь являющейся материальным фундаментом современного техногенного общественного организма.

В ходе глобального техногенного общественного развития техносфера превратилась в особую оболочку планеты, в которой осуществляется не только основная предметно-историческая деятельность человечества, но и вся совокупность жизнедеятельности городского населения, а также биологических процессов окультуренных растений и животных.

Техносфера представляет собой стремительно возрастающую искусственную среду обитания населения, которая, разрастаясь, не только потесняет природную, но и разрушает биосферную. Благодаря техносфере стремительно развивается общественный организм и социализируется человек, в агропромышленном комплексе ускоряются биологические процессы, происходит целенаправленная трансформация биосферных организмов и формирование постбиосферных (например, генетически модифицированных), удовлетворяющих многие потребности населения как в питании, так и промышленных и бытовых товарах. Техносфера как целостная глобальная система имеет свою сложную и разветвленную структуру и организацию, которую можно представить в следующем обобщенном виде: 1) техника и технология, создаваемые на основе науки и научно-производственной практики, представляют собой основу техносферы – ядро ее генезиса и формирования, поддержания ее в развитии как системного целого; следует дополнить: социально и профессионально образованный человек и наукотехника вместе составляют современные научно-технические производительные силы; 2) многомиллионные мегаполисы, городские агломерации, системы поселений и отдельные посе-

ления; 3) территориально-промышленные комплексы – градопромышленные, агропромышленные, горнодобывающие, горно-перерабатывающие, энергетические, рекреационные; 4) объекты промышленных, строительных, сельскохозяйственных предприятий вместе с технико-технологической инфраструктурой; 5) здания и сооружения социально-культурного, бытового и иного назначения; б) предметно-техническая среда обитания людей, обеспечивающая жизнедеятельность и безопасность населения и биосферной природы; 7) транспорт и транспортные коммуникации, объединяющие мега- и малые объекты в общий национальный или даже интернациональный каркас техносферы; 8) искусственные электромагнитные и другие поля; 9) предметный мир – от объектов деятельности до предметов сферы быта; 10) химические синтезированные вещества промышленного и иного небiosферного происхождения; 11) трансформированные и созданные человеком радиоактивные вещества; 12) отходы производства, сферы услуг, быта и других форм жизнедеятельности населения и т.п.

Нередко к техносфере относят и качественно преобразованные участки биосферы, которые получили название технобиосферы, – агроценозы, урбоценозы и технобиоценозы. Эти участки, скорее всего, можно назвать техногенными – пронизанными и трансформированными техносферой и технико-технологической человеческой деятельностью, технобиогенными процессами. Ни в коем случае нельзя, на наш взгляд, относить к техносфере одомашненные, социализированные, трансформированные биосферные живые организмы или даже сотворенные человеком постбиосферные живые биологические организмы, к которым, например, относится печально известная синтия в Мексиканском заливе, созданная для поедания нефти, но поедающая уже и живые организмы и изъедающая человеческие тела. К сожалению, некоторые исследователи созданные живые организмы относят к техносфер-

ным, ссылаясь на то, что они сотворены на основе применения техники, технологий, принципов и методов сотворения искусственных объектов и процессов. Весь искусственный мир как творение человеческого разума и труда, по сути, мир ноосферный, объединяющий все виды и формы материального и духовного творчества людей. Сотворенные или трансформированные человеком многочисленные живые организмы уже не являются биосферными в их «чистом виде», но все же они коренным образом отличаются от техномира - мира искусственного, но неживого.

Качественно отличающимися творениями человека (мира искусственного) являются социум как единство человека, его техносферы и биосферной природы, техноноосферные живые организмы и духовный мир человека во всех его проявлениях. Но эти качественно отличающиеся части искусственного мира, сотворенного человеком, интегрируются с биосферой и человеком, создавая промежуточные формы, среди которых выделяются технобиосфера, биотехносфера, роботизированный человек, трансгенные растения и т.п. Иногда бывает сложно определить границы между миром искусственным и миром естественным, между техносферой и биотехносферой. Но мы имеем ориентиры качественно различных частей искусственного в мире, отличающих их от естественного. Мы также знаем отличия живого от неживого, ориентиры интеграции естественного и искусственного с определением их частей и роли в жизни человека.

Немало находится исследователей, которые техносферу относят к объектам преимущественно отрицательного характера, противопоставляя ей ноосферу как нечто только положительное. Но сразу возникает вопрос, а зачем мы изо дня в день, не переставая, творим этот неживой искусственный мир? Здесь следовало бы отнестись и к самой техносфере, и процессу ее творения двояко – как к противоречивому явлению, имеющему положительные и отрицательные стороны в развитии биосферы, общества и

человека. Трансформацию человека под воздействием техносферы можно разделить на три составляющие: положительную для дальнейшей устойчивой эволюции биосферы и рожденного ею человека; нейтральную по отношению к биосферной природе, включая и человека; отрицательно воздействующую на человека непосредственно и опосредованно через трансформированную ею природу. Человечество, особенно при удовлетворении своих потребностей, концентрировало внимание на первичных, потребительских свойствах предметно-вещественного мира, оставляя в тени его противоречивый характер.

Среди положительных качеств техносферы следует отметить следующие.

Во-первых, техника и технология, будучи основами искусственного мира, играют положительную цивилизирующую роль в развитии общественного организма и возвышении самого человека, и такую же цивилизирующую роль играет и сама многофункциональная техносфера. Мир человека органически сливается с биосферной оздоравливающей природой и искусственным миром, который вначале выступает в своих сугубо функциональных ролях и только затем все больше и больше эстетически разнообразится, создавая объекты человеческой деятельности и жизни, которые органически дополняют биосферное бытие, его возвышая. Именно это имел в виду В.И. Вернадский, когда прогнозировал создание человеческим разумом и трудом ноосферы как высшего состояния биосферы. Именно это на основе биосферных технологий человечество создавало в земледельческую эпоху в образе окультуренной природы – растений и животных. Именно по этой столбовой дорожке должно идти и далее человечество, преодолевая губительный эгоистический и технократически-капиталистический путь развития.

Во-вторых, благодаря техносфере человечество создало небывалые ранее научно-технические производительные силы. При рационально-гуманной организации

общества и человеческого труда они позволяют не только решить актуальные глобальные и иные проблемы, но и обеспечить людей общеобразовательной и профессиональной подготовкой, плодотворной и творческой работой, в разумных объемах материальными и духовными благами, создать условия для их всестороннего телесного и культурного развития и достойной жизни.

Без формирования техносферы невозможно было бы решить в мире и такую проблему, как повышение благосостояния населения планеты Земля. Так, в еще в начале XXI века в мире был всего 1% богатых и социально обеспеченных людей, имеющих такие блага цивилизации, как дом или квартира, медицинское обслуживание, транспорт, связь, образование, регулярный отдых и социальное обеспечение, тогда как в 80-е годы – 40% [2. Р. 121]. В настоящее время таковых мы сможем насчитать, видимо, около 50%. Если в начале XIX века грамотного населения в мире было менее 10%, то сейчас – 85%, ученых и научных работников за 2 века выросло с 1 тысячи до 5 млн. Городское население мира, составлявшее в 1800 г. 45 млн. человек (5,1%), увеличилось за 2 с небольшим столетия в 80 раз и составляет сейчас 3,6 млрд. человек [3]. Без бурного роста техносферы этого нельзя было бы достичь. Полагаю, и в других сферах жизни изменения занимают примерно такой же существенный порядок.

В-третьих, в техносферных условиях жизнедеятельности растущее человечество получает возможность, с одной стороны, ускоренного социально-экономического и культурного развития, цивилизационной социализации человека. С другой же стороны, позволило, хотя и в неполной мере, удовлетворить потребности 7-миллиардного населения в продуктах питания за счет увеличения производительности труда в земледелии и рыболовстве, так как удовлетворения таких даже неполных потребностей в условиях традиционного земледельческого общества добиться практически было невозможно. Все хорошо знают

из истории массовые голодовки в неурожайные годы даже еще в прошлом столетии в России, СССР, и других странах.

В-четвертых, техносфера изолирует человека от неблагоприятных условий жизни и деятельности и тем самым способствует продлению его жизни, активной и плодотворной работе. В начале нового тысячелетия человек имел среднюю продолжительность жизни примерно 20 лет, которая на протяжении средних веков оставалась неизменной, а с начала предпромышленного, затем и индустриального развития стала расти и растет постоянно на протяжении уже почти 170 лет, достигнув в наиболее развитых странах 78-82 года. В СССР, который получил в наследство среднюю продолжительность жизни 32-33 года, она к 1987 г. (за 70 лет) поднялась до 72 лет (в 2,5-3 раза быстрее росла, чем на Западе), а в годы перестройки и «реформ» существенно снизилась, особенно у мужчин. В росте средней продолжительности жизни населения на планете основную роль сыграли и такие факторы, как подъем общей культуры и гигиены населения, победа над инфекционными заболеваниями и разнообразие питания за счет освоения полноценных биосферных почв при помощи машинной техники.

Можно отметить немало и других положительных сторон, которыми обладает техносфера и ее составные части. Но вместе с тем создаваемая и расширяющаяся техносфера, переходящая грань безопасной меры, начинает играть все более и более отрицательную роль в биосферной и человеческой жизни. Среди ее отрицательных качеств можно выделить следующие.

Во-первых, формирование техносферы происходит за счет нарастающего использования значительной части живого биосферного вещества планеты, особенно лесных массивов, их заметного сокращения в последние два столетия; уже исчезло 2/3 лесов на планете, а сейчас особенно сильно уничтожаются африканские леса.

Во-вторых, техносфера все больше и больше расширяется, сокращая былые биосферные пространства за счет строительства городов и дорог, в основном асфальтированных. Под городскими и поселенческими застройками находится свыше 4% суши, не меньше и под дорожными покрытиями. К концу XXI века прогнозируется под городами, поселениями и отдельными постройками 13-15% суши, или пятая часть жизнепригодного пространства. К этому следует добавить, что уже сейчас человечество 55% суши превратило в техногенные грунты, по сути безжизненные. Таким образом, биосферная пленка жизни неимоверно сжимается, сокращая не только биосферную жизнь, ее пространство и объем, но и завтрашнюю жизнь человечества.

В-третьих, значительное место в сохранении и возрождении земной жизни играют почвы, которые формировались на суше более 400 млн. лет. С переходом человечества 10-12 тыс. лет назад от собирательства к земледелию на основе окультуривания высших растений и животных удалось сохранить жизнь человеку, поскольку в ходе собирательства были практически уничтожены крупные животные, которые служили основой питания людей. За этот промежуток времени было израсходовано примерно 2 млрд. гектаров наиболее плодородных земель, притом из них 0,7 млрд. за последние 3 столетия. С учетом роста населения сельскохозяйственных почв осталось всего на 1,5- 2 столетия при экономном их расходовании. Если учесть, что в почвах и на почвах «проживает» 92% всех видов живых организмов планеты и они в конечном итоге питаются за счет почв, то с сохранностью и жизнью почв связывается и вся жизнь на земном шаре. Исчерпание почв представляет собой и исчерпание жизни. В связи с этим автор статьи предлагает перестроить биотический круговорот полезных почвенных веществ соответственно с сельско-городскими отношениями и антропогенно-техногенным движением по линии «село-город» биосфер-

но-биологического вещества на планете с целью сохранить остатки биосферно-биологического вещества, пустив его в повторное производство.

В-четвертых, одним из трагических последствий непродуманного формирования техносферы на планете является ее крайне негативное воздействие на организм человека. Поскольку в мире правит бал капитализм, то его основной целью является не человек как одна из самых высочайших целей развития общества, а личные сверхдоходы от бизнеса. Акулы капитализма откровенно с самого его зарождения и человека игнорировали, и природные ресурсы не берегли. По некоторым расчетам, для становления промышленного и сельского хозяйства на Американском континенте было поймано в Африке не менее 200 миллионов будущих рабов. Прежде чем отправить на другой материк, им устраивали отбор на острове возле Дакара (ныне Республика Сенегал), оставляя без пищи и воды под палящим солнцем. Умерших или ослабленных сбрасывали акулам, а выживших сажали за весла на специальные суда и отправляли в рабство. Примерно из 150 миллионов отправленных в Америку около половины живыми не добрались. В итоге США построили «великое техногенное общество» с мощными производительными силами и техносферой. Благодаря им американцы подчиняют себе значительную часть мира и потребляют в два раз больше, чем производят. Реклама американского образа жизни, выгоды и удовольствий нужна им, чтобы эксплуатировать весь мир [4. С.33]. А для такой эксплуатации США тратят на вооружение практически половину того, что тратят все остальные страны мира.

Но отношение новых, буржуазных господ к природе оказалось таким, каким оно было еще при рабстве, как к африканцам, так и к американским аборигенам-индейцам, которых согнали из их земель в резервации. Если во времена Колумба на территории нынешних США было 170 млн. гектаров лесов, то их сейчас осталось всего лишь 8

млн. или 5%. То же самое стало и с почвами: они практически истощены до предела. В XX веке в сельскохозяйственных почвах было израсходовано примерно две трети полезных веществ и соответственно их потеря по разным регионам составила от 60 до 99,5% [4. С.96]. Американский капитализм чуть ли не полностью использовал живое и биогенное вещество планеты всего за два столетия для создания техносферных объектов, нисколько не заботясь о будущем как своего народа, так и биосферы. Загрязненная промышленными отходами и обедненная полезными веществами биосфера в свою очередь становится дополнительным важным фактором повышения уровня техногенности жизни и заболеваемости людей, изменения даже их телесности.

За последние два десятилетия средний рост американца уменьшился на 2 см, увеличился его средний вес в основном за счет большого количества толстяков из беднейших слоев населения, что вынуждает ежегодно проводить операции порядка 200 тысяч граждан по удалению жиров. В связи с этим принята программа расширения дверей в общественном транспорте, оборудования сиденьями мест для человека весом до 200 килограммов.

В-пятых, при всей опасности бесконтрольного формирования техносферы на планете можно выделить самые опасные ее составные части. Среди них – синтезированные химические вещества и искусственные поля. Благодаря новейшим достижениям в области химии для уничтожения «вредителей» на полях и развитию искусственных электромагнитных и других полей за первые 10 лет распространения мобильной связи в Англии на 77% увеличилась заболеваемость людей онкологией мозга и исчезло 17% пчел, за последние 10 лет в США более чем на 80% сократилось количество пчел, а в 2011 г. было уничтожено примерно 30% пчел и шмелей в мире. Это далеко не полный перечень тех смертельных изъянов, которые нам преподносит техносфера. Сам человеческий организм

и гуманные отношения между людьми оказались под угрозой в условиях *социально-техногенного развития мира*, особенно диктуемого капиталом. Изучение техносферы с целью создания благоприятных условий общественного развития и ограничения отрицательного влияния на биосферу и человека давно уже назрело и требует высокой организации как мировой науки, так и российской.

Литература

1. Демиденко, Э.С. *Философия и социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины* / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – М.- Брянск, 2011. - (Попкова Н.В. Техносфера; Демиденко Э.С. Техносфера как искусственный неживой мир; Попкова Н.В. Философия техносферы. - М., 2007.).
2. Fazzorale R. *Energy // The Biosphere Catalogue.*- London, 1985.
3. Расчеты сделаны на основе статистических данных.
4. Благодарение с любовью: журнал. - 2013. - № 4.
5. Ларионова, И.С. *Системное мышление в практике биолога и врача: философский анализ* / И.С. Ларионова, А.А.Алексеев.- М., 2008. - Т.2.

В.В. Мирошников,
д. т. н., профессор БГТУ

Социально – политическое воздействие философии постмодерна

Сегодняшние события на Украине – яркое проявление современной фазы многовековой геополитической войны, геополитического сражения между Евразийским и Атлантическим проектами переустройства мира. В современном облики – это война между главными субъектами

современного мира: Россией и США с Евросоюзом. Эта холодная (пока), но очень жесткая война ведется против России с применением нового суперсовременного оружия XXI века, которое в последнее время получило название «организационное».

Организационное оружие ориентировано на «самодезорганизацию» и «самодезориентацию» противника с помощью согласованных по целям, месту и времени пропагандистских, информационных и психологических воздействий на сознание граждан атакуемой страны.

Идеологический фундамент организационного оружия построен на философии постмодерна. Технической базой и технологической основой организационного оружия являются средства массовой информации (СМИ), особенно электронные: телевидение, радио, Интернет и мобильная связь, которые превратились в систему, формирующую сознание людей, их мировосприятие, мировоззрение.

Чем же «забивается», «загружается» сознание наших людей, совершенно не защищенных от такого массового информационного воздействия?

Кратко это можно обозначить так: «3Д-воздействие постмодерна», которое складывается из следующих трех составляющих.

Десакрализация, дехристианизация сознания. Архитекторами «Нового мирового порядка» ставится задача полной и окончательной десакрализации мира и общества, полная ликвидация категории Священного и самой способности человека к чему бы то ни было относиться как к Священному, Божественному.

Деканонизация, дегуманизация сознания. Ведется разрушение любых религиозных, мировоззренческих, эстетических, этических традиций, канонов и норм, которые объединяют общество. Вместо этого – активнейшее поощрение любых индивидуальных эстетических, моральных, мировоззренческих и поведенческих отклонений. Основ-

ными инструментами, с помощью которых переформатируется сознание людей, являются известные идеологические категории: толерантность, политкорректность, мультикультурность и феминизм.

Дерационализация, дебилизация сознания. Постмодерном ведется дерационализация (отказ от логики) и релятивизация (отмена истины). Цель – воспитание равнодушия к вопросам добра и зла, справедливости и несправедливости, истины и лжи, красоты и безобразия. Осуществляется разрушение целостности картины мира, разрушение авторитета научного знания, формирование мозаичной, фрагментарной, лоскутно-кусочной, клиповой картины мира. Цель – снижение барьера критичности к поступающей информации, облегчение манипуляции сознанием.

В философии существуют разные точки зрения на постмодерн.

Президент Академии философии хозяйства Ю.М. Осипов выводит понятие постмодерна из историсофской трактовки обобщенного пути развития человечества в виде следующей триады: Премодерн, Модерн и Постмодерн.

Вникнуть в суть Постмодерна можно только в сравнении его с Модерном и Премодерном. Если Премодерн – это бытие человека в природе под покровом внешнего сакрального начала, то Модерн – это уже тотальная переделка природы и создание целостного неприродного мира при потребном для этого игнорировании внешнего сакрального начала. А вот Постмодерн – это уже бытие человека вне природы и сакрального начала в созданном человеком искусственном и совершенно уже десакрализованном (секуляризованном) мире при одновременной десакрализации самого человека или несколько иначе: Премодерн – с Богом и под Богом, Модерн – в борьбе с Богом и вопреки Богу, Постмодерн – вообще без Бога. До Постмодерна виртуальность лишь обслуживала реальность, теперь она ее всю создает.

В своей монографии «Постфилософия» известный

философ Александр Дугин делит историю человеческой мысли на три фундаментальных эпохи – традиционное (премодерн), общество Нового времени (модерн) и постиндустриальное общество (постмодерн). Он называет их «парадигмами»...

Сейчас вершится момент фазового перехода, смены парадигм. Современный мир осуществляет переход к парадигме постмодерна. Это фундаментальный момент – наступает «конец философии». В постфилософии находят свой конец или до неузнаваемости видоизменяются такие привычные нам понятия как «человек», «реальность», «разум», «время». На их место приходят «шизомассы», «киборги», «ризома», «виртуальная реальность», «симулякры», «бесовская структура», «сеть».

Строев А.С. («Философия хозяйства») определяет постмодерн как орудие мирового переустройства. При этом он обращает внимание на то, что, хотя постмодерн позиционирует себя как литературный, архитектурный и т.д. стиль, как общее направление современного искусства и культуры, на самом деле он представляет собой в чистом виде «соцзаказ». Это не более и не менее чем инструмент формирования сознания масс в интересах заказчика – транснациональной капиталократической олигархии, а говоря еще конкретнее – мировой банковской олигархии и ее высшего менеджмента... А конечная цель проста – добиться полного и абсолютного контроля над каждым отдельно взятым человеком.

Как противостоять этим вредоносным воздействиям? Современный обычный россиянин, получивший образование в школе, колледже или университете, практически не способен противиться давлению постмодерна.

Это можно объяснить тем, что Россия вслед за Западом под влиянием господствующей в стране либерально-рыночной идеологии постепенно стала трансформироваться в так называемое «общество потребления», феномен которого описал еще в 70-х годах XX века французский

философ Жак Бодрийяр. Сформировавшаяся в социуме система потребления включает в свою сферу все: не только вещи, но и отношения, историю, природу, даже науку и культуру.

Российское общество усилиями апологетов либерально-рыночной идеологии трансформировалось еще в один новый прозападный вид социума – «Общество Зрелища», который впервые описал в середине прошлого века французский лидер левого движения, философ Ги Дебор.

В «Обществе Зрелища» происходит резкое возрастание роли СМИ, превращение их в автономный, независимый от остальных властных структур социальный субъект. Сегодня СМИ, особенно телевидение, действует с максимальной гипнотической силой на сознание людей. Прикупив себе СМИ Капитал получает неограниченную власть над людьми, полностью подчинив их жизнь и поведение своей собственной логике.

Противостоять магическому воздействию СМИ, произрастающих и расцветающих на почве «Общества Зрелища» и «Общества потребления», питающихся духом философии постмодерна, материалистическое сознание современного человека, засоренное страстями и пороками, практически неспособно. Сопротивляться потоку сладострастия, славолубия, властолюбия, сребролюбия, обильно текущему с экранов телевизоров и Интернет, может только религиозное сознание, которое считает чревоугодие, блуд, эгоизм, стяжательство грехами и имеет средства борьбы с ними. В России источником такого религиозного сознания в силу многовековой традиции является преимущественно православное христианское мировоззрение.

Ю. М. Осипов,
д.э.н., профессор МГУ,
директор Центра общественных
наук при МГУ,
председатель Философско-экономического
ученого собрания РФ

Философия на миру: абстракции и практики

Наука открывает тайну природного, или физического, мира, религия закрывает собой тайну мира иного, или метафизического, философия же остаётся с тайной мира вообще – что физического, что метафизического, не пытаюсь разрешить тайну мира, как точная наука, и не преодолеваю тайны мира, как догматическая религия. Философия предпочитает иметь дело не со знанием, а с незнанием, стараясь это последнее не более чем осознать, никак не превращая его в конечное – опытно-доказательное или же верой обусловленное – знание. Если наука и религия явно что-то знают, пусть каждая своё и по-своему, то философия, исходя более всего не из знания, а из незнания, никак не претендует на какое-либо законченное знание. В сердцевине философии знание-размыслительная неопределённость, восходящая к тайне мира, а не определённости, восходящая либо к точному (физическому) знанию, либо же к утверждённому от имени высшей силы непререкаемому догмату (вполне, кстати, метафизическому).

Философия есть свободное суждение человека о мире, бытии, жизни, включая человека и его сознание, то самое суждение, которое позволяет человеку самому ориентироваться в полных тайны мире, бытии, жизни, включая и себя со своим сознанием. Философия – изъяснение сознания, не только *осознаниевание* всего и вся, но и формирование самого сознания. Философия исходит не от природы, как наука, и не от высшей силы, как та же религия, но из самого по себе человеческого сознания, весьма

трансцендентного, оказываясь результатом диалога между сознанием и окружающим его внешним миром, в котором акцент уже не на природе и не на высшей силе, а на самом сознании. Истина здесь более всего не в природе и не в ином мире, а... в сознании. Философия – постоянно действующая попытка человека оставаться человеком на основе и посредством своего сознания, его непрерывного осознания, насыщения и совершенствования. Философия не чужда природе и науке, не сторонится она и высшей силы с религией, но она обязательно и по преимуществу сама по себе *сама-себе-мудрость*.

Сознание человеческое – сознание прежде всего и в целом *философическое*, а потом уже частично научное и частично религиозное. Достаточно обратить внимание на текущее жизнеотправление человека как на истечение и работу сознания, чтобы убедиться в том, что человек, замечает он это или нет, непрерывно философствует, пусть и вполне по-обыденному. Человек думает, размышляет, оценивает, принимает решения и действует в условиях более всего не полной определённости, не полной известности, не полной управляемости, в общем взаимодействуя с той или иной тайной. Однако человек, наделённый сознанием, имеет возможность помещать своё сознание в метасознание (сверхсознание) пространство, находиться в нём в воображении и с той или иной степенью ошибок, отклонений и фантазий прочитывать бытийный контекст, его воспринимать, с ним взаимодействовать, реализовывать своё жизнеотправление, хозяйствовать, быть. Не знание толкает человека к философствованию, а как раз незнание, а потому философствование – погашение незнания не столько через знание, сколько через... незнание, постоянно с человеком и его сознанием взаимодействующее.

Выделившееся из обыденного философствования абстрактное философствование, или *философия философии*, – достояние соответствующим образом подготовленной группы цивилизованных особей. По преимуществу это

знатоки *философии* (этой как раз философии философии), частично интерпретаторы и лишь в порядке исключения – творцы. Особенность абстрактной философии (этой самофилософии или для-себя-философии) в том, что ни одна из её версий не является ни общепринятой, как в науке, ни общеобязательной, как в религии. Сколько философов, столько и философий! Это, правда, не значит, что у философии как таковой не может быть ни общего языка (хотя бы для части философии), ни общих смысловых опор, ни кое-каких категориальных инвариантов. Есть *мир философии*, он же и *философский мир*, в котором бытует более или менее всеми принимаемое и понимаемое логосно-семантическое ядро, хотя ни для кого и не строго обязательное.

Впечатление, что философия есть что-то совсем уж абстрактное, неопределённое, расплывчатое, рассеянное, несобранное и т.д. – обманчивое впечатление, рождающееся обычно у неподготовленных обывателей и ограниченных научных. Философия – как раз то, что в наибольшей степени соответствует сознанию, психике, жизни, бытию, миру, где, повторяем, тайны больше, чем нетайны, неопределённости больше, чем определённости, стихии больше, чем порядка. Порядок вообще есть лишь мгновение стихии, а не наоборот. Не порядок рождает стихию, а стихия – порядок! Философия есть упорядочение стихии в рамках самой же стихии, достижение произвольных упорядочений посреди фундаментальной стихии. О какой стихии и каком порядке тут речь? О стихии мира, бытия, жизни, сознания, как и их свободном *воззренческом* упорядочении. Философия занята воззренческим через воображение и посредством логоса упорядочением контекстной, включая сознание, стихии.

Есть ли при этом удобоваримые эффективные результаты? Здесь возникает проблема *философического праксиса*, влияние философии на сознание, ноосферу, на

человеческое жизнеотправление. Имеют ли философические абстракции какое-либо практическое значение?

Обычный цивилизованный человек считает, что философия есть лишь оторванное от реальности упражнение ума, вроде тех же шахмат. Затеяливая академическая игра, не более того! Однако это не то что не совсем так, а совсем не так: философия, как это ни покажется кому-то странным, – прямо в гуще цивилизованной жизни, в её непосредственной реализации. И это нетрудно показать, если обратиться к словам, понятиям, концептам, всюду используемым цивилизациями в тот или иной момент исторического времени.

Была когда-то античная цивилизация со свойственной ей высокой культурой, как и была потом христианская цивилизация с её сакрализованным мировосприятием, затем наступил европейский Модерн, рождённый Ренессансом и родивший гуманизм с либерализмом, закончившиеся явлением коммунизма и того же фашизма, а сейчас имеет место постмодерновый глобализм – и всё это было обосновано, освещено и оснащено словесно, понятийно и концептуально ничем иным, как... *философией*, вовсе при этом не такой уж академической. Употребляя слова, пользуясь понятиями и следуя тем или иным концептам, обычный цивилизованный человек менее всего задумывается над тем, что очень многие полезные ему слова, опорные понятия и применяемые им концепты имеют прямое философское происхождение. Вся более или менее абстрактная часть сознания цивилизованного человека – *философическая*! Соответственно и окружающая человека цивилизованная реальность тоже в основе своей философическая.

Философия – вскрытие, созидание и обоснование *смыслов*, а затем и посыл этих смыслов в логосном отображении в реальную жизнь. В этом-то прежде всего и состоит её практическая функция. Философия даёт воззрение, начинает им сознание, задаёт координаты осознанного бытия, хотя и не занимается его непосредственным строи-

тельством и прямой реализацией. Даже такая вроде бы практическая философская отрасль знания и мысли, как философия хозяйства, выполняет более осознательно-направительную, чем собственно практическую, функцию. Будучи сама, как и вся вообще философия, элементом человеческого ментального хозяйства, философия хозяйства оставляет основную долю практического хозяйства... за самим хозяйством, довольствуясь лишь некоторым в нём концептуальным присутствием.

Нельзя ни недооценивать роли и значения философии в жизнеотправлении человека, которые воистину громадны, ни преувеличивать практические – прикладные, функциональные, деятельностные – возможности философии, для чего она просто бывает не предназначена. Одно дело – идеология, культура, сознание, политика, совсем другое – наука, техника, технология, любое практическое деяние. Между философской интенцией и практическим деянием – огромная дистанция, перекрываемая сознанием в качестве посредника и переводчика между собственно философическим и собственно нефилософическим мирами.

Сегодняшний евроамериканский мир – мир Постмодерна, когда модернизации подвергаются не столько природа и общество, сколько уже сам человек, причём прямо за рамками своего естества. Вокруг современного человека – гигантская искусственная неприрода, он бытует в денатуризованном (мегаполюсном) социуме, а сам человек уже то ли пока ещё *всё-ещё-человек* или же *уже-и-не-человек*. На повестке дня – гигантская мутация человека, но не в нового человека, как это было в эпоху того же Модерна, а уже в *постчеловека*! Философия это видит, обосновывает, упреждает, от этого предостерегает и... во всём этом... участвует, разумеется, делая это по-своему: идейно, понятийно, концептуально.

Отсюда и главная коллизия современности: *от человека через его апокалиптический кризис к постчеловеку!*

Не надо думать, что постчеловек нереален или это дело отдалённого будущего. *Он уже здесь*, расчеловечивание вовсю идёт как подготовка к окончательному мутационному скачку!

Перед уже открывшейся мутационной перспективой замирает сознание, стынет душа, немеет ум, в особенности, когда нынешний передовой «человече» всё это преспокойно одобряет, смело готовясь к отлёту в космос в статусе уже «невозвращенца».

Философия способна всё это оправдать и обосновать, как и наоборот, – подвергнуть резкой критике и решительно осудить. А что же тогда делать нам, российским мыслителям, если таковые среди россиян ещё есть: оправдывать или осуждать, а ежели осуждать, то что же предлагать взамен?

Это только кажется, что во всём этом нет ничего особенного, на самом-то деле тут всё очень и очень непросто, и не потому, что слишком замысловато, а потому что это вовсю уже идёт, в том числе и в России. Правда, в России ещё задаются сакраментальными вопросами, пытаются понять и распознать происходящее, даже что-то предложить иное. И осмысление это усиливается по мере уже текущего восстановления, как и уже грядущего, хоть ещё и остающегося в возможности *возрождения* России, причём не государства только, не страны, не империи, а именно *России*, совсем недавно ещё усиленно подавлявшейся и нагло отрицавшейся (и не только в жуткие 1990-е гг.).

У России есть своя высокая философия, обозначившаяся в новейшее время как раз к моменту гибели Российской империи, происшедшей в ходе и в результате нероссийской по сути революции, начатой в феврале 1917 года. Речь идёт о *русской софийной философии* (В. Соловьёв, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Е. Трубецкой и др.), как раз и пытавшейся, обращаясь к Софии - Премудрости Божией, предотвратить погибельную революцию, отринуть наступавший марксистский социализм,

возродить русскую святость, а точнее – *Россию*! Было примерно так же, как и мы сегодня пытаемся делать, отстаивая Россию перед лицом глобализма, воинствующего либерализма, мирового экономизма, разлагающего постмодернизма, бесчеловечного технологизма.

У русского и солидарного с ним человека нет ничего более чёткого, понятного, утвердительного и спасительного, чем *Россия* – этот вполне иномирный, если и не неотмирный, феномен, настоящая метафизическая святость. Не Европа, не Америка, не Азия, не Евразия, как и не гуманизм, капитализм, социализм, либерализм и т.п. вещи, а всего лишь *Россия* – это страдательная, но и воистину софийная данность, от которой нынче родилась и утверждается не философия даже (человеческая мудрость), а *софиасофия* (мудрость внечеловеческая, высшая, божественная). Причём, обратим внимание, не софиософия как учение о Софии, а именно софиасофия как взаимодействие с Софией.

И дело здесь не в новых или же переосмысленных словечках, наименованиях и смысловых зацепках, а в самом обращении современного мыслящего русского к таким сакральным понятиям, как Россия и русскость, София и софиасофия, и вовсе не какое-то там вероподобное обращение, а совершенно реалистичное – как к чему-то подлинному, настоящему, коренному, как к несущему существу.

И если всё это принять всего лишь за миф, то это миф, безусловно, действенный, как раз тот самый, который удерживает русского человека в мире, даёт ему опору, ориентирует его, сосредоточивает, укрепляет и мобилизует, открывает перспективу. С Россией и Софией жить можно, как и действовать (хозяйствовать) ради России и по заветам Софии, и всюю *творить*, реализуя на практике родившуюся и бытующую в России *философию хозяйства*.

Что же касается ультрасовременного аспекта, то возрождающейся России необходимо пройти через *постреформенный* фазис, пережить, освобождаясь от ка-

бальной зависимости от внешнего контекста, глобальное перестроение (не перестройку с остановкой и разрушением, а именно безостановочное и сознательное перестроение – прямо на ходу, на марше), чтобы, полностью овладев современностью, подчинить себе и переиначить происходящие в мире перемены, не утратив при этом ни человека, ни жизни, ни перспективы!

Г.В. Паршикова,
аспирант БГТУ

Философия в поисках моделей взаимодействия языка и сознания для построения человекоподобного искусственного интеллекта

Возможно ли создание человекоподобного искусственного интеллекта? Сможет ли машина мыслить наравне с человеком? Каковы последствия создания искусственного интеллекта для современного общества? Этими вопросами задавались ученые разных стран, такие, как Алан Тьюринг, Джон Серль и другие. На становление понятия «искусственный интеллект», а также на возможность наличия у машины такой черты, как «мышление», огромное влияние оказало появление концепции механистического материализма, предложенной в работах Рене Декарта «Рассуждение о методе» и Томаса Гоббса «Человеческая природа» [1,2].

Актуальность проблемы создания человекоподобного искусственного интеллекта обусловлена тем, что ее решение способно продвинуть нас не только по пути социального и научно-технического прогресса, но и по пути понимания человеческого разума, сознания, языка, а также лингвистического поля сознания и психики человека.

На протяжении эволюции создания искусственного интеллекта идеалом являлся человек, так как иного созна-

тельного и мыслящего существа нет: основной задачей было создание моделей человеческого разума. Интеллект – это способность решать поставленные интеллектуальные задачи, то есть задачи, для которых нужно создать алгоритм с нуля; для этого необходимо мышление, а следовательно и сознание, т.к. сознание необходимо для мышления, потому что только благодаря ему мы вообще отличаем себя от окружающего мира, говорим о себе как отъединенном от всего остального субъекте воли. Но само по себе сознание – не только мышление. Сознание включает в себя мышление как необходимую часть. Мышлением называется процесс отражения в сознании человека связей, суждений и отношений между предметами или явлениями действительности. Понятия и суждения являются такими формами отражения действительности, которые получают-ся в результате сложной умственной деятельности, состоящей из ряда следующих мыслительных операций: сравнение выделенных объектов, абстракция, обобщение, конкретизация, анализ, синтез. В свою очередь, мышление машины – это не что иное, как обработка символов по заранее четко заданной программе, алгоритму, т.е. манипулирование набором упорядоченных бит. А самого по себе манипулирования недостаточно, чтобы гарантировать наличие смысла. Так как же тогда достичь смысла?

М. Минский утверждал: «Мы не можем повторить, как работает мозг, но мы можем повторить, что он делает». Создателям искусственного интеллекта необходимо связать 2 голографические системы – голографический мозг К. Прибрама и голографическую вселенную Д. Бома, два концепта научно-философской рациональности. Их цель – основываясь на концепции голографического мозга, построить голографическую модель языка. Эта модель должна быть схожа с поливариантным обликом унитарности математики, построенной на базе категорий и функторов Н. Эленберга и С. Маклейна. Если вместо категорий использовать концепты языка, соединенные многоуровневой

сетью соответствующих функторов, то становится возможным получение поливариантного облика унитарности языка, применение которого позволит перейти к модели лингвистического поля сознания человека.

В «Биологии познания» чилийский биолог У. Матурана решает вопрос о соотношении языка и мышления достаточно сложным образом: нейрофизиологический процесс, который лежит в основе мышления, не предполагает необходимости наличия языка как инструмента функционирования мышления [3]. Мышление есть особый нейрофизиологический процесс самопроекции нервной системы, взаимодействия ее с собственными внутренними состояниями. То, что эти самопроекции мы описываем в терминах языка, – дело вторичное. Возможно, мы связываем высшую мыслительную деятельность и, в частности, способность к абстрактным различениям с языком просто потому, что не знаем и не можем представить иного способа абстрактных различений. Это знание, которое выходит за пределы нашего психического аутопойезиса.

В работе «Древо познания» чилийских биологов У. Матураны и Ф. Варелы прослеживается мысль о том, что язык и сознание представляют собой органическое единство: сознание возникает на основе языка, язык делает возможным сознание [4]. Авторы рассматривают язык как семиотическую автономную систему, в которой возникает общение 2-го порядка – общение по поводу общения. Метаклеточные автономные системы, надстраиваясь над аутопоэтическими системами, выражают себя в поведении, языке, мышлении.

Лингвистическое поведение происходит в лингвистическом поле (сфера приобретенного коммуникативного поведения, средства общения, которые вырабатываются живыми существами в процессе биосоциальной деятельности человека, коммуникации общества), возникающем и изменяющемся в коллективном коэволюционном процессе. Лингвистические поля есть и у животных; но, когда сами элементы

лингвистического поля, само лингвистическое поведение в свою очередь становятся объектами скоординированных рефлексивных лингвистических действий, возникает язык. Язык и сознание представляют собой органическое единство: сознание возникает на основе языка, язык делает возможным сознание. Мнение американского философа и когнитивиста Д. Деннета относительно языка и сознания сводится к тому, что поиски разгадки тайны сознания учеными, ищущими в мозгу ответственный за сознание «главный нейрон» являются методологическими заблуждениями и не достигают своей цели. Он отмечает, что «каждое человеческое сознание, на которое вы когда-либо обращали внимание, включая, в частности, и ваше собственное, рассматриваемое вами «изнутри», – это не только продукт естественного отбора, но и результат культурного пере-конструирования огромных масштабов. Легко понять, почему сознание кажется загадочным тому, кто не имеет представления обо всех его составляющих частях и о том, как они создавались. Каждая часть имеет долгую историю своего конструирования, иногда длиной в миллионы лет». Поэтому следует обязательно учитывать главное – содержательный, когнитивный аспект сознания, как чувствует себя человек в языково-культурной социальной среде, т.е рассмотреть средство коммуникации – язык.

Человеческая речь, язык – это средство коммуникации, код, позволяющий передавать информацию. С другой стороны, язык является той ментальной информационной средой, в пределах которой только и возможно создание интеллекта, сознания, подобного человеческому. То есть для создания сильного искусственного интеллекта необходим семантический язык-посредник. С помощью этого понятия возможно построить голографическую модель языка.

Несмотря на то, что «концепт» – это современный термин многих гуманитарных наук, его изучением занимались ещё учёные средневековья. В 12 веке Пьер Абеляр

считал, что звучащие имена по своей природе не входят в обозначенную ими вещь, но существуют в силу «налагания» их людьми на вещи. Анализ многочисленной литературы дает основание считать, что концепты представляют собой наше знание об окружающих нас живых существах и объектах, которые реализуют «базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл со словом», и «с психологической точки зрения выполняют функцию категоризации».

Интересна теория мемов Д. Деннета: впервые этот термин был введен Ричардом Докинсом, также он выдвинул первую действительно ясную и яркую версию этой идеи в своей книге «Эгоистичный ген». Согласно Д. Деннету, «мем – информационный пакет с собственным характером». Ученый задается вопросом: «Из чего же сделаны мемы?» И находит ответ: «Они созданы из информации и могут переноситься в любой физической среде». Согласно Д. Деннету, слова – это тоже мемы, которые можно произнести. Но имеются мемы, которые произнести нельзя. Каждый мем, согласно Д. Деннету, представляет собой некий алгоритм, построенный из концептов в языково-культурной социальной среде.

Философское осмысление механизма создания сильного искусственного интеллекта должно отталкиваться от понятия концепта как базовой когнитивной сущности, позволяющей связывать смысл со словом. Построение модели унитарности языка и описание на ее основе лингвистического поля сознания человека позволит создать модель сильного искусственного интеллекта, который обладает признаками понятийности, интенциональности и семантической.

Литература

1. Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт. – М.: Вежа, 2012. – 546 с.

2. Гоббс, Т. Человеческая природа / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2003. – 662 с.
3. Матурана, У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. - М.: Прогресс, 1995. – С. 95 - 142.
4. Матурана, У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела. - М.: Мысль, 2001. – 523 с.

Попкова Н.В.,

*д.ф.н., к.т.н., профессор БГТУ,
председатель Брянского
философского общества*

Философия как технология жизни

Философия – форма рационального познания, которая стремится теоретическими методами создать (и логически обосновать) предельно обобщенную картину мира и места человека в нем: она исследует фундаментальные принципы человеческого бытия, выявляет наиболее общие сущностные характеристики человека, его отношения к природе и обществу. Философия предлагает довольно специфический дискурс, обещая скорее рост неопределенности, нежели ее уменьшение. Она подрывает уверенность в «очевидных» вещах и заставляет смотреть на мир нестандартным образом. Какую цель помогает достичь философия? Зачем вообще она нужна людям? Технологичное общество требует от всех форм практики эффективности. Именно вопрос о пользе философствования, как правило, задается студентами, приступившими к изучению этой науки. Можно выделить как минимум четыре метафилософских направления, которые различаются по ответу на вопрос «зачем все это».

1. *Философия как поиск истины.* В начале существования философии на вопрос, зачем ею заниматься, давался ясный и определенный ответ: чтобы познать истину – узнать, как устроен мир и какие законы им управ-

ляют, чем определяется человеческая жизнь и что ожидает все живущее за гранью смерти. Первые философы не сомневались в том, что истина существует и ее можно найти, а найдя, узнать, отличив от заблуждения. Поиск философских методов познания и построение картины мира проходили одновременно: человек ставил вопросы и пытался найти на них ответы. Само название «философия», как известно, переводится как «любовь к мудрости»: философ скромно отказывался от звания мудреца, но считал своим достоинством стремление к мудрости (тем самым противопоставляя себя толпе, тупой и бессмысленной, которая интересуется лишь житейскими заботами). Отсюда пошло первое направление философии – то, которое считает философский поиск путем обретения истины о внешнем мире. Позже этот ориентир дополнялся другими, второстепенными, но не противоречащими исходной цели: от философии стали ждать прогнозов на будущее и программ улучшения человеческой жизни. Поскольку все это должно основываться на знаниях о мире, философия охотно бралась отвечать на такие вопросы: до сих пор многие философы считают свой дискурс наиболее приспособленным для того, чтобы найти ответ в неоднозначных случаях, при анализе многофакторных ситуаций. К внешнему миру обращают свои взоры последователи этого направления; приоритетными философскими дисциплинами они считают онтологию и гносеологию, а величайшей похвалой своим исследованиям воспринимают сравнение их с научными. Именно с естественными науками теснее всего связаны подобные философские труды.

Но уже в первые века существования философии выявился первый недостаток этого направления – неиско- ренимый плюрализм концепций. Еще софисты подметили бесконечный характер философских споров и отнесли философию к источникам не вечной и общезначимой истины, а субъективного мнения – вернее, множества мнe-

ний, по-разному обоснованных, но никогда не достигающих истинного знания. Поневоле философам приходилось отбиваться от нападков, признавать за мнениями конкурентов определенные достоинства и отвечать на самый неприятный для сторонников этого направления вопрос: почему представители этой благородной профессии не могут договориться между собой и что делать с их выводами, опровергающими друг друга?

2. *Философия как поиск путей к диалогу.* После того, как разделить философские системы на единственно верную и неправильные не удалось, между философами (убежденными в своей правоте, но бессильными переубедить всех оппонентов) наладилось своего рода мирное сосуществование. Сторонники данного направления признали относительную правильность других мнений, объясняя их наличие разницей между их авторами: каждый философ – не безличный разум, он прежде всего человек со своими идеалами и предпочтениями, воспитанный в определенной традиции, обладающий доступной его времени суммой знаний и т.п. Делался вывод, что каждому доступна относительная истина – один из аспектов или граней истины абсолютной. Переубедить другого философа с помощью логики не оставалось надежды: спускаясь к философским аксиомам, к исходным интуициям, спорщики обнаруживали различие между личными принципами и универсалиями культур, а их смена, равносильная перемене всего мировоззрения, для большинства людей непереносима и не происходит даже под давлением эмпирических доказательств. Казалось бы, споры в данном случае бесполезны, остается признать неискоренимое различие философских путей и вернуться к своим сторонникам, своим мировоззрениям. Поскольку порою попытки представителей разных религий переубедить своих оппонентов приводили к насилию и войнам, наблюдающие за этим философы все более укреплялись в своем

мудром решении: признать право за каждым человеком на его точку зрения, проявляя толерантность.

Но практика, ведущая мир к глобализации, а носителей разных точек зрения – к постоянным встречам и обмену мнениями, все настоятельнее требует дать ответ: что делать, если носители разных мировоззрений должны работать вместе, реализуя общий проект или предотвращая общую угрозу? Как им понять друг друга и (не переубеждая) разработать единую программу действий? Более того, сегодня и представители разных профессий порою далеки друг от друга не меньше, чем представители разных культур. Существует ли между множеством равноправных мнений некое нейтральное смысловое поле, на котором носители несовместимых убеждений могли бы приходить к пониманию чужих взглядов, учитывать их, координировать совместные действия? Именно философию чаще всего предлагают на роль площадки диалога.

3. *Философия как поиск смысла жизни.* Итак, часть философов отказалась от попыток переубедить оппонентов и сосредоточилась на духовном самосовершенствовании. Убедившись в том, что присущий всякому человеку рассудок бессилён привести людей к единой истине, сторонники этого направления пришли к выводу, что здесь поможет иная познавательная способность (высший разум, интуиция, озарение и т.п.). Для того, чтобы ее достигнуть, следует работать над собой, улучшить свои психофизический аппарат, и философы обратились к религиозным по происхождению духовным практикам.

Кроме того, к познавательным мотивам присоединились экзистенциальные – желание самореализации, самопознание, поиск смысла жизни. Рассуждениями о самообладании и самовоспитании наполнены труды философов этого направления: борьба разума с унаследованными от животного состояния страстями считалась главным конфликтом, который следует разрешить, чтобы стать человеком в истинном смысле этого слова. Внут-

рнения жизнь человека была представлена как его главное дело на Земле: предлагались технологии перестройки внутреннего мира, указывалось на грозящие срывы и падения.

4. *Философия как поиск освобождения от ошибок* присутствовала на всех этапах развития философского дискурса. Софисты, скептики, агностики подмечали ошибки и противоречия в рассуждениях других философов, создавая методы их выявления и этим принося пользу – развивая критическое мышление. Не следует путать первое направление с четвертым. С первого взгляда поиск истины и освобождение от заблуждений – одно и то же, но на деле за ними стоят диаметрально противоположные допущения. Тот, кто ищет истину, уверен в том, что: а) истина существует; б) он способен познать ее; в) знание истины накладывает на человека нравственную обязанность – возвещать эту истину и следовать ей. А для того, чтобы избавляться от ошибок, верить в существование истины не обязательно, можно даже отрицать ее (что показывалось неоднократно сторонниками этого направления – от софистов до постмодернистов). Соответственно, в данном случае аксиомы иные: а) есть ли истина, неизвестно; б) можно ли познать ее, также неизвестно; в) те, кто утверждает, что познал истину и знает, как нужно жить, скорее всего ошибаются и других пытаются завести в тупик. Поэтому поиск ошибок и освобождение от них, которые для последователей первого направления являются проходным этапом, моментом на пути философствования, для сторонников четвертого превращаются в единственное содержание философских рассуждений. Иногда критическая направленность таких философов доходит до логического предела, и философия превращается в игру слов, соединенную с принципиальным неверием в существование смысла жизни и сущности бытия.

Итак, перед нами четыре варианта направленности философии:

- а) философствовать, чтобы понимать мир и действовать;
- б) философствовать, чтобы понимать людей и сотрудничать;
- в) философствовать, чтобы понимать себя и быть человеком;
- г) философствовать, чтобы понимать ошибки мышления и освобождаться от мировоззренческих традиций и стереотипов.

Можно сказать, что философия – технология самой жизни: она показывает путь к формированию осмысленности нашего существования, предполагая (как и полагается технологии), что естественных процессов жизнедеятельности мало и необходимо их рационализировать. Но философские школы по-разному понимают пути к достижению этой благородной цели.

А.Ф. Степанищев,
д. ф. н., профессор БГТУ

Постнеклассика философии, науки и техники

В настоящий момент очевидным является то, что философия, наука и техника связаны друг с другом. При этом данная связь многопланова. Обратимся к одной, но очень существенной грани отмеченной многоплановости. Речь пойдет о том, какова взаимообусловленность постнеклассической философии, науки и постнеклассической техники.

Здесь можно ограничиться лишь названием основных черт, характеризующих обсуждаемое состояние философии, науки и техники. Классическая философия на протяжении двух с половиной тысячелетий (VII в. до н.э. – середина XIX в.) одним из наиболее существенных вопросов считала соотношение двух миров, в которых живет человек (внешнего мира и мира его души). Это не надуманный

вопрос. От его решения зависит каждодневная практическая деятельность любого человека. К сожалению, у философии того времени не было возможностей решить данную проблему. И она просто начала противопоставлять названные два мира. Тех, кто считали первичным внешний мир, стали называть материалистами, считавших первичным духовный мир человека называли идеалистами. Есть смысл в этой связи специально подчеркнуть, что вопрос о первичности либо вторичности внешнего мира и духовного мира человека – это неправильно поставленный вопрос, на который, как известно, правильного ответа нет. Речь, как уже отмечалось, должна идти о связи этих двух миров.

Неклассическая философия (середина XIX в. – 80-е годы XX в.) ушла от нерешаемой, хотя и правильной постановки вопроса. Она стала рассматривать связь социального окружения с духовным миром человека (в котором отражена его биологическая, психическая и социальная сущность). Иначе говоря, внешний мир при таком подходе сужается до мира социального окружения. Ввиду этого философская неклассика с самого начала является принципиально социальной. И делится она уже по-новому, поскольку зависимость социального окружения от биологии, психики и социальных качеств человека часто видна даже на уровне обыденного познания и является почти очевидной. Таким образом, неклассическая философия включает в себя рационализм, психологическое направление и иррационализм.

Начиная с 80-х годов XX в. (и по настоящее время), философия вновь возвращается к тому вопросу, который она в свое время не смогла решить. Это ее истоки. Образно говоря, она сумела все-таки поднять перчатку, изначально брошенную ей в лицо диалектикой развития мира, общества и процесса познания. Философия сейчас опять рассматривает соотношение внешнего космоса и духовного космоса человека. Основанием к тому является объединение рациональности двух мощных видов познания – фи-

лософии и науки. В ходе такого объединения оба этих вида приобрели постнеклассический облик. Данное объединение стало возможным после того, как окончательно сформировался феномен единства общенаучного знания, специально созданного наукой для исследования неизолированных систем. При этом удается отразить не только неизолированные системы, но и их взаимную связь друг с другом, саморегуляцию и самоорганизацию на уровне единства систем, подсистем и метасистем. Таким образом, наука сумела выйти на осмысление событий, а тем самым и на осмысление типично философских проблем.

Для обсуждения взаимосвязи внешнего и духовного мира человека даже выработана методологическая основа в виде голографической Вселенной (Д. Бома) и голографического мозга (К. Прибрама). Их взаимообусловленность И. Пригожин назвал «интерфейсом между духом и материей».

К тому, что уже выше было сказано о постнеклассической науке, нужно добавить еще и то, что сейчас общенаучное знание представляет собой единство постнеклассической математики, постнеклассической логики и всего второго уровня общенаучного знания, начиная от вероятностных и статистических методов, теории систем, теории информации и заканчивая кибернетикой и синергетикой. Складывающееся единство всех звеньев названного только что уровня стало приобретать заверченный вид после создания синергетики. Постнеклассическая наука в настоящий момент в состоянии исследовать биологические основы этики, эстетики, биологические основания трудовой деятельности человека и становления лингвистического поля его сознания.

Постнеклассическое единство философии и науки поновому разделило философию. В ней сейчас выделяют следующие четыре направления: научно-философскую рациональность (где ученые вместе с философами обсуждают очень широкий круг проблем, начиная от космологии и

космогонии и заканчивая созданием искусственного интеллекта); биофилософию (философствование биологов относительно названных выше биологических основ этики, эстетики и др.), философию коммуникативного действия (в которой обсуждается проблема отчуждения человека от коммуникаций) и постмодернизм (включающий в себя лингвистический и коммуникативный повороты, в последнем из которых рассматривается в облике так называемого «шизоанализа» многократная расщепленность бытия человека).

Обращение к основным характеристикам постнеклассической науки и философии нужно для того, чтобы охарактеризовать особенности постнеклассической техники. Обсуждение технической постнеклассики - это отдельная, особая проблема. Начать ее осмысление можно с того, что техника – это опредмеченные научные идеи, «инобытие научного духа». Но технические науки постнеклассического этапа должны характеризоваться тем, что создаваемые технические системы работают в среде принципиальной собственной неизолированности в голографичной внешней среде. Это должно быть представлено в материально-производственной сфере, сфере коммуникаций, регулятивной и духовной сферах.

В материально-производственной сфере примером постнеклассической техники могут служить технические разработки создателей искусственного интеллекта (ИИ). Проблема здесь решается путем ее «штурма» сразу с нескольких направлений. С одной стороны, это работы М. Ли Минского. Голографическую среду духовного мира он формирует на основе сетевого программирования. При этом в данной среде можно «разместить» память и волю. Более того, она же служит и системной средой для голографической взаимозависимости «фреймов» и «слотов». Еще одним направлением такого «штурма» является концепция «мэмов», выдвинутая Докинзом в его работе «Эгоистический ген». Деннет, в отличие от Докинза, связал

идею «мэмов» с информацией, считая, что они являются основаниями ее структурирования в духовном мире человека. Этот подход оказался технически хорошо реализуемым. И, наконец, еще одним направлением является попытка выстроить компьютерную модель лингвистического поля сознания на основе аналогии с моделью поливариантного облика унитарности математики. Этот облик был получен на основе теории категорий и функторов (Эленберга и Маклейна). Вместо категорий здесь планируется использовать концепты языка.

Если же обратиться к сферам коммуникаций, управления и духовной сфере, то в настоящий момент хорошо видно, что неокантианцы ошиблись, противопоставляя естественнонаучное и социально-гуманитарное знание. Данное противопоставление у них базируется на предположении, что в социально-гуманитарной сфере нет законов. В то время, когда высказывались идеи такого рода, системная организация любого явления, процесса, феномена не была столь очевидной, как сейчас. Но в каждой системе, как известно, есть свои узлы и параметры целостности, а также функции, законы структуры, развития, саморегуляции и самоорганизации. На основе знания этих законов и строятся в настоящий момент разные социальные техники и технологии. Они могут применяться как с негативными, так и с позитивными целями. Недавний рейдерский захват Украины – одно из свидетельств негативного использования социальных технологий. Но большой неожиданностью для «технологов» такого захвата явилось воссоединение Крыма с Россией. Техника и технологии здесь явно постнеклассические.

Можно в данной статье обойтись только социальной сферой, не касаясь по понятным причинам сферы управления и духовной сферы. Но следует тем не менее специально подчеркнуть, что постнеклассическая техника – это опредмеченные идеи не только постнеклассической науки, но и постнеклассической философии. А это дает

возможность обращаться не только к истине, но и к добру и красоте, создавая тем самым разумные, а не только рас-судочные основы применения техники и технологий в соци-ально-гуманитарной сфере.

Т.М. Сычева,
к. ф. н., доцент БГИТА

Концепция «Консервативной модернизации»: за и против

В конце 90-х годов сначала в политической публици-стике, а потом в социально-философской литературе проч-ное место начинает занимать идея о том, что России как особому социокультурному образованию, стремящемуся за-нять прочные лидирующие позиции в мировом сообществе, нужна соответствующая её своеобразию «идеология разви-тия». Если другие страны и государства в своих транзитах могут довольствоваться рыночными, социальными и право-выми рычагами, то в России эти механизмы не работают, ей нужна «идея» как главная цель, консолидирующая и направ-ляющая общество. Эта позиция базируется на двух положен-иях: во-первых, на особой духовности русского народа, ко-торая всегда играла решающую роль в истории страны; во-вторых, на гибельности для судьбы России либеральной идеологии, которая, по мнению её противников, глубоко чужда национальному сознанию и повинна во всех россий-ских бедах. Можно определенно говорить о том, что в Рос-сии становится заметной идеологическая и ценностная ори-ентация от «мировых стандартов» к национальным традици-ям, от либерализма к консерватизму. Идея «консервативной модернизации» стала ведущей темой научных исследований и публичных выступлений.

Существование различных идеологических подходов к решению социально-экономических и политических про-

блем не представляется для российской общественной жизни ни уникальным, ни катастрофическим. Вот уже третье столетие отечественная мысль существует в поле напряжения между консерватизмом и либерализмом. При всех утверждениях о чуждости либеральных идей для русского «духа» эти идеи продолжают жить и развиваться. Наличие столь длительной конфронтации между этими идеологическими конструктами свидетельствует о наличии в самом российском обществе двух полюсов с разными ценностно-нормативными установками. О наличии в России «двух культур», о «расколотости» русского общества писали и пишут многие мыслители, начиная от А.И. Герцена и Г.П. Федотова до Ю. Лотмана и А.С. Ахиезера.

Остановимся на такой экономической и социокультурной задаче сегодняшнего российского общества, как модернизация. Концепций и версий модернизационных процессов, как и практик строительства модернизированных обществ, существует множество. Для упрощения их анализа, как правило, вводится две оси координат: первая ось образуется противопоставлением «самобытной» «западной» модели модернизации. «Западная» или, в контексте нашей статьи, «либеральная» версия состоит в приверженности рыночной экономике, рационализму, сциентизму, идеям социального равенства, ценностям прав человека, правового государства и т.д. «Самобытная» или «консервативная» модель модернизации содержит в себе различные предложения и оценки, имеющие общую конвенцию относительно того, что развитие должно быть осуществлено на основе национально-культурного своеобразия, традиций, с учетом особенностей менталитета. Другая ось координат – два классических стиля внедрения новшеств: плюралистический («секулярно-либертанный») и мобилизационный («духовно-коллективистский»). В основе первой парадигмы лежат компромисс и рассредоточение власти, в то время как второй присущи персонифицированное руководство, политическая нетерпимость и до-

минирование массовой партии. Е.Ясин предложил свой вариант типологии: «Можно выделить модернизацию сверху на основе инициатив государства и под его контролем, стало быть, со ставкой на бюрократию, с опорой на авторитарный режим. ...И модернизацию снизу на основе инициатив бизнеса и гражданского общества, стало быть, на экономическую и политическую конкуренцию, на демократизацию, на преобразование в течение исторически короткого времени национальной культуры в сторону более продуктивных институтов и ценностей – демократическую модернизацию»[5].

Сложность и противоречивость идеологической картины современной России относительно целей и способов социокультурного развития свидетельствует о наличии как минимум двух проблем: во-первых, о нерешенности тех задач, которые породили противоположные идеологии; во-вторых, о неспособности найти точки соприкосновения (так называемая «слабость срединной культуры» в России) менталитета и идеологической мысли российского общества. В России, как правило, различие перерастает в конфронтацию, а последняя – в острую непримиримую борьбу.

Если либеральная или «западная» модель модернизации достаточно основательно подвергнута анализу в научной и политико-экономической литературе, то «самобытная» или «консервативная» концепция модернизации – тренд недавнего времени. Поэтому задача нашей статьи – разобраться в сущности тех положений, что являются основополагающими для концепций модернизации на основе национально-культурной идентичности.

Спектр вариантов концепции «консервативной модернизации» достаточно широк: он включает в себя и теорию «суверенной модернизации», и «имперской модернизации», и «самобытной модернизации» и т.д. Общим для сторонников этой точки зрения является взгляд на Россию как страну, для которой неприемлема западная парадигма:

следование ей ведет в тупик, к зависимому положению в мире. Современный мир представляется пространством борьбы геополитических проектов («панамериканского», «панисламского», «секулярного» (европейского) и других. В этом контексте задача России состоит в том, чтобы сохранить геополитическую «субъектность», а это возможно лишь на пути реализации собственного геополитического проекта. «Только в пространстве православного мира Россия объективно несет «лидирующие», «столичные» функции [2]. Миссия Третьего Рима – это не только предназначенная свыше миссия России, но и миссия органичная, естественная. Но главное – только миссия Третьего Рима дает России твердое обоснование её претензий на сохранение как минимум высокой роли в мире, а в идеале – возвращение себе позиций мирового лидера» [2].

Другой важной составляющей консервативных теорий является тезис о ключевой роли в процессе развития России сильного, авторитарного государства («державы»). Российское самодержавие, рассматриваемое в качестве образца такой власти, является гарантом стабильности, благополучия, справедливости и прогресса. Политические элиты и общество должны сознательно выбрать идеологию Третьего Рима – «объективного, универсального и самого правильного обоснования российской государственности, в основе которого лежит принцип «симфонии»: власти, православия и народа. Центральное положение в этой «новой-старой» политико-идеологической конструкции занимает русская православная церковь, которая должна стать «фабрикой смыслов», центром их формирования, а также ключевым институтом гражданского общества.

В широко известной формуле «православие, самодержавие, народность» понятие «народ» также получает свое современное звучание. «В отличие от оппонентов...мы считаем, что талантливый русский народ, создавший великую культуру и науку, является главным союзником модернизации. Его потенциал огромен. Поэтому

для успеха национальной модернизации необходима реализация проекта «невод» – поиска и рекрутизации всех, кто способен мыслить и действовать, в какой бы части социума и российской территории ни находились эти люди» [2].

К базовым положениям концепции консервативной модернизации можно добавить патриотическое охранительство, противоположное идеологии людей с компрадорским мышлением, а также необходимость опоры на ценности коллективизма и патриотизма в воплощении цивилизационной миссии России.

Православно-имперский проект модернизации, как правило, соседствует с социалистическими концепциями социально-экономического развития России. Отличие состоит лишь в акцентах и некоторых смысловых различиях. Общими понятиями для всех направлений «самобытности» являются антилиберализм, государственничество, народность, патриотизм, православная духовность, изоляционизм, коллективизм.

На наш взгляд, стремление выработать модель социально-экономического развития страны на базе национально-культурной идентичности отвечает требованиям времени и является весьма плодотворным для практической деятельности по модернизации российского общества. Национальные модели модернизации показали свою эффективность в странах Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Южная Корея, Вьетнам и др.). Но, несмотря на верность традиции, в этих странах реализуются и общие универсальные принципы модернизации: появляются новые демократические и правовые институты, расширяется конкурентная экономическая и политическая среда. Происходит трансформация общества на базе его рационализации, без утопических проектов, консервирующих национальное прошлое.

Что касается России, то анализ многочисленных концепций, касающихся её цивилизационной принадлеж-

ности, можно свести к тезису о том, что это противоречивое общество, в котором постоянно существует, по замечанию Г.П. Федотова, «двоецентрие», порождающее инверсионный ход российской истории. Европейскую составляющую невозможно игнорировать в силу того, что в столкновении её с традиционализмом российского общества рождается напряжение, являющееся не только основной противоречий, но и источником развития. Россия испытывает амбивалентное чувство притяжения и отторжения в отношении Запада, ставшего «...для русских одновременно и целью, к которой стремятся, и целью, по которой стреляют». Идея двойственности русской цивилизации органично вписывается в евразийскую концепцию, которая становится одной из самых востребованных идеологием современности. О.И. Шкаратан, один из известных знатоков евразийства, пишет с полной определенностью: «Я рассматриваю современную Россию как представительницу специфической евразийской цивилизации с тысячелетиями воспроизводившимися в ней отношениями «власти-собственности», как носительницу определенных традиций авторитарного управления и организации социальной и гражданской жизни» [4, 109].

Настаивая на неприемлемости для России либерально-западной модели развития, сторонники евразийства вынуждены признать, что центральным вопросом, на который нужно получить ответ, является вопрос, «есть ли в стране социальные силы, способные переломить ситуацию и вывести Россию на дорогу, ведущую в рыночную информационную экономику при экономической свободе, политической прозрачности и эффективной защите прав личности?» [4,110]. Фактически сторонники «особого российского пути» признают необходимость социальных и политических институтов для осуществления модернизационных задач, на чем всегда настаивали либералы. Опасность «особости» заключается и в том, что в условиях глобального обмена идеями, технологиями, знаниями,

людьми идеология культурного изоляционизма является малоперспективной для России. В свете вышеназванного конфликт «мировых стандартов» («общечеловеческих», «либеральных» ценностей) и национальных традиций представляется искусственным и специально насаждаемым.

Идея необходимости сильного, авторитарного государства является, пожалуй, одной из самых основных в концепциях консервативной модернизации. Это обусловлено, во-первых, тем, что авторитаризм (самодержавие) считается исконной чертой русской государственности и залогом всех её побед. Во-вторых, по мнению многих политологов, либеральный капитализм не подтверждает своих преимуществ по сравнению с авторитарными системами: «На примерах Китая, Сингапура, Малайзии и Вьетнама четко видно – эффективное промышленное развитие может происходить без всяких предварительно созданных демократических институтов» [5,103]. Все большее число авторов развивает мысль о том, что «хорошее управление» (термин, появившийся недавно) предполагает не менее эффективную защиту прав личности, чем демократия, так как включает в себя безопасность и защищенность, власть закона, прозрачность и отсутствие коррупции, устойчивость экономического развития и умножение человеческого капитала.

Тезис о необходимости сильной, а главное, эффективной власти в России бесспорен и не вызывает возражений. Но вряд ли в современном, постоянно усложняющемся мире возможны коренные преобразования с опорой только на авторитарную (персонифицированную, как настаивают консерваторы) власть. На наш взгляд, для вхождения в глобальный информационный мир нужны институциональные структуры – социальные, политические, правовые, предлагающие обществу единые правила «игры», о которых мы говорили выше. Либеральная идея об

институциональных рычагах модернизации представляется справедливой.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать некоторые выводы. Стремление создать свою собственную модель модернизации, базирующуюся на национально-культурных ценностях, не может не одобряться. Но в России на пути к модернизации много преград и одна из самых главных – архаические структуры в виде синкретического, мифологического сознания, отжившие институты и т.д. Поэтому обращение к прошлому чревато попаданием в ловушку изоляционизма. Для успешной модернизации российского социума необходима открытость как внешних, так и внутренних социокультурных и экономических коммуникаций. Дальнейшее движение России к развитию равнозначно движению к толерантности, отказу от мессинской роли и от архаики, которая во многом обуславливает характеристики российской социокультурной традиции. Вот что пишет об этом С.Н. Гавров: «Исторические катастрофы в течение нескольких столетий случались в России из-за долгого и упорного стремления сохранить историческую, экономическую, культурную самобытность. Российская власть и общество пытались найти рецепты ответа на стремительность социокультурной динамики в традиции, использовать отжившие механизмы, социальные институты» [1,38].

Литература

1. Гавров, С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты / С.Н. Гавров. - 2-е изд. - М.: Едиториал УРСС, 2010. – 352 с.
2. Зюганов, Г.А. Социалистическая модернизация – путь к возрождению модернизационных процессов в России / Г.А. Зюганов: доклад на V Пленуме ЦК КПРФ 3 апреля 2010 года. – [Электронный ресурс]: официаль-

- ный сайт. – Режим доступа:
http://kprf.ru/rus_soc/77698.html
3. Логинов, К. «Третий Рим». Суверенная модернизация / К. Логинов, К. Фролов. – [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: www.regnum.ru/news/polit/1339303.html.
 4. Шкаратан, О.И. Евразийский вектор русского цивилизационного транзита. Ст. 3. Евразийство и пути русского транзита / О.И.Шкаратан. – Общественные науки и современность. – 2014. - № 5. - с. 98 – 114.
 5. Параг, Х. Второй мир / Ханна Параг. - М., 2010. - с. 572
 6. Ясин, Е.Г. Модернизация или разрушение / Е.Г.Ясин. – [Электронный ресурс] официальный сайт. – Режим доступа: w.gazeta.ru/comments/2005/06/16_301222.shtml.

Л.И. Васюкова,
к.и.н., доцент БГТУ
Н.А. Ноздрина,
к.п.н., доцент БГТУ

Проблемы бракоразводных отношений

Все мы знаем, как велико значение семьи в жизни каждого человека, общества и государства. Именно семья для каждого человека – неисчерпаемый источник любви, преданности и поддержки. В ней закладываются основы нравственности, духовности и терпимости. Здоровая, крепкая семья – залог стабильности и процветания любого общества. Семья – это та общественная структура, в которой прежде всего происходит воспроизводство человека как члена общества. Именно в ней первоначально складывается мировосприятие человека, формируются его социальные качества. Семья призвана играть исключительную роль в жизни общества, его стабилизации, преодолении социальной напряженности. По своей природе и предназначению она является союзником общества в решении конкретных проблем: преодолении депопуляции, утверждении нравственных устоев в обществе, социализации детей, развитии культуры и экономики, семейного предпринимательства. Однако потенциал семьи реализуется неэффективно. Важнейшей задачей семейной политики должна стать разработка механизмов и технологий, позволяющих активно использовать возможности семьи как общественного института в решении сложных проблем развития нашего общества. Семья как социальная общность во всех цивилизациях выступала важнейшим элементом глобального развития. Идеология приоритета семьи, ее непреходящая ценность для жизни и развития человека и общества закреплена во многих нормативных актах. Одно из основных положений этих документов – укрепление и

защита института семьи со стороны общества, разработка всеми государствами национальной семейной политики. Но острота существующих сегодня проблем российских семей вызывает тревогу. Больно ударяют по семье демографический кризис, сопровождающийся депопуляцией, ростом смертности, падением рождаемости, старением населения, снижением продолжительности жизни, ухудшением здоровья людей, индивидуализацией; продолжающееся падение уровня жизни большинства населения России; рост безработицы, алкоголизма, наркомании, преступности, неуверенность в завтрашнем дне. Все это не могло не сказаться и на основной структуре общества - семье. Развод (или прекращение брака) стал практически «дамокловым мечом» почти над каждой семьей. В связи с этим стало появляться много вопросов, нерешенных проблем в практической деятельности юристов, связанных с прекращением брака; огромное количество проходящих процессов, появляющиеся новые нюансы требуют систематизации знаний в этом разделе, новых решений, которые позволили бы на новом, современном уровне подойти к вопросу о прекращении брака.

На брак и семью оказывают влияние многочисленные личные и социальные факторы. Здесь прежде всего экономика и политика, обычаи и традиции, идеология, право, правосознание и нравственность, здесь же социальные установки личности, особенности ее воспитания, характера и много других индивидуальных особенностей человека как личности.

Некоторые считают, что в результате упрощения бракоразводной процедуры стало больше разводов. Конечно, можно существенно затруднить развод и даже вообще его запретить. Понимание развода как социального явления предполагает знакомство с порождающими его причинами. Наиболее часто встречающийся «враг брака» - алкоголизм одного из супругов.

Разрушителем брака нередко выступает концентрация внимания на сексуальной стороне брачных отношений, тогда как совместимость брачных партнеров зависит и от других свойственных человеческой природе качеств супругов. Любая из причин расторжения брака не существует изолированно. Так или иначе, все они соотносятся друг с другом, одна влияет на другую.

Все это проблемы сегодняшнего дня. Времена, когда развод был редкостью и повсеместно осуждался, остались в далеком прошлом. С семидесятых годов прошлого столетия количество разводов в России составляет не менее 140 тысяч в год. Это означает, что тысячи семей ежегодно оказываются разбитыми [1].

Статистика, которая ведется в ЗАГСх страны, является неутешительной. С каждым годом популярность зарегистрированного брака падает. Разница между количеством браков и разводов в России с каждым годом сокращается. В современном обществе в моде гражданский брак. Но многие люди не учитывают того, что гражданский брак не наделяет супругов практически никакими правами и обязанностями по отношению друг к другу.

Статистика разводов в России в 2010 году составляла 153 406 на 185 969 браков. Таким образом, процент разводов в России за 2010 год составил 80%. Демографы объясняют такую печальную статистику тем, что в 2010 году наступил брачный возраст юношей и девушек, рожденных в начале девяностых годов. А девяностые годы отличились крайне низкой рождаемостью. Многие семьи в те времена считались крайне неблагополучными. Тем не менее это не единственная причина того, что многие супружеские пары в России разводятся [2].

Многие девушки и молодые люди запоминают день своей свадьбы на всю жизнь. Этот день дарит много радости жениху с невестой, их родственникам и друзьям. Еще бы, ведь день свадьбы – это день рождения новой семьи. К

сожалению, как показывает статистика, многие союзы оказываются некрепкими и вскоре распадаются.

Продолжительность приблизительно 15% семейных союзов в 2012 году составила около года. По многочисленным социологическим опросам специалисты выявили основные причины развода в РФ:

- Алкоголизм и наркомания. Эта причина является наиболее распространенной и вызывает распад 41% браков.
- Отсутствие собственного жилья. По этой причине разводятся около 26% супружеских пар.
- Вмешательство родственников в семейную жизнь. Эта причина вызывает около 14% разводов.
- Невозможность завести ребенка – 8% разводов.
- Длительное раздельное проживание – 6% разводов.
- Тюремное заключение – 2%.
- Длительная болезнь супруга – 1% [3].

Социологи выделили ряд причин, которые мешают супругам развестись. Наиболее распространенные - сложно «поделить» детей (35%), сложность с разделом имущества (30%), материальная зависимость одного супруга от другого (22%), несогласие мужа или жены на развод (18%).

Основная масса разводов совершается до 40 лет. В 2012 году доля разводящихся мужчин этого возрастного периода – 73,9%, женщин – 78,3%. Наибольшая интенсивность разводов приходится на возрастную группу 25-29 лет. Наиболее часто встречающийся возраст расторжения браков (модальный возраст) у мужчин – 28,8 года, женщин – 27,8 года. Средний возраст – 32,5 и 29,5 лет (половина всех разводов совершается до этого возраста, а другая половина – после него). Существуют данные, что наиболее часто разводятся супружеские пары, состоящие в браке до 4 лет, 4-5 лет, 10-14 лет. Сопоставление с периодизацией браков показывает, что наиболее опасный с точки зрения

стабильности брака период – так называемые «совсем молодые браки» – (от 0 до 4 лет). В этот период возникают трудности психологической адаптации, вхождения в роли мужа и жены, распределения обязанностей в семье, проблемы ведения общего хозяйства. Напряженность в отношениях увеличивается при появлении детей, жилищных и финансовых проблем.

Достаточно опасен с точки зрения вероятности разводов период «молодых браков» (5-9 лет). В это время в связи с рождением и воспитанием детей дефицит времени супругов становится весьма напряженным, ограничивается отдых, досуг, возрастают нервная и физическая усталость и финансовые проблемы семьи. Остро встает проблема лидерства в семье и разделения труда. На первые 9 лет совместной жизни приходится 64,5% распадающихся браков.

«Средние браки» (10-19 лет). В целом происходит стабилизация супружеских отношений. При неблагоприятной динамике отношений между супругами в результате ссор и конфликтов может появиться чувство вражды, ненависти. Доля разводов, попадающих на этот период, - 23,6%.

«Пожилые браки» (свыше 20 лет). К их особенностям относятся отделение детей, оттеснение прежней взаимозависимости по уходу за детьми и их воспитанию на второй и третий план. Возможны такие негативные явления, как некоторая усталость супругов друг от друга, иногда автономия в досуге и развлечениях, определенная дисгармония сексуальных потребностей и возможностей, психологическое отчуждение. Наиболее частые мотивы разводов в этот период – пьянство или алкоголизм, измена или подозрение в измене. Удельный вес разводов в браках продолжительностью от 20 лет и более – 11,6%. Инициаторами разводов в большинстве случаев являются женщины. В нашей стране, по данным разных авторов, около 70% разводов происходит по инициативе жен, в США – около двух третей. Наиболее активны в расторжении брака молодые

жены (до 25 лет), причем женская инициатива в этом вопросе преобладает до 50 лет [4].

Исследования в Соединенных Штатах и Британии показали, что работающие замужние женщины (особенно с высоким уровнем образования – 5 лет колледжа и более) охотнее разводятся или живут отдельно, если у них есть кому оставаться с детьми дома.

Сама процедура развода в России является достаточно простой. Супруги либо один из них пишет заявление на развод. Расторгнуть брак можно в отделении ЗАГСа либо в суде [5].

Согласно ст. 19 СК РФ в органах загса при наличии соответствующих оснований расторгаются браки между супругами, выразившими обоюдное согласие на развод. В соответствии с п. 1 ст. 19 СК РФ расторжение брака в органах загса по заявлению обоих супругов производится при наличии двух оснований:

1. Супруги выразили взаимное согласие на расторжение брака,
2. Супруги не имеют общих несовершеннолетних детей.

Вместе с заявлением супруги предоставляют в ЗАГС свои паспорта, свидетельство о браке и квитанцию на оплату госпошлины на развод. Оплату госпошлины за развод можно произвести через кассу ЗАГСа либо через банк.

Орган ЗАГСа не выясняет причин развода, в его обязанность не входит и примирение супругов. Однако в целях предоставления супругам срока для обдумывания целесообразности предпринимаемого ими решения, а также в целях защиты интересов супруга в случае недобросовестных действий другого супруга при расторжении брака п. 3 ст. 19 СК РФ установлено, что само расторжение брака и выдача супругам свидетельства о расторжении брака производятся органом по истечении месяца со дня подачи супругами заявления о разводе. Через месяц – положенный

срок на обдумывание супруги получают свидетельство о разводе и отметку в паспорте, что брак расторгнут. При наличии несовершеннолетних детей развод осуществляется только в судебном порядке [6].

Также согласно п. 2 ст. 19 СК РФ расторжение брака в органах ЗАГСа может производиться по заявлению не только обоих, но и одного из супругов, причем независимо от наличия у них общих несовершеннолетних детей. Закон допускает такую возможность в трех случаях:

1. Если другой супруг признан судом безвестно отсутствующим.
2. Если другой супруг признан судом недееспособным.
3. Если другой супруг осужден за совершенное преступление лишением свободы на срок свыше трех лет.

Расторжение брака в судебном порядке производится в случаях, предусмотренных ст. 21 СК РФ: [7]

- a) у супругов имеются общие несовершеннолетние дети (кроме случаев, когда один из супругов признан судом безвестно отсутствующим, недееспособным или осужден за совершение преступления к лишением свободы на срок свыше трех лет,
- b) отсутствует согласие одного из супругов на расторжение брака,
- c) один из супругов, несмотря на отсутствие у него возражений, уклоняется от расторжения брака в органе ЗАГСа (например, отказывается подать совместное заявление).

Развод с иностранцем в России также осуществляется только через суд. Процедура развода с иностранцем является более длительной, и для ее осуществления требуются различные дополнительные документы. Чтобы сделать этот процесс максимально простым, истцу следует обратиться за помощью к адвокату [8].

При официальном заключении брака существует ряд причин, мешающий супругам развестись: сложности с вопросами относительно детей – 35%, осложнения с разделом имущества – 30%, материальная зависимость одного супруга от другого – 22%, несогласие одной из сторон на развод – 18% [9].

В царской России развести могла только церковь. В те годы развод в России был редкостью. Например, в Италии вообще нельзя было разводиться, и убийство супруга было единственным способом от него избавиться. Советская власть облегчила процедуру развода, но позже и развестись стало возможным только через суд. Стремясь улучшить рождаемость в России запретили аборт.

Развод партийных деятелей расценивался как аморальное поведение, и на этом партийная карьера заканчивалась. Сейчас расторжение брака проблемы не составляет и разводятся много, даже очень много. Россия лидирует по числу разводов на 1000 человек. За ней идет Белоруссия, США на 6-м месте.

Постоянно растет число так называемых «гражданских браков», по которым статистика отсутствует полностью. Естественно, растет и число неучтенных «гражданских разводов».

Третий развод происходит из-за несходства характеров, пьянство супруга является причиной шестой части разводов. Измена идет на третьем месте. Имеются и другие причины разводов (неготовность супругов к семейной жизни, безответственность и т.п.) [9].

Из-за разводов ежегодно около 400000 детей остаются без отца. Многие из них впоследствии становятся детьми улиц. Пособия для матерей-одиночек невелики. Далеко не каждая женщина требует с отца ребенка алименты, особенно через суд. Да и официальная зарплата у отцов часто бывает символической, остальное благодаря массовой практике уклонения от налогов идет черным налом, с которого алименты не возьмешь.

В 2010 г. было заключено 1.215.066 браков. Население же России составляло 143.834.000. При разводимости 4,47 число разводов в 2010 – 638.768, т.е. около 51% браков. В 2013 году заключено браков 5,7 на тысячу населения (5,6 в 2012), разводов 4,5 на тысячу, распадается 80% заключенных браков [10].

А если учесть ещё и «гражданские» браки, которые не переходят в официальные, то количество разводов будет еще выше.

Разведенные женщины с трудом вступают в новый брак не только потому, что новый муж не склонен воспитывать чужого ребенка, но главным образом из-за недостатка мужчин вследствие высокой смертности среди мужчин в России.

Маленький процент разводов в дореволюционной аграрной России объясняется тем, что крестьяне, составлявшие 95% населения, жили своим натуральным единоличным хозяйством. Жена не могла уйти от мужа, не расставшись с этим единственным источником средств к существованию. Муж не мог бросить жену с детьми и хозяйством по той же самой причине. Он не мог выгнать жену с детьми, так как дети были его работниками и его пенсией. Государственных пенсий для крестьян не существовало. Семьи были прочными, часто многодетными. Несмотря на высокую детскую смертность (умирали 200 младенцев из 1000, до детородного возраста доживали 50% людей), в дореволюционной России наблюдался быстрый естественный прирост населения.

Для того, чтобы принцип экономической зависимости родителей от детей действовал и сегодня, оздоравливая демографическую ситуацию в России, повышая рождаемость и сводя на нет число разводов в России, достаточно провести пенсионную реформу. Для этого надо только исключить Пенсионный фонд из цепочки посредников и формировать пенсию родителей из пенсионных отчислений их собственных детей. Разводиться, лишаясь доходов

от детей в зрелые годы и пенсии в старости, будет невыгодно. Дети, как и в прошлом, будут соединять, а не разъединять родителей. Дополнительные меры по выходу из демографического кризиса изложены в Проекте демографической доктрины Миллиардной России. Принятый несколько лет назад новый Семейный кодекс юридически уничтожил понятие «гражданский брак» и лишил женщин, «состоявших» в таком браке, всех прав на совместно нажитое имущество. Усугубили ситуацию поправки в Жилищный кодекс, дающие право собственнику жилья после развода считать супругу «бывшим членом семьи» и выселять ее из дома или квартиры без предоставления другого жилья (только вмешательство высших судебных инстанций приостановило порочную практику, по которой «бывшими членами семьи» суды признавали и детей).

Каждый второй брак в Брянской области заканчивается разводом, статистика разводов такова: за 9 месяцев 2013 года в Брянской области на 1000 заключенных браков приходилось 519 разводов, объявлено на заседании областного координационного совета по демографической политике. В январе - сентябре 2012 года этот показатель был еще выше: на 1000 браков фиксировалось 623 развода.

Интересную статистику озвучили на заседании круглого стола «Семейные грани» в Брянской городской администрации накануне Дня матери. В 2010 году было зафиксировано 6278 разводов, в 2011 – 6587, в 2012 – 6651 (не считая разводов в судебном порядке!).

В большинстве случаев инициатором развода становится женщина. Чаще всего супруги расторгают брак в возрасте 25-29 лет: 38,9% приходится на долю «мужских» заявлений, 45,8% – «женских». В возрасте от 18 до 24 лет процент разводов не так велик, но и здесь лидируют представительницы слабого пола (15,9% «женских» против 6,2% «мужских») [11].

Основная причина, которую называют супруги при разводе, – «не сошлись характером». На втором месте –

алкоголизм. Замыкает тройку насилие в семье. Затем идут такие причины, как аморальный образ жизни, нежелание заниматься воспитанием детей, недолжное содержание семьи, плохие жилищные условия или маленький размер жилплощади.

Рост уровня разводов неизменно связан с модернизацией общества. Традиционная семья как форма демографического регулирования постепенно сдает свои позиции и уходит в прошлое. Вступление в брак на сегодняшний день не тождественно созданию семьи. Для большинства молодых людей заключение брака является не ступенью на пути к выполнению долга, а скорее, модной тенденцией. Трудно найти молодую девушку, которая бы втайне не мечтала о красивом свадебном платье. Так как именно в молодежи заложен народный потенциал, необходимо проводить воспитательную работу в области семьи и семейных отношений, чтобы изменить общую ситуацию в бракоразводных отношениях.

Изменение уровня разводов зависит от влияния многих факторов: нормативных, демографических, социально-экономических. Сила влияния того или иного фактора на частоту разводов определяется мерой его отклонения от социокультурных норм, принятых в данном обществе. То есть в целом рост разводимости связан с всемирным прогрессом в области науки, культуры, социальной сфере и т.д., но степень увеличения разводимости определяется долей вклада того или иного фактора (например, рождаемость существенно влияет на число потенциальных невест/женихов и как следствие – на количество брачных союзов, это в свою очередь влияет на число потенциальных разводов).

Существенно изменились мотивы вступления в брак. Если раньше приоритетной считалась прокреация, то теперь стремление к счастью и личностная реализация выходят на первое место. Как следствие основной и достаточной причиной развода является отсутствие любви. От-

носителем женской половины населения развод во многих случаях является позитивным решением, а именно расценивается как второй шанс повстречать-таки любящего и заботливого супруга. И именно поэтому в современном обществе инициатором развода выступает женщина, в то время как мужчина чаще видит в браке законный способ удовлетворения своих сексуальных потребностей.

В ходе исследования пришли к выводу, что развод в современном мире не может оцениваться однозначно, как и факторы, влияющие на его частоту. В своей работе мы рассмотрели в целом картину происходящего, не делая каких бы то ни было радикальных утверждений, оставив это специалистам данной области. Остается отметить, что развод существует с незапамятных времен, но только сейчас общество постепенно приходит к признанию развода как атрибута брака, нормального явления.

Для того, чтобы уменьшить катастрофическое количество разводов в стране, необходимо увеличить госпошину при разводе до 30 тысяч, это может уменьшить количество разводов, которое просто катастрофическое. Сейчас размер пошлины – 400 рублей с каждого человека. Повышение госпошины, конечно, не спасет пары от развода, но, может, остановит только тех, кто привык разводиться по несколько раз, а потом опять регистрировать свой брак вновь, такие люди есть, но их очень мало.

Можно предложить, чтобы один человек мог за всю жизнь только 2 раза вступать в брак. Это поможет более ответственно подходить к браку и выбору спутника жизни, также следует отметить роль государства. Государство как партнер семьи призвано активно участвовать в процессе ее адаптации к новым социально-экономическим условиям, постоянно корректировать эти условия, исходя из социально значимых интересов самой семьи, ее жизнедеятельности. Речь идет не об опеке семьи или подмене ее функций, а о создании необходимых макроусловий через законы, указы, различные правительственные решения, кото-

рые во многом определяют жизнедеятельность семьи в обществе, активизируют или, напротив, усложняют ее функционирование. Семейное законодательство по-прежнему не содержит качественных материальных критериев, позволяющих отграничить семейные отношения от отношений, регулируемых другими отраслями права. Попытка определения семейных отношений как отношений, возникающих в семье, также не дает ответа на вопрос о природе этих отношений. Не все семьи в социологическом смысле составляют семью в юридическом смысле. Поиск этих критериев позволил бы более верно, более справедливо разрешать проблемы, возникающие при расторжении брака, в тех случаях, когда нравственное чувство и личностно-доверительная основа играли существенную роль в семейных отношениях. Предполагается правильным в тех случаях, когда оба супруга согласны на развод, что государственные органы должны только регистрировать их соглашение о расторжении брака. Эти органы не должны связывать свои действия с оценкой каких-либо обстоятельств или вынесением решений. Сейчас это существует только при расторжении брака в органах ЗАГС. Нежелание супругов вторжения в их частную, личную, интимную жизнь в этих случаях должно учитываться. Запрещение мужу требовать развода в одностороннем порядке (во время беременности жены и пока ребенку не исполнится 1 год) неоднократно критиковалось. Наиболее веским аргументом против такого решения проблемы является то, что муж может все равно оставить жену и заставить его насильно продолжить супружеские отношения никто не может. Если жена отказывает в разводе, то у нее, безусловно, есть для этого основания, а защита законодательством прав еще не рожденного ребенка должна считаться главенствующей. В то же время ситуация, когда муж не является отцом ребенка, рожденного его женой, требует дополнительных решений со стороны СК. В таких случаях при одностороннем желании мужа браки должны будут

расторгаться (безусловно, в судебном порядке). Умышленное сокрытие заболевания или патологии, список которых должен утверждаться Правительством РФ, следует предусмотреть в СК РФ как основание для признания судом брака недействительным по иску обманутого супруга (и только супруга), что явилось бы и мерой защиты его интересов, и санкцией по отношению к недобросовестному партнеру. Очевидно, что список этот не может исчерпываться лишь венерическими болезнями и ВИЧ-инфекцией, как это имеет место в настоящее время (п. 3 ст. 15 СК РФ). Имеет смысл расширить перечень обязательных для заключения брака условий с тем, чтобы не допускались браки с алкоголиками, наркоманами и лицами, страдающими хроническими венерическими заболеваниями. Нежелательность таких браков бесспорна и обусловлена явной невозможностью создания полноценной семьи, высокой опасностью рождения детей с тяжелой патологией, нестабильностью таких браков.

Таким образом, расторжение брака является важным процессом в жизни многих людей, поэтому правильное решение возникающих проблем и вопросов в его проведении будет оказывать существенное влияние на бывших супругов, а также их несовершеннолетних детей независимо от того, где этот брак будет расторгнут: в суде или в ЗАГСе.

Литература

1. Антокольская, М.В. Семейное право: Учебник / М.В. Антокольская.- М.: Юрист, 1997. - 312 с.
2. Режим доступа: <http://womanadvice.ru/statistika-razvodov-v-rossii>
3. Режим доступа: <http://www.russia-on.ru/45837>
4. Режим доступа: <http://www.psychologist-consultant.ru/157/160/267/document295.php>

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская Газета. - 1993. - 25 декабря.
6. Семейный кодекс РФ: [ст. 19] // Консультант Плюс : справочно-правовая система (Версия от 10.10.2014 г.).
7. Семейный кодекс РФ : [ст. 21] // Консультант Плюс : справочно-правовая система (Версия от 10.10.2014 г.).
8. Гаранина, С.Ю. Семьеведение: учебное пособие / Е.Ю. Гаранина, Н.А. Коноплева, С.Ф. Карабанова. - М.: Флинта: МПСИ, 2009. - 384 с.
9. Вершинина, Г.В. Некоторые особенности рассмотрения дел о расторжении брака / Г.В. Вершинина. - М.: Школа права «Статут», 1996.
10. Российская Газета. 2013. - 18 июля.
11. Региональное время. – 2013. - 8 ноября.

В.Г. Горбачев,
к.ф.н., доцент БГУ
им. акад. И.Г. Петровского

Идеологическое самоопределение российского общества как проблема

Для современного российского общества все более актуальной становится проблема его *идеологического самоопределения*. Что является содержанием данной проблемы?

По сути дела, речь идет о необходимости прояснения ценностных оснований, стратегических ориентиров и идеалов дальнейшего развития России. Актуальность данной проблемы связана, на наш взгляд, с тем, что в так называемые «нулевые» годы сложилось большое несоответствие во взаимосвязи основных сфер общественной жизни (экономической, политической и иных). Идеологи-

ческая сфера не получала должного развития, ее роль и значение недооценивались как государством, так и субъектами гражданского общества. Она оставалась в тени разного рода проблем (укрепление «вертикали» власти, экономический кризис и иные). Не были сформулированы ответы на вопросы смыслового характера: «Куда идем?» «Каков образ будущего, приемлемого для России?» и т.п.

По мнению многих ученых и политических деятелей, сегодня в российском обществе имеет место *состояние идеологической неопределенности*, его «бытие без стержня» [2, с.145]. Это состояние сложилось как синтетический результат 90-х годов (с их идеологией отрицания всего советского) и «нулевых» годов (с их идеологией псевдостабильности), а по сути дела – консервации сложившегося порядка вещей. Данная ситуация усугубляется социальным расколом в обществе, отрывом правящей элиты от общества, низким авторитетом власти и иными негативными обстоятельствами.

С чем связано отставание в развитии идеологической сферы?

- Россия не смогла (в отличие от некоторых других бывших советских республик) пройти стадию активной самоидентификации после 1991 года, не сумела «сосредоточиться на себе» в плане осознания, выработки целей-ориентиров своего дальнейшего существования. (Причины этого – отдельная тема). Этому способствовало и движение «социального маятника» от идеократии советского типа к постсоветской идеофобии, к явной недооценке места и роли идеологии в жизни общества.

- Россия в 90-е годы прошла сквозь стадию грубого передела общенародной собственности, что объективно (наряду с высокой степенью политической борьбы в обществе) оттеснило проблемы идеологии на иной, гораздо менее значимый план.

- Россия в «нулевые» годы вошла в состояние «потребительского» общества, где, как известно, доминируют

ценности иного рода (товары, услуги, комфорт). В таком обществе индивидуальное вытесняет общезначимое, а общие ценности ослабляют свою регулятивную роль.

- Россия прошла сквозь стадию «нулевых» лет, когда, как известно, правящая элита во главу угла ставила принцип стабильности общества. При всем значении этого принципа надо признать, что он по природе своей мало благоприятствует идеологическим исканиям в обществе, консервирует их (как, впрочем, и многое другое в обществе). К тому же идея стабильности не несет в себе определенного идеологического содержания, отчетливого смысла.

- Россия (в советский период своей истории) находилась во власти масштабного социального проекта коммунистического типа. Сейчас в нашей стране нет проектов подобного масштаба, хотя и имели место попытки создать программы крупного масштаба (например, приоритетные национальные проекты), но они, надо это признать, имели отраслевой характер.

Идеологическая неопределенность ненормальна для общества. Из этого состояния должен быть найден позитивный и убедительный выход.

Поиски идеологических основ российского общества активизироваться в последние несколько лет. Особенно заметными они оказались в конце 2013 года в связи с 20-летием современной российской Конституции, а несколько позже – в связи с острым политическим кризисом на Украине. Еще ранее, в сентябре того года, на заседании Валдайского клуба, В.В. Путин выступил с речью, в которой отчетливо были сформулированы идеологические установки для государства и общества. Стали высказываться предложения (даже в стенах российского парламента) изменить статью 13 действующей Конституции, заложив в нее норму о *государственной идеологии* с обозначением государства в качестве ведущей ценности [5, с.5]. На роль этой идеологии чаще всего предлагается русское пра-

вославие как духовная основа традиционной русской культуры. Такой подход проявляет себя, в частности, в деятельности Изборского клуба, который проектирует будущее России в качестве так называемой «пятой империи», а стержнем русской идеи предлагается считать мессианскую идею – «взыскание рая» [4, с.23].

Кто генерирует сегодня идеологию в российском обществе?

Обычно в этом активно участвует творческая интеллигенция. Но сегодня она не играет той роли, которая была характерна для рубежа 80-90-х годов прошлого века, когда имел место активный идеологический подъем в обществе. Может быть, аналитические центры? Но их деятельность зачастую носит коммерческий, а значит, заказной характер. Политические партии? Но в последние годы их полнокровная деятельность явно стеснена условиями их существования, да и сами партии в условиях рыночного общества все реже и реже продуцируют идеологический продукт. Средства массовой информации? Но их деятельность очень часто носит зависимый (от власти, от бизнеса) характер. Гражданское общество? Но его структуры тоже находятся в сильной зависимости (от государства, от бизнеса и иных факторов влияния), и поэтому имеют место их имитации, «псевдообщество».

Сегодня на роль ведущего генератора идеологии все чаще претендует само государство, а не гражданское общество. Особенно заметный пример в связи с этим – это выступление В.В.Путина на X конференции Валдайского клуба [1]. Играя эту роль, государство на словах выступает от имени всего общества, но оно постулирует ту идеологию, которая ориентирована на интересы самого государства как социального института, носителя официальной власти. Сегодня это идеология консервативного толка, в которой *принцип неизменности преобладает над принципом развития*. В этой идеологии государство (как институт) ставится выше личности, а личность, по сути дела,

подчиняется государству. Но ведь чем больше государства, тем меньше остается для личности, чем сильнее позиции бюрократии, тем слабее позиции гражданского общества. По сути дела, сегодня правящий в России класс создает такой идеологический продукт, который по форме – *для всех*, а по содержанию – *для себя*. Объективно этот продукт служит сохранению в обществе ситуации «статус-кво», т.е. пресловутой стабильности.

На наш взгляд, такая ситуация ставит под сомнение возможность прогрессирующего типа развития, в чем Россия, безусловно, нуждается. Она нуждается в осуществлении крупных прорывных проектов, способных вывести страну из того «полузастойного» состояния, в котором она сегодня находится. Современный опыт показывает, что источники такого типа развития следует искать, однако не в структурах власти, а в недрах человеческого капитала, носителем которого и является личность, свободная и ответственная (перед другой личностью, перед обществом, а также перед государством тоже).

Говоря о путях выхода из состояния идеологической неопределенности, заметим следующее.

На наш взгляд, для российского общества наиболее приемлемой может быть идеология *интегративного типа*, которая способна органично синтезировать различные идеологические типы, имеющие место в российском обществе. Она не должна быть «зациклена» на чем-то одном как якобы единственно верном. Эта идеология призвана выражать историческую поликультурность как сложившийся исторический факт, состояние подлинной (а не искаженной, не ложной) российской действительности. Такой подход находит место в работах современных российских ученых [3], с чем нельзя не согласиться. Разумеется, идеология интегративного типа не должна являть собой эклектику, в ней должны быть ясно обозначены федеральные мировоззренческие стержни, предложены привлекательные и обоснованные ориентиры для развития общества.

Это должна быть идеология, формирующаяся вокруг *принципа диалога*, который являет собой измененную форму поликультурности. Формирование такой идеологии должно стать одной из важнейших задач гражданского общества.

Литература

1. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://kremlin.ru>. свободный.
2. Кара-Мурза. Оппозиция, или Как противостоять Путину? / Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.
3. Славин, Б.Ф. Идеология возвращается / Б.Ф. Славин. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2009. – 648 с.
4. Столица русской Победы // Изборский клуб. - 2003. - №11-12. - С. 21-24.
5. Сулакшин, С. Конституцию России надо менять радикально / С. Сулакшин // Независимая газета. - 2013. - 6 декабря.

Е.А. Дергачева,
к.ф.н., доцент БГТУ

Глобализация как процесс социально – техногенного развития мира

В современной глобалистике в начале текущего столетия постепенно складываются два направления в исследованиях процессов глобализации – широкое (социально-философское) [3] и узкое (социологическое). Представители первого направления занимаются изучением различных аспектов общепланетарных техногенных социоприродных процессов, распространение которых приводит к глубинным трансформациям в обществе и природе на

основе расширения искусственного мира [1, 2, 3]. Представители второго направления рассматривают глобализацию с социологических позиций, трактуя ее как многогранный процесс социально-экономического развития мира.

Действительно, современное глобализирующееся техногенное (индустриальное и постиндустриальное) общество, развиваясь в биосфере, создает с помощью научно-технических производительных сил искусственную неживую природу – техносферу. Ее составляющими являются искусственные объекты (средства производства, индустриальные комплексы, города, сооружения), синтетические химические вещества, искусственные электромагнитные поля и др. С одной стороны, расширяющаяся техносфера воздействует на сам социальный организм, что приводит к становлению техногенности среды обитания и образа жизни населения в городах. С другой стороны, она техногенно трансформирует биосферную природу, что способствует ее деградации, разрушению и как следствие – нарастающую экологического кризиса.

Универсализирующаяся техносфера участвует в обменных процессах между социосферой и биосферой, становясь составляющей глобализационных процессов. Все это свидетельствует о том, что современная глобализация выступает как процесс системно-интегрированного социотехноприродного (социально-техногенного) развития мира [3].

В современной глобализации важную роль играет информатизация, стягивающая мир воедино. Она придает новое качество техносфере, поскольку позволяет ускорить процесс ее разрастания на основе интенсификации хозяйственной деятельности региональных и международных предприятий, создания мировых научно-технических производительных сил, а в итоге – распространения интеграционных процессов за пределами национальных общественных организмов. В результате в различных городах мира складывается технико-технологическое единство

процессов техносферизации и урбанизации, ориентированных все больше и больше на потребности транснациональных промышленных, аграрных и обслуживающих предприятий и рынков.

Техногенно глобализирующееся общество формируется прежде всего как либерально-экономическое. В таком обществе частные эгоистические интересы и научно-технический прогресс тесно переплетаются и взаимно усиливают друг друга. Отсюда приоритетным становится технократическое восприятие развития социума, с которым ассоциируются надежды удовлетворения потребностей и роста богатств населения. Поскольку высокотехнологичная продукция является высокоприбыльной, то, соответственно, развитие экономики основывается на совершенствовании искусственных технологий и наращивании производств искусственно синтезируемых веществ.

В начале XXI века идет активное преобразование природно-биологических систем, разработка и последующее распространение трансгенных живых организмов. В глобальных масштабах транснациональных корпораций (ТНК как их главных разработчиков) переходят к коммерческому использованию био- и нанотехнологий. Таким образом, экономическая элита общества начинает целенаправленно расширять техногенность и в форме создания биологической жизни. Глобализирующиеся техногенные социумы вовлекают в техногенное хозяйствование и строительство техносферы другие, аграрные общества, технологически зависимые от развитого мира. Удаленные от «центрального» капитализма, такие страны вынуждены воспроизводить индустриально-техногенную модель развития, диктуемую глобальными «игроками» бизнеса, поскольку от этого отчасти зависит их временное социально-экономическое благополучие. Так создается базис глобализации – техногенный хозяйственный организм, качественно трансформирующий природу.

В современных теориях общественного развития (в частности, постиндустриального, информационного общества, по Д. Беллу) исследователи концентрируют внимание на социальных закономерностях общественного развития и не рассматривают формирующиеся системно-интеграционные взаимосвязи техногенного, искусственного плана между обществом и природой. Отсюда следует необходимость анализировать феномен современной глобализации, опираясь в числе других факторов и на теорию глобального техногенного социоприродного развития.

С переходом общества от присваивающей к производящей экономике начинаются процессы окультуривания природы сначала с помощью естественных, биосферных технологий в земледельческом обществе, а впоследствии – и искусственных технологий. В результате в развивающейся социоприродной системе начинают зарождаться фрагменты техносферы и техногенности развития. Процессы улучшения качества биологического вещества биосферы сменяются процессами его противоречивой трансформации уже в условиях аграрного способа производства и особенно с переходом к техногенному социальному развитию. Общество с помощью машинных технологий начинает стремительно трансформировать и уничтожать биосферу, что приводит к техногенной трансформации естественного круговорота веществ. В результате таких трансформаций взамен биосферной системы жизни, характерной еще для земледельческого общества и окружающей его природы, формируется глобальная техногенная социоприродная система.

Современная глобализация соответствует техногенному этапу развития общества и окультуривания им природы [3]. Глобализирующийся техногенный социум на основе расширения различных элементов искусственного – от синтезированных веществ, включая продукты питания, до электромагнитных полей – перестраивает сам общественный организм (в т.ч. человека), прежнюю систему

развития природы и ее жизни, которая существовала на Земле на протяжении почти 3,8 млрд. лет. Искусственные вещества (ксенобиотики, супертоксики) через пищевые цепи постоянно включаются в биосферный биотический круговорот веществ, трансформируют, нарушают его замкнутость, получая повсеместное распространение, в результате чего локальные техногенные биогеохимические процессы становятся глобальными. Эти качественно отличные от биосферы техносферные объекты интегрируются с естественными природными организмами и человеком, создавая промежуточные формы жизни между естественным и искусственным миром – технобиосферу, техногенного человека, трансгенные растения, клонированных животных, а в глобальном масштабе – технобиогеохимические круговороты веществ, энергии и информации.

Но на этом глобальность развития не заканчивается. Так, в 2010 году под руководством генетика Джея Крейга Вентера была создана искусственная клетка, геном которой был сконструирован на основе информационных технологий. Причем эта новая форма жизни, ДНК которой получена искусственно, способна самовоспроизводиться и функционировать в любой клетке, а ее исходные качественные характеристики целенаправленно задаются социумом. Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что в совокупности планетарное системное взаимодействие социальных, техносферных и природно-биологических процессов определяет изменение характера социоприродной жизни на Земле с естественной на техногенную и даже нарастающую искусственную.

Глобальные процессы и проблемы, разворачивающиеся в последние два-три столетия техногенного социоприродного развития, пока что глубоко не изучены ни философией, ни наукой, что не позволяет охватить разумом перспективы нового этапа эволюции жизни на Земле, включить эти вопросы в сферу рассмотрения теорий устойчивого социоприродного развития. В ходе взаимо-

действия социальных, искусственных и природно-биологических компонентов современного мира формируются интегрированные закономерности его развития. В совокупности они и составляют феномен современной системной глобализации. На мой взгляд, разработанная и обоснованная автором концепция социотехноприродной глобализации позволяет в единстве рассматривать закономерности взаимосвязанного и расширяющегося развития современного общества, создаваемого им искусственного мира и техногенно трансформируемого мира естественной природы [3]. Эта концепция расширяет узкие, социологические границы понимания данного феномена глобализации и позволяет осознать необходимость ускоренного решения острейших глобальных проблем и главной из них – сохранения и укрепления биосферы и биосферной жизни на Земле.

Литература

1. Демиденко, Э.С. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева. - М.: Красанд, 2010.
2. Демиденко, Э.С. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. - М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: Изд-во БГТУ, 2011.
3. Дергачева, Е.А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации / Е.А. Дергачева. - М.: Либрокком, 2009.

С.В. Говорушкин,
член Брянского философского общества

Национализм – угроза России в глобализирующемся мире

В конце 19 века в России славянофилы и западники ожесточённо спорили о том, идти ли стране по общеевропейскому пути или искать свой, исконно русский путь. Александр III пошёл по пути славянофилов [2], его сын Николай II – по пути западников [3]. Трагические результаты сравнительного исторического «эксперимента» известны.

Я хочу, чтобы были правы западники, но понимаю, что правы славянофилы.

Джек Лондон писал: «Если ты не сказал всей правды, ты изменил правде» [5]. «Что русскому хорошо, то немцу смерть», – любят говорить в народе. Но это лишь половина правды. Вторая половина должна звучать так: «Что немцу хорошо – то русскому смерть». Например, западный парламентаризм и диктат закона. Спросите себя, всегда ли мы держим данное слово, говорим ли то, что думаем, соблюдаем ли правила игры, которые сами установили?

Так было не всегда. Небезызвестный князь Игорь исполнил закон – собрал дань с древлян. Но затем он произвольно изменил свой собственный закон – пошел «ещё погулять». Древляне, отстаивая принципы права, убили Святослава. Но княгиня Ольга доходчиво объяснила древлянам, что «дуракам закон не писан» [4]. Это положение «развили и углубили» ордынцы, затем многие другие, включая большевиков с их пресловутой «революционной целесообразностью», и теперь мы имеем то, что имеем.

Что же остается? Принять себя такими, как есть, и всерьёз проживать собственную жизнь. И развивать исконно российские добродетели – веротерпимость, госте-

приимство, уважение к иностранцам. Да, да, и пресловутую теплоту, сердечность, душевность, открытость отношений. И не пытаться слепо копировать Европу. Ничего хорошего не получится – всё равно западные идеи дают в России уродливые, извращённые всходы.

Например, национализм. Где-то он, возможно, мог когда – то принять форму национального созидания, у нас же он становится шовинизмом – злобой на соседей.

Я глубоко убеждён, что всё живущее заслужило право на жизнь. Все «недостойные» вымерли. И болезнетворные микробы ничем не хуже человека. Почему человек объявил себя венцом природы? Может, потому, что он наверху пищевой цепи? Отнюдь не он, но, извините, его кишечные паразиты. Человек – творец? Сколько творцов приходится на сотню граждан? Что думать об остальных?

Так и с народами и расами. Если один народ «лучше» другого в чём – то, то наверняка природа, «сэкономив», сделала его хуже в ином. Чтобы перестать смеяться над чукчами, достаточно отправиться в одиночку в тундру.

Что есть свобода? Поиск своего места в мире иных людей, или убийство непохожего на себя?

Что значит уважать? Признать для себя ценность мнения другого человека, отличного от собственного мнения [1].

Что значит уважать другой народ? Находить интерес и удовольствие от чудного, или чудного несоответствия его нам!

Бог войны Арес и богиня любви Афродита родили дочь Гармонию [6]. Гармония – в единстве противоположностей. Помните символ Дао – Инь и Ян в неразрывном сплетении? [7]

Карл Густав Юнг открыл то, что деление явления на противоположности и отречение от одной из составляющих ведут к вытеснению её в собственное подсознание. Далее следует неосознанная проекция вытесненного, но в

уродливом и злом виде на другого. Мы видим в ближнем то, что не желаем видеть в себе [8].

Другой народ не может и не должен быть таким, как наш. Если мы объявим его частью нашего народа, то осознание его неодинаковости, особенно многими людьми сразу, может вызвать однажды злой и агрессивный шок. Все в согласии с Аналитической психологией [7].

Давайте будем уважать себя и других, то есть уважать свою уникальность и ценить неповторимость иных людей. Это и есть Культ Личности.

Следуя традициям русской литературы, отважусь указать ещё на одну опасную черту. «Козёл отпущения» не может быть национальной идеей! Нельзя радоваться тому, что у знакомого угнали машину, а в заокеанской державе взорвался космический корабль. «Мертвая корова» соседей – это и наше горе тоже.

Лучше Чехова не скажешь: «Чужими грехами свят не будешь»!

Давайте объясним молодым людям, что расизм – он и в Африке расизм, независимо от цвета. Меня коробит употребление слова «блондинка» в значении «ветреная и глупая».

Глупцы те, кто повторяет это, не вдумываясь в содержание. Как можно объявлять потомков северян априори идиотами? Опять синдром «мёртвой коровы».

Возмущаясь проявлениями антисемитизма, давайте осудим и чёрный расизм (расизм наоборот), в Америке, геноцид белых фермеров в Южной Африке. Ведь расист легко меняет направление своей ненависти и однажды может направить её на нас с вами.

Шовинист на деле не любит не только чужой народ, но и свой, но о нелюбви к чужому народу он громко заявляет, а о нелюбви к своему – молчит.

И не нужно объявлять, что все люди по своей природе одинаковы. Мы разные и слава богу, иначе жизнь была бы невыразимо скучна!

Литература

1. Адизес, И. К. Развитие лидеров: как понять свой стиль управления и эффективно общаться с носителями иных стилей / И. К. Адизес; перевод с англ. - М., 2008. - 258 с.
2. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. - М., 1966. -Т. 1-2.
3. Николай II и великие князья. - Л. - М., 1925.
4. Повесть временных лет. М. - Л., 1950. - Ч. 2. - С. 295 - 316.
5. Стоун И. Моряк в седле / И. Стоун. - М., 1960.
6. Шахнович, М.М. Религии мира: Учебное пособие / М.М. Шахнович. - СПб., 2006.
7. Юнг, К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. - СПб., 1997. - 715 с.
8. Юнг, К.Г. Символическая жизнь / К.Г. Юнг. - М., 2010.

Н.Н. Лапченко,

*к.ф.н., старший преподаватель
БГУ им. акад. И.Г. Петровского*

Направления информатизации и пути повышения ее эффективности в современном российском обществе

Во всех экономически развитых странах под воздействием научно-технической революции с середины XX в. не только значительно возросли производительные силы, но и произошли радикальные изменения в жизни социума, его информационной сфере. Для обозначения этого процесса и связанных с ним социальных изменений на территории России и некоторых сопредельных стран широко используется термин «информатизация». На Западе преимущественно используется понятие «информационное

общество», что несколько смещает акцент с процесса на результат и как следствие обедняет проблемное поле.

Информатизация как управляемый и самоорганизующийся процесс включает ряд противоречивых условий изменения современной действительности: разрастание инфосферы находит отражение в процессах усложнения и миниатюризации телекоммуникационных средств связи, электронных технологий и компьютерных устройств, переходе к цифровым методам хранения, обработки информации и повышении требований к ее качеству и безопасности; возрастает знаниеемкость индустрии, ускоряются процессы внедрения научно-технических инноваций в производство; развитие технологий и их интеллектуализация осуществляются в направлении создания искусственного интеллекта; формируется глобальная информационная сеть Интернет, и на ее основе осуществляется виртуализация жизненного пространства человека; осуществляется всестороннее проникновение информационных технологий в социоприродную структуру; возрастает роль информационных технологий в поддержании жизнедеятельности человека, моделировании и контроле направлений социоприродного взаимодействия, предупреждении экотехнологических проблем.

Эти изменения являются факторами трансформации общества в целом, затрагивают все сферы общественной жизни, становясь факторами их развития.

Совокупность разноплановых, взаимосвязанных между собой и постоянно развивающихся технико-технологического, социокультурного, социально-экономического и политического факторов отражает основные направления информатизации.

Технико-технологический фактор имеет форму информационно-коммуникативной электронизации. Он представляет собой совокупность процессов компьютеризации и сетизации (понимаемой как становление и развитие единого информационно-коммуникационного пространства –

инфотехносферы). Современное общество «пантехнологично», что означает проникновение информационных технологий во все сферы деятельности.

Социально-экономический фактор указывает на изменения отношений между людьми и целыми государствами, обусловленные их способностью производить, распространять, получать, интерпретировать информационные продукты как ресурс. Главенствующее положение информационного ресурса отражается в его качественной способности оптимизировать сочетание и использование иных факторов капиталистического производства. Кроме того, новейшие исследования и разработки проходят в тех областях применения ИКТ, которые наиболее привлекательны с точки зрения рыночных перспектив.

Социокультурный фактор включает процессы информатизации культуры, наличие информационных потребностей, уровня компьютерной подготовки, степени информационной активности. Данное направление информатизации выражается также и в том, что овладение основными информационными навыками превращает потенциальные возможности ИКТ в реальность, осознанно и рационально организуемые информационные процессы.

Политическое направление в первую очередь включает в себя создание благоприятного для развития информатизации политического и законодательного климата. В настоящее время запущена Государственная программа «Информационное общество (2011-2020 гг.)». Целью программы заявлено получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий. Задачи программы, так же, как и ее цель, сформулированы преимущественно как общие места теории информационного общества: создание и развитие электронных сервисов в различных областях, создание информационных систем, перевод в электронный вид деятельности и документов, повышение готовности населения и бизнеса к возможностям информационного

общества и другие. Ожидаемые результаты реализации государственной программы особенно размыты и беспредметны, например, «социализация на основе общения». В качестве результата государство обещает своим гражданам «эффекты», возникающие при использовании ИКТ.

Направления информатизации и пути повышения ее эффективности, возможности сглаживания её негативных аспектов в контексте социоприродных и гуманитарных оснований зависят от сложившихся условий развития современного российского общества.

На наш взгляд, пути преодоления технократического мышления, негативных аспектов техногенности информатизации могут быть представлены в виде следующего комплекса мер:

Первая группа мер связана с образовательно-просветительскими и воспитательными программами формирования информационного мировоззрения и культуры, пропагандой ориентации на устойчивые нравственные начала при внедрении в общество новых техник и практик информационно-коммуникативного обмена и при их использовании. Необходима выработка обществом норм информационной культуры и культуры сетевой коммуникации, адекватных современным социальным условиям.

Вторая группа мер предполагает четкое и доскональное исполнение принятых самими государствами законов, развитие системы международного законодательства, унификацию законодательства отдельных государств в сферах, касающихся международных отношений, совершенствование нормативно-правовой базы информационного производства и обмена. Данная группа должна быть связана с изучением информационных отношений, возникающих между группами людей: сущности, стратегии и механизмов информационного противоборства, информационной войны, информационных диверсий, вопросов обеспечения информационной безопасности и т.д.

Третья группа мер должна быть направлена на целевое совершенствование процессов информатизации и самих информационных технологий. Для этого необходимо установить приемлемый и безопасный уровень внедрения информационных технологий во избежание их негативного воздействия на биосферу и человека. При разработке новых технологий необходимо проводить комплексную их оценку изобретаемой техники, выявлять последствия ее применения и тем или иным образом реагировать на них.

Четвертая группа мер связана с исследованием влияния объектов и процессов искусственного, технико-технологического и техногенного на биосферу и социоприродную эволюцию жизни в целом. Инфотехносфера сейчас утверждается на планете как искусственный мир, и нужно исследовать эти закономерности искусственного роста, расширяя с помощью процессов информатизации сферы устойчивого развития человечества и биосферы, противодействовать наступающему антигуманному постбиосферному миру и разрушению биосферного.

Пятая группа мер должна быть направлена на формирование безопасной информационной инфраструктуры для выхода человека из кризисного состояния и сохранения биосферного типа человека. Информационная инфраструктура – система технико-технологических организационных, и иных структур, обеспечивающих функционирование и развитие информационного пространства страны и средств информационного взаимодействия. Причем необходимо обеспечить с помощью гуманно-целевой информатизации значительное снижение техногенности инфраструктуры и более полную безопасность информационных технологий, средств техники и в целом благоприятной инфраструктуры для всестороннего и гармоничного развития человека, общества и биосферного мира в целом.

Комплекс этих и других социально-экологических мер, противодействующих разрушающим тенденциям био-

сферы, должен лечь в основу гуманно ориентированного развития человечества и планеты в целом. Процесс информатизации со становлением динамично изменяющегося общества не прекращается, а развивается далее, все больше ориентируясь на решение социально-экологических проблем. На наш взгляд, приоритетное место, во всяком случае, по сравнению с нынешним этапом, где основное внимание уделяется информатизации социальной (в узком смысле), производственной и управленческой сфер, должна занять широкомасштабная гуманно-целевая информатизация.

А.Ф. Сазонов,
*член Брянского
философского общества*

Вещественное и символическое в техногенной цивилизации

Вслед за ожидаемым *Единым учебником истории*, вероятно, воспоследует и Единый учебник философии со всеми должным образом расставленными в нём точками над «и» и над «е», но пока такого учебника нет, я осмелился бы затронуть здесь некоторые спорные вопросы, которые на самом деле надо не просто затронуть, но исследовать на более серьёзном методологическом уровне и уж во всяком случае не отмахиваться от них как от терминологических несуразиц или ляпов некомпетентного профана.

К примеру, когда уважаемая Е.А. Дергачёва (равно как и другие социотехноприродные исследователи) пишет, что «техногенное общество включает в себя, наряду с остатками естественной биосферной природы, техногенно трансформированные биосферные организмы – биотехнологическую, генетически модифицированную, постбиосферную живую природу» [1], у неискущённого читателя

возникает некоторым образом «детский» вопрос: стало быть, природа (и в частности, живая природа) теперь уже подразделяется на «естественную» и «неестественную» (искусственную) природу?.. Примерно так прежде говорили о естественном и сверхъестественном, нынче явочным порядком в философское рассуждение вторглось некое Третье.

По-моему, здесь кроется определённое недопонимание. Существуют лишь две оппозиционные категории: естественное и искусственное. Просто прежде главной и основной творческой силой Мира считался Господь Бог, а теперь ею же научно считается безличная техносфера, то ли управляемая кем-то, то ли развивающаяся сама по себе, сама из себя. Но что есть Мир? Мир как реальность есть сумма всяких вещей, и эти вещи в аспекте их естественности рассматриваются нами как просто вещи, а в аспекте их искусственности они же рассматриваются уже как некие символы, в которых запечатлены творческие потенции и интенции работающего с миром Творца. Из этого следует, что никакая вещь не может быть названа абсолютно естественной или абсолютно искусственной, но всё зависит только от точки зрения на данную вещь.

В порядке аналогии напомним читателю, что звёзды сгорают, из их остатков образуются новые звёзды и т.д. И та Техносфера, о которой мы сейчас так увлечённо говорим, является по сути новым образом (явлением или, если угодно, пришествием) универсального Бога-Творца, постепенно перегорающего в нашем просвещённом сознании. Эта идея может быть упакована как в эволюционно-материалистическую диалектику естественного и искусственного, так и в идеалистическую – вещи и символа. Согласно первой диалектике, всё естественное на новом мегаэволюционном витке должно стать искусственным, а искусственное – естественным. Согласно второй, в нашем сознании неудержимо переливаются вещи и символы, вещественное и символическое. Иначе говоря, в каждой ве-

щи мы разгадываем её смысл, а посредством смысла учимся управлять вещами. (По-видимому, одна диалектика дополняет другую.)

Единственное, чему мы не можем научиться, – это постичь Творца, то есть ту универсальную символическую вещь, которая всем в Мирах движет. Мы можем представлять её себе в виде сонма богов, единого божества, в образе техносферы, или всюду орудующих инопланетян – как угодно. Человек как субъект познания может изощряться по-всякому: то на манер шамана, то на манер алхимика, то в ультрасовременных академических одеждах, – ему не дано ухватить эту вещь за бороду, за хвост, за жабры. В руках остаётся лишь невесомая чешуя символов, а вещь ускользает.

В общем, говоря о техносфере, было бы полезно отринуть нашу человеческую спесь, нашу гордыню, наш антропоцентризм, – сделать это примерно так же, как в былые времена говорили о Господе Боге. Кстати, *техническое* является этимологически синонимом *искусственного* (др.-греч. τεχνικός от τέχνη – искусство, мастерство, умение). По закону лингвистики, заимствование обретает в языке значение менее широкое, так и здесь: под техникой и техносферой мы разумеем конкретно то, что следует непосредственно за человеком. Причём надо оговориться, что следом не значит ради. Сначала то были каменные скребки для разделки убитых саблезубыми кошками копытных (без них наши предки умерли бы с голоду), теперь вот мы дожили до зависимости от разного рода электронно-вычислительных устройств. Орудия труда служат нам или это мы служим им, являясь невольными средствами их эволюции?.. Нам со школьной скамьи внушали, что человек – существо биосоциальное, этакий «царь природы», у которого в довершение к замечательной биологической природе имеется и ещё более замечательная социальная... Исторический опыт человечества всё более развеивает эту иллюзию: человек не биосоциальное, а техносоциальное

существо, и не «венец эволюции», а переходное звено между миром биологическим и миром техническим.

Пресловутая социальность имеется и у животных. Коренное отличие человека от них – формирование особой потребности в символическом, а не только вещественном. И если эта потребность не прививается человеческому детёнышу на определённой возрастной стадии, если ему не прививается человеческая культура, мы знаем, он остаётся животным. Человек может жить только в специфическом символическом мире, собственным символом которого служит членораздельное слово. И сам человек в значительной степени не вещественное, а символическое существо, для которого очень важна собственная идентичность (кто я такой?). Он ищет смысл жизни (для чего я живу?), его интересуют законы природы (как всё устроено?) и прочее в этом роде. Социальная эволюция человека есть лишь побочный продукт эволюции техносферы.

Уровни организации материи отличаются скоростью обработки информации. Жизнь зародилась с появлением гена, человек возник с изобретением слова, техника возникла с созданием алгоритма. На каждом последующем уровне скорость обработки информации возрастает очень существенно, и это означает новый виток эволюции бытия. Когда алгоритмы начинают порождать себя и эволюционировать сами собой, антропный уровень жизни становится уже навсегда устаревшим, человек оказывается похороненным в воронке символической вечности... Даже если считать, что глобальный технический разум создается не природой вещей, не духом эволюции, а по воле самого человека, это лишь означает, что человек творит себе реального Господа Бога Вседержителя, по образу и подобию своих древних мифов и сказок, с тем чтобы сделаться отныне даже не рабом этого уже «настоящего» Бога, а то ли вошью на его теле, то ли его компьютерным вирусом. В форме такого вируса (цифровой личности) антропность достигает своего символического предела.

Но пока человек не стал ещё ни вошью, ни вирусом (*дигиталом*), он стоит ещё как бы на распутье между вещественным и символическим, между «вещизмом» и «символизмом». Об этой дилемме мы рассуждаем то в этическом плане, то в педагогическом, то в политико-идеологическом, то в религиозно-теологическом, а то и в непосредственно философском...

Для начала надо условиться, что же такое есть вещь и что такое есть символ. На эту тему высказывались многие знаменитые и не очень знаменитые философы. Остановлюсь вкратце.

Гуссерль и Хайдеггер призывали «вернуться к самим вещам». В анализе С.Г. Сычевой [2] выявляются ненаучность и деструктивность понимания «вещи» (феноменологической вещи) этими немецкими антисимволистами. Идея непосредственного схватывания сущностей фактически противоречит физиологии человека. У немцев (также у Шеллинга, Гегеля, Канта, Фихте) наблюдается усиленная мистификация вещи. Вещь оказывается то бесконечно удалённой от человека, то изначально ему присущей, но от этого не менее таинственной. Корни такого отношения следует искать, видимо, в протестантизме.

Русские символисты начала XX в. (Белый, Блок, Вяч. Иванов, Мережковский) резко критиковали тогдашнюю философию, которая-де, «увлекшись анализом гносеологических форм, отказалась от живого сознания, истины, смысла», – отмечает Э.И. Чистякова [3]. Их (символистов) «учение о живом символическом мире противопоставлялось «мёртвой жизни» современной цивилизации». «Символизм ощущал свою эпоху рубежом, где борются конец истории-существования и начало истории-вечности». «Мы должны преодолеть все формы безрелигиозности, – пишет Белый, – но мы должны также преодолеть все формы религиозного, характер преодоления форм религиозной культуры есть религия *sui generis*; религия Символа в этом смысле есть религия конца мира, конца

земли, конца истории...», – цитирует Н.А. Царёва [4]. Возрождение культурной тенденции символизма вкупе с апокалиптизмом сознания Царёва усматривает в современном постмодернизме (Делёз, Деррида и др.), и это замечание видится мне весьма знаменательным: человек – символическое существо, ему никуда не деться от своей символичности, и в ней же его спасение.

К.А. Свасьян, исследуя философские системы Кассирера и Бергсона, приходит к выводу об односторонности каждой из них и находит выход в диалектическом синтезе по типу Гёте [5]. «Символ диалектичен... – указывает Свасьян. – Характерно, что само слово «символ» происходит из греческого глагола «сும்балло», что означает «сталкиваю вместе», «сбрасываю вместе»... символ и есть сталкивание формы и содержания, проплавка их друг в друге и их диалектическое взаимоотрицание и взаимопереход, дающий в итоге высшее единство». «Моделируя мир в символических формах, человек осваивается с ним, осваивает его вплоть до управления явлениями... <В модели> исчезает столь свойственное всякой метафизике различие между внутренним и внешним; выясняется, что внешняя связь есть выражение внутренней, а внутренняя – внешней. Удаление от внешнего сходства приводит таким образом к осмыслению и объяснению самого этого сходства. Мифические фантазмагии осмысливаются в строгом научном знании».

Об опасности спутывания вещественного с символическим в своё время предупреждали Мамардашвили и Пятигорский: «Коль скоро в обыденном мышлении среднего человека культура воспринимается как погода или еда, мы имеем дело с псевдосимволом, который возник как результат интерпретаций мышления, не могущего себя отразить на следующем уровне» [6].

Российский социолог Ю. Левада со своей стороны отмечал: «Общественное мнение непосредственно оперирует не «вещами» и явлениями социальной жизни, а

представляющими их знаками или символами <«знаками знаков»> ... Трудно назвать человеческое действие, которое (помимо утилитарного значения) не имело бы символического значения, не обозначало бы уровень социальных притязаний, не служило бы демонстрацией статуса и пр. ... Символы упрощают реальность, избавляют человека от необходимости самостоятельно в ней разбираться, поэтому служат инструментами «автоматизации» социальных действий» [7]. Символические структуры образуют социальную мифологию, – продолжает Левада, – исследовать которую возможно «только извне, с позиций объективной науки». Мы видим, что в данном контексте *вещи* и *символы* спущены с метафизического пьедестала.

Вещь для меня лично – это то, о чём известно хотя бы что-то. Такой взгляд исходит из самой интуиции русского языка. *Вещий* в старину значило «ведающий», а *вещь* – это непосредственно «ведаемое», «познаваемое». Если сравнить с английским и немецким языками, там «вещь» – это то, о чём думают (thing – to think; Ding – denken). Во французском языке несколько иначе: там «вещь» – это то, что «выбирают» (chose – choisir), но, видимо, опять же, для рассмотрения, думания о ней, её познания.

Данная трактовка вещи объясняет нам, откуда берётся мыслившаяся классическими философами возможность и даже необходимость существования вещей «самих по себе», так как вещь, по собственной её логике, это всегда что-то бывшее прежде познания и независимое от него. К вещи может быть применено членение на «материальное» и «идеальное», однако «материальность» либо «идеальность» какой-либо вещи зависит от точки зрения наблюдателя, тогда как сущность вещи от неё не зависит.

Символ (опять-таки, для меня) представляет собой диаметрально противоположную ситуацию. Символ всегда вторичен по отношению к познанию и фактически является его порождением. Это не сущее само по себе, а назначенное быть, назначенное к бытию, то есть изобретённое,

искусственно созданное, согласно некоей идее, ради воплощения этой идеи, овладевшей каким-то разумом. В этой связи символ требует веры, а знанию покоряется с неохотой.

Обретаемый разумом, символ сам становится вещью. Вещи же могут использоваться или восприниматься как символы в процессе своего осмысления, то есть когда они искусственно ставятся в связь с другими вещами. Таким образом, непреодолимой границы между вещами и символами не существует. Вещественное и символическое диалектически дополняют друг друга. И ни вещь, ни символ невозможны, если отсутствует конкретный познающий разум; они оба привязаны к нему отношениями познания и потому относительны.

Проблема техногенного общества применительно к дихотомии вещественного и символического заключается, на мой взгляд, главным образом в том, сумеет ли глобальное общество в переходный период от Господа Бога к Техноразуму не утратить контакта с вещественностью, ибо только такой контакт позволит человечеству развиваться дальше, не утрачивая себя, пусть и в подчинённом по отношению к техносфере, угнетённом и полупризрачном положении. Инкапсуляция же в символическое, напротив, означает остановку дальнейшего развития человечества, его духовную смерть.

Коль скоро символизация бытия является для человека единственным средством его (бытия) понимания, понимания реальности и вещей, символизация должна оставаться в распоряжении человека, свободная и защищённая социально. Но без обширных научных знаний понимание приводит к насилию над вещами. Вещь, зацикленная на понимании самой себя, — отнюдь не то светлое будущее, которого заслуживает человек. А поэтому на каждом новом витке развития культуры необходимо возвращение человека «к самим вещам», какими бы горькими ни были эти вещи.

Литература

1. Дергачева, Е.А. Философия в глобализующемся техногенном обществе / Е.А. Дергачева // Философия в контексте современных социальных практик: материалы Научных философских чтений: 24 марта 2012 г. - Брянск, 2012. - С. 45.
2. Сычева, С.Г. Мартин Хайдеггер о вещи, символе и мышлении / С.Г. Сычева // Вестник Томского государственного университета. - 2007 - Вып. 297 – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/martin-haydegger-o-veschi-simvole-i-myshlenii>.
3. Чистякова, Э.И. Символизм / Э.И. Чистякова // Русская философия: Словарь. - М.: ТЕРРА - Книжный клуб; Республика, 1999. - С. 440 - 443.
4. Царева, Н.А. Проблема религии в русском символизме и европейском постмодернизме / Н.А. Царева // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - 2011. - № 2. - С.116 - 124.
5. Свасьян, К.А. Проблема символа в современной философии: (Критика и анализ) / К.А. Свасьян. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. - 226 с. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/katr/svas/svas-sym.html>.
6. Мамардашвили, М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. - С. 172.
7. Левада, Ю.А. Сочинения: Избранное: Социологические очерки, 2000-2005 , Ю.А. Левада. - М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. - С. 396 - 422.

Социокультурные основания материально-преобразовательной деятельности

Широкое признание в современном философском сообществе получает идея детерминации ценностной сферой процессов социокультурного генезиса. Использование ценностного подхода в анализе различных общественных явлений демонстрирует возможность раскрытия их внутренней регуляции, латентных изменений, тенденций. Исследование культуры путем анализа ценностей позволяет преодолеть известную релятивность и аксиологический субъективизм, обусловленные множеством подходов к определению содержания понятия «культура», повысить теоретическую и практическую значимость исследования.

Итак, социокультурная регуляция материально-преобразовательной деятельности осуществляется посредством имманентного механизма ценностей, которые приобретают ведущее значение в целостной системе регуляции деятельности. Причем связь деятельности с ценностями такова, что понятие деятельности вообще не может быть определено без ссылки на ценности. Историческая практика свидетельствует о том, что ценностный аспект имеет не только субъект и объект деятельности, но и все субъективно-объективное отношение в целом, а также ее средства и результаты. Природа, которая выступает универсальным объектом материально-преобразовательной деятельности и посредником в отношениях между людьми, есть не просто естественная среда обитания человека, но сфера ценностно-смыслового освоения и духовного творчества.

Ключевую роль в детерминации материально-преобразовательной деятельности как центрального элемента взаимодействия общества и природы играет цен-

ностное освоение и восприятие природы. Ценностное отношение к природе это, по сути, не естественно-биологическое, а естественно-культурное отношение, отражающее естественную укорененность человека в природе, раскрытую культурой. Следовательно, изменение отношения к природе возможно прежде всего средствами самой культуры, а именно креативной деятельностью, сущность которой – в творении и трансляции ценностей.

Можно выделить ряд оснований ценностного отношения к природе, определяющих характер и направленность материально-преобразовательной деятельности:

1) Ценностное восприятие природы в качестве *универсального источника и условия жизни*, основы и условия бытия человека, общества и культуры, основы бесконечного творческого, духовного потенциала человечества.

2) Ценностное восприятие природы как *субъекта ценности*, предполагающее обнаружение в природе равного человеку субъектного начала, что позволяет рассматривать природу как активное, действующее лицо социоприродного развития, воспринимать в качестве «своего» или «своего иного». Обнаружение субъектности природы исключает вертикальное отношение господства, при котором природа является объектом отчужденного управления. История человечества показывает, что люди способны увидеть в природе некую сообразность себе, обнаружить в ней не холодную, протяженную и во многом бессмысленную субстанцию, а одухотворенное, чувствующее начало, определяющее развитие природных явлений и социального мира. Так, например, древние анимистические представления, мистические восточные верования, гилозоизм, ренессансный пантеизм, определяющие природу в качестве субъекта ценностных отношений, способствовали формированию природосообразной культуры.

3) Ценностное восприятие природы как *целостности*, соединяющей все многообразие природных явлений в единую гармоническую систему, предполагающее исключе-

ние ценностной дифференциации вещей и процессов природы, локализации ценностного восприятия ареалом практически освоенного мира.

4) Ценностное восприятие природы как *нравственно-эстетического начала*, объекта-носителя прекрасного. Эстетическое восприятие естества является проводником духовно-ценностного содержания, здесь субъект определяет уровень очеловеченности, одухотворенности природных явлений исходя из их качественной определенности. Эстетическое освоение природы направлено на обретение индивидом гармонии своего внутреннего «Я» с окружающей действительностью, то есть восприятие ее как исконно своей, интимно близкой. Обнаружение единства достигается, в том числе, за счет непосредственного эмоционального восприятия, необходимого при эстетическом освоении природы, которое, в отличие от абстрактно-рационального освоения мира, предполагает единство субъекта и объекта восприятия, а значит, способствует формированию естественных неотчужденных связей с природой, на основе которых возможно ее ценностное восприятие. Эстетическое восприятие природы есть и неутилитарное, в известном смысле незаинтересованное отношение к ней, что предполагает освобождение человека от непосредственного влияния вещей, обстоятельств и социально-экономических условностей. Эстетическое освоение природы порождает стремление сохранить ее как гармоничное целое, требует ответственной материальной практики, а значит, формирует нравственную сторону материальной практики. Целенаправленное, творческое соприкосновение человека с прекрасным способствует более глубокому восприятию таких нравственных идеалов, как благо, равенство, чистота.

Следует заметить, что рассмотрение отношений человека к природе изолировано от отношений между людьми является абстрактным, метафизическим. Практически преобразуя природу, человек выступает не просто самодо-

статочным индивидом, а социальным существом, встроенным в систему общественных связей и отношений. Здесь также необходимо отметить, что ценности культуры возникают и развиваются на межсубъективном уровне. В отношениях между людьми природа выступает не только как внешняя среда, но и как универсальный объект-посредник этих отношений. В данном случае речь идет не только о внешней природе, но и о естественной биопсихической природе человека. Следовательно, *отношения в системе «общество-природа» в ценностном смысле можно представить как отношения человека к человеку и к обществу.*

Ценностное восприятие субъекта ценностных отношений способно преопределять ценностное восприятие природы и характер материально-преобразовательной деятельности. В обществах, где существует жесткий социальный режим подавления немногочисленной элитой бесправного большинства, растет не только отчужденность человека от человека и общества, но и человека от природы. Ценностная иерархия мира социального распространялась и на мир космический. Под отчуждением в данном контексте понимается не его социально-экономическая форма, а превращение каких-либо явлений и отношений в нечто иное, чем они являются сами по себе, искажение и извращение в сознании людей их реальных жизненных отношений. Сущность отчуждения проявляется в разрыве ценностных отношений между людьми, при котором индивид перестает участвовать в сотворчестве ценностей. Вследствие отчуждения (имеющего разнообразную природу) доминирующую роль в детерминации деятельности начинает играть субъект-объектное отношение, в котором индивидуальная оценка, обусловленная актуальными потребностями индивида, становится основанием его активности, что, в конечном счете, обуславливает потребительское отношение к природе. То есть негативация ценности природы обусловлена прекращением ценностных отношений между людьми, когда человек отстра-

нен от культурного процесса, процесса формирования ценностей. Необходимо признать существование в обществе различных форм отчуждения, их глобальный, универсально-исторический характер, ликвидация одних форм отчуждения может создавать другие формы. Ценностная иерархия Космоса и социальная иерархия совпадают в том смысле, что развивающиеся формы отчуждения между людьми переносятся на природный мир. Взаимосвязь всех форм отчуждения приводит к тому, что рост социального и индивидуального отчуждения в обществе провоцирует рост отчуждения от природы.

Можно обнаружить ряд препятствий ценностному восприятию человека, обусловленных не только существующим в любом обществе отчуждением, но и крайне противоречивым взаимодействием природного, социального и духовного в человеке. Ценностное восприятие человека предполагает понимание личности как цели деятельности, одновременно позитивное отношение к конкретно-историческому человеку и всему человечеству, толерантное отношение к человеческой индивидуальности и проявлениям его противоречивой природы.

Поэтому необходимыми составляющими ценностного восприятия природы являются: 1) ценностное восприятие человечества как субъекта ценности, предполагающее ценностное отношение к историческому опыту, продуктам социокультурного развития; 2) ценностное восприятие конкретно-исторического человека как субъекта ценности, непосредственного субъекта материально-преобразовательной деятельности; 3) ценностное восприятие человека как гармонической целостности, учитывающее многомерность человеческой природы, единство социально-духовных и биофизических качеств человека; 4) ценностное восприятие деятельности, связанной с непосредственным преобразованием природы, что предполагает ценностное отношение к физическому труду.

Важнейшими тенденциями развития социокультур-

ных оснований взаимодействия общества и природы являются: снижение значимости первой природы (в том числе телесной природы человека); она перестает быть полноправным субъектом ценностных отношений, превращаясь в чужеродное или даже враждебное для человека начало); ценностная негативация физического труда, подкрепленная усилением социального отчуждения людей, занятых материальным преобразованием; усиление значимости измененной человеком природы, которая постепенно становится критерием отношения к первой природе.

А.В. Спасенников,
д. п. н., профессор БГТУ

Этнополитические конфликты: природа, причины и способы урегулирования

Представители разных отраслей научного знания (философы, социологи, психологи, политологи, экономисты и др.) создали несколько теорий, объясняющих причины возникновения этнополитических конфликтов и их динамику. Однако системного подхода пока не создано. Вместе с тем достаточно определенно выявились два междисциплинарных подхода к анализу этнополитических столкновений.

Первый – социолого-психологический. В рамках данного подхода причины конфликтов объясняются при опоре на анализ этнических параметров основных социальных слоев, групп, группировок, а также выявляются взаимосвязи и взаимовлияния социальной стратификации общества и разделения труда с этническими характеристиками региона, переживающего этнополитическую напряженность [1].

Второй – политико-психологический. Опираясь на такой подход, ученые первоочередное внимание уделяют трактовке роли национальных элит (прежде всего интел-

лектуальных и политических) в мобилизации чувств в процессе межэтнической напряженности и ее эскалации до уровня открытого конфликта. В качестве ключевого исследуется вопрос о власти, доступе к ресурсам [2].

В исследованиях Дейнека О.С., Дилигенского Г.Г., Спасенникова В.В. и др. показано, что при всей важности вопроса о политических и национальных элитах ограничение анализа причин этнополитического конфликта сферой элит не дает возможности объяснить в полной мере сам феномен массовой мобилизации и интенсивности эмоций его участников.

В работах Стефаненко Т.Г. высказана мысль о том, что социально-психологические механизмы этнополитических конфликтов играют более важную роль, чем это представлялось в рамках традиционных политологических интерпретаций. Именно через призму геополитического с учетом социально-психологических факторов можно адекватно проанализировать изначальную силу стремления этнической группы к автономии, составить представление о ее конфликтогенном потенциале и готовности перейти к самым жестоким методам насилия ради достижения этой цели [3].

Выбор в пользу геополитического и экономико-психологического подхода к анализу причин возникновения этнополитических конфликтов позволяет предложить соответствующую их классификацию. Основополагающими являются причины общецивилизационного характера, порождаемые объективным развитием человечества. Как показано Т.С. Стефаненко [6], неравномерное протекание модернизации (общественной структуры, экономики, национально-государственного устройства и др.) в этнонациональных ареалах порождает конфликты между экономико-психологическими притязаниями этнических групп, с одной стороны, и реальными возможностями властных структур государства гарантировать обеспечение прав своих граждан – с другой. До сих пор ощущают последствия

подобных модернизаций в Бельгии, Шотландии, Италии, Словении, Украине и ряде других стран. Последние события в России также прошли под знаком модернизации, вызвавшей на разных этапах этнополитические конфликты. Национальные конфликты после распада СССР стали приметой нового третьего тысячелетия [4].

Целый ряд причин, порождающих этнополитические конфликты, коренится в истории этносов и их всестороннем взаимодействии, сформировавшемся национальном складе ума, национальном сознании, психологии, традициях, идеологических стереотипах, переходящих из поколения в поколение. Важное место занимает национализм. В первую очередь с ним социологическая наука связывает молниеносное разрушение социалистической системы в Восточной Европе и СССР.

Как пишет Волков Ю.Г., национализм – специфическая форма национального самосознания, основанная на гипертрофии национального чувства, идее превосходства собственной нации и пренебрежении к другим [1,с.231].

В работах по исторической психологии, геополитике и безопасности социума показано, что причиной этнополитических конфликтов становится воинствующий национализм. Национализм выражает тенденцию к суверенизации больших и малых этнолингвистических общностей с целью создания независимой государственности, проявляется в растущей нетерпимости по отношению к национальным меньшинствам, усилении ксенофобии, жертвами которой становятся прежде всего беженцы, в нарастающем сопротивлении процессам интернационализации отношений между народами, в том числе региональной экономической и политической интеграции [5].

Анализ показывает, что этнополитические конфликты имеют некоторые общие контуры своего развития, характеризующиеся порядком выдвигаемых требований. В подавляющем большинстве случаев конфликты начинались с постановки и обсуждения проблемы национального

языка. Именно эта сфера противостояния ранее всего переходила из скрытой формы в открытую. Она имела и имеет огромное мобилизующее значение, так как апеллирует ко всем людям данной национальной группы. Затем требования, как правило, переходят в политическую плоскость, перерастая в статусные притязания. И наконец борьба выливается в территориальные претензии, которые представляют собой конфликты по поводу ресурсов соответствующей группы. Именно на этой фазе происходит оживление архаических представлений об «исторической» оправданности выдвигаемых притязаний и повышение требований.

Одним из важнейших способов урегулирования современных этнопсихологических и этнополитических конфликтов является, возрождение исторического самосознания народа и психологический отпор агрессивной враждебной пропаганде. На примере воссоединения России и Крыма можно увидеть, как психологическая контрпропаганда фашистских настроений способствует переориентации человеческой агрессии, установлению доброжелательных отношений между регионами, объединению людей вокруг общечеловеческих ценностей цивилизационного развития.

Литература

1. Волков, Ю.Г. Социология: Элементарный курс : Учебное пособие. Ю.Г. Волков. – М.: Гардарики, 2001. - 244с.
2. Дейнека, О.С. Экономическая психология: Социально-политические проблемы / О.С. Дейнека. – СПб. : «Питер», 2009.-105с.
3. Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психологи / Г.Г. Дилигенский. – М.: PerSe, 2006. - 232с.
4. Спасенников, В.В. Экономическая психология / В.В. Спасенников. – М.: PerSe, 2012. - 448с.

5. Спасенников, В.В. Власть и национальная доктрина. Диалог философа и богослова о геополитике и безопасности социума / В.В. Спасенников // Мост. - 2002. - №50. - С. 30 - 34.
6. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект – Пресс, 2008. – 368 с.

В.Д. Емельяненко,
к.ф.н., доцент БГУ
им. акад. И.Г. Петровского

Интернет и мировоззренческие основания общения

Общение – фундаментальная потребность человека. Оно необходимо людям для обмена информацией, чувствами и переживаниями. Интернет вносит кардинальные изменения в характер общения. Но положительные или отрицательные? Прав ли был А. Эйнштейн, когда писал: «Я боюсь, что обязательно наступит день, когда технологии превзойдут простое человеческое общение, и мир получит поколение идиотов»? [5] На заре Интернета полагали, что он поможет существенно облегчить общение. Так, М. Маклюэн считал, что развитие всемирной коммуникации вовлекает людей в дела друг друга, как будто в свои собственные [4, р.6.]. Общаясь с помощью электронных средств, они рассуждают и действуют так, как будто находятся совсем рядом, живут в «одной деревне» [4, р.6.]. Однако сейчас очевидно, что пользователи Интернета, как правило, не рассматривают чужие дела как собственные и в большинстве случаев вовсе не принимают их «близко к сердцу».

Выводы о воздействии информационных технологий на общение людей не должны быть абстрактными, необходимо учитывать характеристики и особенности конкретного человека. Одни люди с успехом общаются в Интернете, другие пользователи бездумно тратят там время. На наш взгляд, результат влияния Интернета на общение зависит от развития личности человека, что, в свою очередь, определяется мировоззренческими основаниями. Мировоззрение – это более или менее целостная система наиболее существенных знаний и идеалов, убеждений и

принципов человека, определяющих его отношение к миру и самому себе и дающих ответы на самые важные жизненные вопросы. Оно позволяет человеку оценивать себя в потоке времени, связывает его прошлое, настоящее и будущее. Мировоззрение содержит деятельностный, объяснительный и ценностный аспекты, является ядром духовного мира, определяет бытие человека как социального и духовного субъекта, противостоящего миру. Ценностный аспект мировоззрения представляет систему убеждений, идеалов и принципов человека, определяющих для него ответы на вопросы следующего порядка: «Что для меня самое важное в жизни?», «На что я могу надеяться?». Коммуникативный аспект мировоззрения определяет направленность общения человека с другими людьми, его характер и общие принципы. Например, он может быть ориентирован на реальное общение или «коммуникацию» с виртуальными персонажами, стремиться к расширению или же ограничению своих контактов, общаться преимущественно с прагматическими целями или же для духовного развития.

При реальном межличностном общении люди видят и слышат друг друга непосредственно. В Интернете же общение осуществляется обычно через экран компьютера или с помощью других технических устройств. Опосредованность серьезно влияет на взаимодействие людей. Прежде всего она определяет анонимность общения в Интернете. Образ (профиль) человека, который вступает в общение в социальных сетях, создается именно таким, каким его хочет видеть сам человек. Во многих социальных сетях на странице пользователя помещается фото (или картинка – «аватар»), которое не обязательно является портретом. Информация, сообщающая о его личных качествах, при этом обычно сильно искажается. Можно создать более привлекательный образ собственного «Я», чем он есть на самом деле, не неся за это никакой ответственности. Анонимность позволяет более откровенно выразить свое мне-

ние, не опасаясь осуждения со стороны окружающих. Однако это может также порождать вседозволенность и безнаказанность, провоцировать людей на грубость и агрессию. Анонимность и условность в Интернете «располагает к проявлениям игровых моментов в коммуникации, одновременно размывая границы идентичности и жестко ограничивая нас в возможности верификации получаемых о собеседнике сведений» [2, с.41]. По мнению Е. А. Овчинниковой и А. С. Сергеева, при виртуальном общении анонимность и игровой компонент ведут к бездействию морального регулятора поведения, поскольку происходит «сознательное разграничение для себя участниками коммуникативного процесса реальной жизни, где этот механизм инициируется, и онлайн-среды как игровой зоны, где он «выключается» [2, с.42]. Таким образом, длительное пребывание человека в Интернете способствует привыканию его к ситуации, по крайней мере, частичного «отключения» или снижения степени моральной регуляции. При этом заметим, что указанное «сознательное разграничение» комфортнее для менее развитого человека, предпочитающего уходить в виртуальную реальность от ответственности за свои поступки в объективном мире. Иными словами, подобное «сознательное разграничение» зависит от степени и характера развития личности человека, определяемого его мировоззрением.

В силу опосредованного (а потому недостаточно прочного) характера отношений людей в Интернете, на наш взгляд, могут расшатываться и другие моральные принципы – ответственности и долга, чести и совести, добра и справедливости. Общение в Интернете можно прервать без всяких последствий, легче нарушать моральные нормы, ведь клавиши от стыда не краснеют. Проще отбросить моральные обязательства, не чувствуя ни стыда, ни угрызений совести. В реальном мире человеку труднее сделать зло людям, ведь с ними надо непосредственно общаться, видеть результат своего дурного поведения. В вир-

туальном мире это не обязательно, можно просто убрать человека из «друзей». По сути дела, собеседник - это не живой человек с его достоинствами и недостатками, а некая функция. Таким образом, из-за падения роли прямого межличностного общения людей может страдать мораль, ведь именно при таком общении под воздействием воспитания и общественного мнения складываются их моральные и мировоззренческие принципы.

Общение людей в Интернете слишком поверхностно. Г. Смолл отмечает, что при общении онлайн «есть риск забыть, что значит дружба в реальном мире. Дружеские отношения вытесняются суррогатом» [3, с.185]. «Друзья» на страничке в нашей социальной сети – это вовсе не друзья в том смысле, в каком они понимались веками. При этом социальные сети учат тому, что любовь можно только заслужить. Здесь нельзя поставить человеку «like» (одобрение) просто за то, что он есть. Для этого нужно обязательно что-нибудь сделать (сообщить новость, показать фотографии). Это говорит о том, что пользователь живой и с ним можно взаимодействовать. Для привлечения внимания часто используется слишком личная информация. Условным и символичным становится выражение эмоций, в общении появляется некая «раскованность», потому что респондента заменяет экран монитора. Характер контактов в социальных сетях такой, что пользователи обычно вынуждены формулировать свои мысли кратко, не обращая внимания на орфографию, и это также может способствовать упрощению общения, что в условиях недостаточной развитости мировоззрения ведет к возрастанию непонимания людьми друг друга.

Не стоит преувеличивать влияние всемирной Сети на общение, поскольку она – лишь средство, созданное людьми. М. Кастельс отмечал, что средства «хороши или плохи в зависимости от нашего их использования. Они суть продолжение нас самих» [1, с.217]. Результат воздействия Интернета на человека зависит от степени развития

его духовного мира, гармоничности личности, а также от характера тех социальных связей, в которые он включен. Живое человеческое общение не может заменить никакая технология. Характер использования индивидом тех или иных средств определяет он сам как субъект деятельности. От особенностей духовного мира человека, прежде всего его убеждений, идеалов и принципов зависит, полезным или вредным будет для него интернет-общение, станет ли он благодаря современным информационным средствам счастливее или несчастнее. Интернет вполне безопасен для общения людей, развитых в личностном отношении, способных убедительно и системно давать ответы на важные жизненные вопросы, уже имеющих нравственно-мировоззренческие ценности, заложенные в детстве в процессе воспитания и непосредственного общения родителями и школой в более или менее нормальных социальных условиях. Чем больше возможностей общения, предоставляемых человеку Интернетом, тем сильнее необходимость в наличии у него развитого духовного мира как условия его правильной самореализации в процессе взаимодействия с другими людьми. Усложнение информационной среды, в которой пребывает индивид, обуславливает необходимость соответствующего развития прежде всего мировоззрения, отвечающего за целостность его личности, выступающего условием общения, дающего ему возможность проявить себя в качестве разумного, свободного и ответственного человека.

Литература

1. Кастельс, М. Галактика Интернет / М. Кастельс. - М., 2003. - 328с.
2. Овчинникова, Е. А. Этические проблемы информационного пространства / Е. А. Овчинникова, А. С. Сергеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Поли-

- тология. Право. Международные отношения. - 2011. - № 2. - С. 38 – 43.
3. Смолл, Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета / Г. Смолл, Г. Ворган. - М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2011. – 352 с.
 4. McLuhan M. Understanding Media. - Gingko Press, 2003. - 322p.
 5. <http://www.meta.kz/interesnie-fakti/789805-ya-boyus-chto-obyazatelno-nastupit-den-kogda-tehnologii-...html>(дата обращения 7.02.2014).

А.С. Кейзик,
студентка БГУ им. акад. И.Г. Петровского

Социология образования в условиях Глобализации

В настоящее время в России идет становление новой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Этот процесс сопровождается существенными изменениями в педагогической теории и практике учебно-воспитательного процесса. Происходит смена образовательной парадигмы: предлагаются новое содержание и новые подходы к образованию. Содержание образования дополняется современными процессуальными умениями, направленными на развитие способностей оперирования информацией. Традиционные способы ретрансляции знаний – устная и письменная речь – уступают место компьютерным средствам обучения, использованию телекоммуникационных сетей глобального масштаба. Особая роль отводится духовному воспитанию личности, становлению нравственного облика человека XXI века [2].

Одним из социальных институтов, которые активно включаются в процессы глобализации, становится высшее образование. Особенности развития межкультурной ком-

муникации предполагают определенную унификацию требований к качеству образования, образовательных программ, научных исследований, что в большой степени оказывает влияние не только на российскую систему высшего образования в целом, но и на отдельные университеты [1].

Основные тенденции влияния глобализации на высшее образование:

- создание единого образовательного пространства;
- увеличение интернациональных потоков студентов, преподавателей, учебных курсов;
- проникновение в социокультурный институт экономических ценностей, связанных с формированием глобального рынка образовательных услуг;
- создание единых критериев оценки качества образования;
- изменение организационной культуры университета, интеграции традиционных исследовательских и инновационных предпринимательских функций;
- изменение концепции знания в целом (если прежде «знание и наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались в основном как абсолютная ценность, то отныне возобладало понятие «полезного знания», то есть знания, ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду);
- возникновение разнообразных виртуальных форм знания и образования, противостоящих фундаментальности в традиционном смысле этого слова (доминирование практических навыков и технологий);
- высшее образование становится предпринимательством со всеми вытекающими последствиями. Все звенья университетской структуры самоопределяются по признакам конкурентоспособности и доходности. Факультеты, лаборатории, научные центры рассматриваются теперь под углом зрения того, сколько «доходоприносящих»

студентов они смогли привлечь, какое количество грантов и дотаций они «внесли в общую копилку»;

➤ традиционные и строгие форматы преподавания (лекция, семинар, дипломная работа, получение степени и пр.) трансформируются в широкие и, как их характеризует современная социология, «перетекающие формы». Качество образовательных услуг поддерживается за счет динамичности учебного процесса и наличия многообразных форматов получения знания;

➤ улучшение материально-технического оснащения и инфраструктуры университета. Компьютеризация достигла весьма впечатляющих масштабов;

➤ на смену поточным лекциям приходят дискуссии со студентами, семинары для публики и местного сообщества, консультации фирмам и общественным организациям и многое другое [3].

В рамках заданной темы мы используем вторичные данные социологического исследования, проведенного Российским государственным социальным университетом. Выборку составили студенты 3-5 курсов и преподаватели 22 вузов России. Общее число респондентов – 6900 студентов, 100 преподавателей.

Одним из необходимых условий глобализации является отсутствие языковых барьеров в образовательном пространстве. Результаты социологического опроса (табл. 1) свидетельствуют, что из 6900 опрошенных студентов только 20% хорошо знают английский язык; показатели по другим иностранным языкам еще хуже. В положениях Болонской декларации закреплено обязательное требование знания студентами и преподавателями иностранного языка как родного. Отсюда следует, что российской системе образования предстоит пересмотреть содержание и сроки программ обучения иностранному языку всех образовательных ступеней для повышения уровня преподавания.

Таблица 1.

Ответы студентов на вопрос: «Знаете ли Вы иностранные языки?», % к числу опрошенных

Варианты	Английский язык	Немецкий язык	Французский язык	Испанский язык
Не знаю	24	76	91	97
Немного знаю	56	19	8	2
Хорошо знаю	20	5	1	1

Исследование, проведенное в среде московских студентов и преподавателей, подтвердило актуальность проблемы информатизации и внедрения дистанционных технологий обучения, которые лежат в основе открытого образования». Для определения предпочтительной формы организации учебного процесса преподавателям и студентам был предложен соответствующий вопрос (табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «Какая форма организации учебного процесса Вас устраивает больше?», % к числу опрошенных

Ответы	Студенты	Преподаватели
Традиционная система («жесткое» расписание лекций, лабораторных и практических занятий и т.д.)	38	5
Более свободная и самостоятельная (брошюра или файл с конспектом лекций, контрольными заданиями, списком экзаменационных вопросов в начале семестра, далее – встречи с преподавателями по мере необходимости для консультаций, по расписанию – только лабораторные работы)	42	70
Дистанционная (по сети Интернет передаются все учебные материалы, осуществляются консультации преподавателей, встречи с преподавателями происходят только на экзамене)	20	25

Ответы на него показали, что 5% опрошенных преподавателей оказались приверженцами традиционной си-

стемы обучения с жестким расписанием занятий; 70% высказались за более свободную форму; 25% оказались сторонниками дистанционного интернет-обучения. Данные опроса свидетельствуют, что популярность дистанционных технологий обучения среди студентов год от года возрастает, в то время как традиционная, жестко нормированная форма обучения постепенно теряет своих приверженцев.

На сегодняшний день глобальное образование является одним из наиболее перспективных направлений развития педагогической теории и практики, позволяющих осуществить подготовку учащихся к адаптации в сложном, постоянно меняющемся современном мире с его многочисленными политическими, экономическими, экологическими, социальными и другими проблемами [4].

Литература

1. Гостенина В. И. Коммуникационные основы дискурса: технология влияния на позиционирование субъекта электорального процесса / В. И. Гостенина, А. С. Кейзык, С. А. Шилина // Журналістська освіта на Сумщині набутки й проблеми: матеріали Восьмої всеукр. наук.-практ. конф. (Суми, 5 - 6 червня 2012 р.) / уклад.: В. О. Садівничий, О. Г. Ткаченко. - Суми: Сумський державний університет, 2012. - 132 с.

2. Кейзык, А. С. Интеграция бизнеса, науки и образования в формировании информационного общества / А.С. Кейзык // Формирование информационного общества как фактор инновационного развития экономики РФ: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Брянск: «Курсив», 2012. – 336 с.

3. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. - М.: Ин-т социологии РАН, 2010. - 22 п. л.

4. Шереги, Ф.Э. Образование как фактор формирования интеллектуального потенциала России / Ф.Э. Шереги, В.И. Савинков. – М.: ЦСПиМ, 2011. – 288 с.

О.С. Кузнецова,
к.ф.н., РУДН
г. Москва

«Вовлечение» как ответ личности на всеобщий кризис современной цивилизации

Последние несколько лет мы постоянно возвращаемся к вопросу о роли личности в развитии современной техногенной цивилизации. Для человека это означает ответить на следующие вопросы: какое место занимает личность в процессе развития современного общества? Каковы её ценности и роль? Проблема самой личности стала более актуальной, чем когда-либо. Создаётся впечатление, что человек теряет ключи к своему собственному универсуму. Он больше не контролирует своё окружение, «пассивно подчиняясь политическим идеологиям, социальному и культурному окружению, бессознательно боясь встречи с самим собой, и в то же время, рассматривая себя как самодостаточное бытие» [1. Р.163].

Нам кажется, что в такой ситуации «вовлечение» (engagement), о котором говорят философы-персоналисты (журнал «Эспри»), могло бы стать одним из способов спасения личности и её ценностей в условиях всеобщего кризиса цивилизации.

Согласно философам-персоналистам, единственный способ решить эту проблему – пересмотреть ценность современного человека и возродить конкретного «живого» человека, который смотрит на этот мир широко раскрытыми глазами и способен выйти из своего эгоцентричного «Я». Это человек с открытым взглядом на самого себя, без глубокой внутренней раздвоенности, способный противо-

стоять опасностям современного мира. Сила «живого» человека заключается в реализации ценностей: «Восток дал нам веру, Запад – структуры жизни. Нам же осталось только совместить эти ценности», – заявляют философы-персоналисты [3. С. 35].

Такое преобразование человека возможно через вовлечение (engagement). Почему необходимо вовлечение? Ответ персоналистов радикален: вовлечение реализует человеческую историчность. Иначе говоря, вовлечение – это осознание личностью своей ответственности за «установившийся беспорядок» и за формирование нового будущего человечества. Такая ответственность необходима современному человеку, потому что гуманизация современного мира может осуществиться только благодаря личностным актам каждого из нас. Именно поэтому сегодня мир нуждается в активной личности, способной дать ответ на историческую ситуацию. «Действуй, сражайся, не ищи укрытия в бездействии [...]. Соверши предписанный акт», – вот к чему призывают нас персоналисты [2. Р.100].

Понятие «вовлечение» позволяет связать между собой размышления: о поиске истинной жизни и о нашем отношении ко времени. Именно потому, что мы активно включены во временной поток, в противоречия той эпохи, которой мы принадлежим, по наблюдению персоналистов, стремимся отыскать в воздержании, уединении, в безразличии возможность счастливой жизни. Подобная иллюзия «счастливой жизни» не выдерживает критики по нескольким причинам. Во-первых, с позиции ограниченности (конечности) нашего существования: мы живем в длительности. Именно поэтому мы всегда находимся в «ситуации». Согласно П.-Л. Ландсбергу (один из представителей французского персонализма), как существующий исторически субъект я нахожусь всегда в определённой ситуации и стараюсь проникнуться этой ситуацией, чтобы осознать её и преобразовать в будущее. Решающим является следующий вопрос: должен ли я рассматривать себя как безличностно-

го созерцателя фактов, которые не имеют ценностный характер, или же я – свободно мыслящий субъект, который даёт ценностям толчок? Ответ на этот вопрос зависит от структуры «ситуации» и от того, что мы собственно хотим в этой «ситуации» познать. Ситуация имеет ценностный характер, поскольку она не познаваема без их восприятия. Ценности не являются фактами, которые мы могли бы констатировать, как и все другие факты, так же как и сама ситуация не есть подобный факт [См. подробнее 2. Р.35-55].

Во-вторых, о несостоятельности иллюзии «счастливой жизни» свидетельствуют размышления о свободе. Мы не свободны создать произвольный идеал из глубины нашей индивидуальности и отказаться во имя этого совершенства от всякой идентификации и любой исторической активности.

Итак, вовлечение – это личностный акт. Он порождает личность, способную взять на себя ответственность. Сама личность есть акт, либо её просто не существует. Иначе говоря, вовлечение есть сущностное требование жизни личности. Именно поэтому, выступая как требование самой жизни, оно способно возродить истинные ценности не только человека, но и современного общества.

Литература

1. Мунье, Э. Персонализм / Э. Мунье. - М.: Искусство, 1992.
2. Landsberg, P.-L. Le sens de l'action / P.-L. Landsberg // Problème du personnalisme. - P.: Seuil, 1952.
3. Mounier, E. Manifeste au service du personnalisme, Œuvre, I / E.Mounier -P.: Seuil, 1936.

Е.А. Ларичева,
к.э.н., доцент БГТУ

Роль технического образования в развитии инновационного потенциала страны

По сведениям Росстата, выпуск специалистов и бакалавров с высшим профессиональным образованием государственными и муниципальными образовательными учреждениями по техническим специальностям за 2005-2012 годы возрос всего на 1,03% с 146,3 до 147,8 тыс. чел [5]. Однако в структуре выпуска специалистов и бакалавров его доля сократилась с 15 до 13,1%, что свидетельствует о падении интереса абитуриентов и уменьшении социального заказа на технический блок подготовки. Но при общей ориентации государства на интенсификацию научно-технического развития и потребность в повышении инновационного потенциала именно специалисты с техническим образованием способны обеспечить требуемый уровень научно-технических разработок.

Число специалистов высшего уровня квалификации в области естественных и технических наук за 2005-2012 годы возросло на 13,4%, а численность исследователей в области технических наук – всего 5,9%.

Причин, почему молодёжь не идёт в науку много. Сюда следует отнести низкий уровень доходов учёных, невысокий престиж людей науки, отсутствие интересных задач, недостаточная профессиональная ориентация в школах и вузах и др. По данным ВЦИОМ, 54% молодых людей уверены, что роль высшего образования переоценена. В рейтинге по уровню образования населения Россия занимает лишь 49 место [4].

Такое отношение негативно сказывается на состоянии инновационной деятельности страны. С 2000 г. по 2012 г. число организаций, выполнявших исследования и разработки, неуклонно сокращалось со среднегодовым

темпом снижения 1,2%. При этом численность персонала, занятого исследованиями и разработками, снижалась ежегодно на 1,7% (на 533 организации за весь период).

Тем не менее выпуск из аспирантуры за 2000-2012 гг. возрос в целом на 10334 чел. с ежегодным темпом прироста 2,9%, а выпуск с защитой диссертации – на 1692 чел всего или на 1,7% ежегодно. По нашему мнению, свою роль здесь сыграло повышенное внимание государства к вопросам развития науки и промышленности, истории успеха высокотехнологичных компаний и желание молодёжи реализовать себя. Число организаций, ведущих подготовку докторантов, ежегодно возрастало на 1,6% (на 105 организаций за весь период), а выпуск из докторантуры – всего на 0,8% (на 120 организаций за весь период). При этом произошло заметное снижение выпуска из докторантуры с защитой диссертации – всего на 92 чел. или 1,7% ежегодно.

Расходы федерального бюджета на финансирование науки ежегодно возрастали на 28,6% и составили в 2012 г. 355920,1 млн. руб. Постепенно увеличивается и результативность инновационной деятельности. Число выданных патентов ежегодно росло (на изобретения со среднегодовым темпом прироста – 5,4%, на полезные модели – 9,1%; на промышленные образцы – 6,3%).

Таким образом, в целом можно судить об активизации инновационной деятельности в Российской Федерации.

Глобализационные процессы в мире вынуждают Россию всё больше интегрироваться в мировое сообщество. Не секрет, что по числу внедряемых передовых технологий в повседневную жизнь граждан наша страна заметно отстаёт от ряда технически развитых стран. На сегодняшний день с точки зрения интенсивности инновационного прорыва мировое сообщество поделено на 5 групп [2]:

1. Технологическое ядро: США, Япония, Германия, Англия, Франция.

2. Страны 1-го технологического круга: Италия, Канада, Швеция, Голландия, Австралия, Южная Корея и др.

3. Страны 2-го технологического круга: наиболее продвинувшиеся развивающиеся страны - Китай, Индия, постсоциалистические страны Восточной Европы.

4. Страны СНГ и ближнего зарубежья.

5. Наименее развитые из развивающихся стран.

В 2012 году был опубликован глобальный инновационный индекс – обобщённый показатель для измерения уровня инноваций в стране. Последний раз показатель публиковался в 2012 году. России в данном индексе отводилось 41 место. Глобальный индекс инновационной эффективности дополняет общий Глобальный индекс инноваций и показывает, какие страны лучше других воплощают инновационные идеи в практические результаты. Из 141 страны России в нём отведено 51 место. По уровню расходов на НИОКР Россия занимает 31 место в рейтинге [1, 4].

Рассмотрим корреляцию между значением индекса инновационной эффективности и расходами на НИОКР (рис. 1). Коэффициент корреляции значим и равен 0,815, что свидетельствует о наличии сильной связи между показателями. Это указывает на необходимость увеличения финансирования научных исследований. Если сравнить индексы инновационной эффективности и уровня образования (рис. 2), то коэффициент корреляции между ними будет несколько ниже – 0,67.

Россия активно участвует в мировом технологическом обмене. Так, в 2012 г. с зарубежными странами было заключено 1810 соглашений на экспорт технологий при стоимости предмета соглашения 4503,6 млн. долл. США. Соглашений на импорт было заключено в 1,3 раза больше – 2330 при стоимости предмета соглашения 5015,1 млн. долл. США, то есть Россия активной потребляет чужие

технологии, чем реализует свои. Наиболее задействован в обмене технологиями предпринимательский сектор. По числу соглашений на его долю в экспорте приходится 73,2%, а в импорте – 97,4%. Возможно предположить, что российским предпринимателям не хватает отечественных инновационных технологий, либо они для них недоступны по ряду причин (стоимость, технические особенности и т.д.).

По стоимости экспортных соглашений лидирует отрасль строительства (57,9%), операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (36,6%). На долю обрабатывающих производств в общей стоимости соглашений приходится всего 3,7%. По стоимости импортных соглашений обрабатывающие производства как раз на первом месте (66,5%). На втором – добыча полезных ископаемых (10,5%). Эти отрасли остро нуждаются в инновациях отечественного производства.

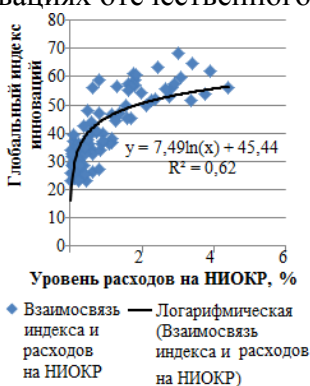

Рис. 1. Диаграмма рассеивания значений индекса инновационной эффективности и расходов на НИОКР

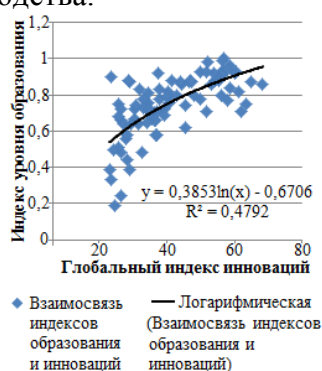

Рис. 2. Диаграмма рассеивания значений индексов инновационной эффективности и уровня образования

По результатам анализа можно сделать вывод о том, что, несмотря на общее развитие инновационной деятельности, инновации, направленные на производственный сектор, невелики. Для снижения импорта технологий в требующие повышения конкурентоспособности обрабаты-

вающие производства необходимы государственная поддержка инновационного сектора в целом и увеличение внимания к научному развитию проблемных отраслей через финансирование профильных институтов и подготовку научных кадров по данным направлениям.

Литература

1. Исследование INSEAD: Глобальный индекс инноваций 2012 года. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2012/07/06/4531>.

2. Кравченко, Д. В. Влияние глобализации мировой экономики на инновационное развитие России: дис. канд. экон. наук: 08.00.14, 08.00.05 / Кравченко Дмитрий Витальевич; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т].- Краснодар, 2008.- 171 с.

3. Рейтинг стран мира по уровню образования. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>

4. Рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР - информация об исследовании. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure/info>.

5. Сайт Росстата. – Режим доступа: www.gks.ru.

Теоретические традиции и течения в социологии образования

Существование в социологии образования ряда научных течений объясняется многообразием парадигм в самой социологии, а также её методологической зависимостью от других дисциплин на ранней стадии.

Важным основанием различий между отдельными направлениями в социологии образования служит нацеленность на проблемы макроуровня и микроуровня процессов и проблем образования. Так, по этому основанию в зарубежной литературе обычно всю массу течений объединяют в две группы – структурные теории и теории взаимодействия.

Другим основанием является глубинное размежевание функционализма и теорий конфликта, вылившееся в масштабные социально-идеологические и политические разногласия исследователей образования.

Разнообразие социологических исследований образования приводило к определенным позитивным результатам в области теории и социальной практики. К их числу относятся следующие теоретические и практические положения:

1. Перенос теоретических акцентов с категорий «обучение» и «учение» на концепцию «развития личности» благодаря тому, что социологи образования успешно доказали формирующее влияние социального окружения и наличие специфических социальных отношений в образовательной среде.

2. Открытие и интерпретация значения и функций культуры для целеполагания образовательной деятельности.

3. Понимание роли социальных изменений в прогрессе развития общества и их необходимости в социальной организации общественной системы образования.

4. Раскрытие природы и значения социальных групп и социально групповых процессов в образовательной практике.

5. Признание значения и раскрытие механизмов влияния социально классовых факторов в развитии обучаемых и системы образования в целом.

6. Опровержение мифа о расовом или этническом превосходстве как основе более высоких образовательных достижений.

7. Активизация социально-организационных связей с местным сообществом, стимулирование заинтересованного отношения последнего к развитию системы образования [2].

Не все течения в социологии образования сегодня удастся рассмотреть одинаково объемно. Это связано отчасти с тем, что далеко не все они достигли своей концептуальной зрелости и достаточно четко оформились.

Ниже будут нами рассмотрены те направления, которые составили сильные интеллектуальные традиции в социологии образования, заметно влияют на исследования и практику в сфере образования, в том числе в России.

Морализм

Морализм был широко распространен в социологии образования вплоть до середины XX в. Ему были присущи вера в социальный прогресс и в образование как в панацею от социальных бедствий, поиск признания и перспектив отрасли при отсутствии развитой теоретической модели образования. Среди его лидеров были американские ученые Лестер Франк Уорд, Джон Дьюи, Джордж Эдгар Пейн, Роберт Энгелл.

В центре внимания моралистов был процесс социализации и его взаимоотношения с образованием. Ради эффективности этого процесса они отстаивали идеи взаимного приспособления, с одной стороны, обучающихся и обучаемых и, с другой стороны, образовательных структур, что означало замыкание в микроаспектах образования.

Моралисты считали, что людям принадлежит важная роль в определении темпов социального прогресса, и верили, что ради этого граждане призваны осуществлять изменения в образовании, но изменения только эволюционные. Радикальное или внезапное изменение признавалось нежелательным, поэтому моралисты были против «образовательной революции», которая назревала в индустриальном обществе [2].

В связи с теоретико-методологическими чертами моралистского подхода выделяется его жанровое своеобразие – преобладание этических эссе.

Но отмеченные противоречия не умаляют роли представителей морализма в развитии социологии образования. При их активном участии создавались отраслевые кафедры, факультеты, периодические издания, было преодолено господство образовательной психологии в отрасли. Они активно стремились к признанию социальной роли образования, к выяснению функций образования и его организационного строения. В недрах морализма в США в 1920-е годы XX в. родилось движение за твердое и окончательное признание новой науки частью именно социологии.

Морализм в зарубежной социологии образования в основном преодолен, но его признаки есть в ряде работ отечественных авторов (Р.Г. Гурова, А.Г. Харчев, Т.Н. Кухтевич, В.С. Собкин). Их характерная черта – опора на педагогическую категорию «воспитание», апелляции в первую очередь к моральным проблемам, попытки ставить и решать частные вопросы формирования лич-

ности и организации образования при отсутствии общей теоретической концепции образования и строгой системы категорий.

Институционализм

Институционализм в социологии образования имеет те же истоки, что и структурный функционализм. Он развился в конце XIX и начале XX в. и тяготел к органицизму, эволюционизму и социальной антропологии, нося в большей степени теоретический, социально-обобщающий характер. В центре внимания его представителей были взаимовлияния образования и других институтов – экономики, семьи, управления, религии, где образование чаще выступало зависимой переменной, реагирующей на давление извне.

В ранний период представители институционализма отождествляли социальные изменения с социальным прогрессом и рассматривали общество по аналогии с организмом. Ранний институционализм коренился в дарвинистской биологии и эволюционистской антропологии и характеризовался тремя положениями: как всякий орган служит нуждам организма, так всякий институт служит нуждам общества; прогресс общества выражается только через прогресс его институтов; стабильность в состоянии института является более желательной, чем быстрое изменение (соответственно, угроза стабильности института считается угрозой обществу). Последнее положение методологически естественно для институционалистов, поскольку изучать институциональные формы во время быстрых социальных изменений оказывается практически невозможно.

Развитая школа институционализма сложилась в Великобритании, где еще в XIX в. кардинал Ньюман, лидер Оксфордского движения, выступал против либерализма в образовании. Главной функцией образования полагалось сохранение традиционной культуры и вовле-

чение в нее обучающихся. Отголоски этой традиционности и теперь заметны в британской высшей школе.

С позиции институционализма, образование увеличивает шансы общества на выживание, поскольку прямо не влечет за собой ломку классовой структуры или сдвиги в организации власти, а значит, сокращает человеческие издержки на пути общественного прогресса [2].

Институциональный метод усиливал внимание к связям в целых обществах, к анализу исторического развития и культурного содержания действующих в них институтов. Он нацелен на сравнительное изучение институтов внутри отдельного общества и между разными обществами ради раскрытия их универсальных характеристик, а также их положения в социальной организации общества. Институционализм рассматривает институты как «культурное разрешение проблем коллективной жизни» и использует эмпирические методы для познания того, как общества достигли их нынешнего состояния в попытках приспособления к меняющимся условиям. Следовательно, он исследует «институты в контексте поведения или социального действия и фиксируется на группах, структурах и социальных нормах, включенных в институты».

Более поздние версии институционализма уделяют основное внимание описательным и кросскультурным исследованиям, направленным на распознавание «старых» и «новых» функций образования и его учреждений, сходств и различий в их выполнении, хотя с современной точки зрения в такой трактовке функций усматривается их подмена традициями, социальными заказами или схемами отдельных социальных организаций. Именно они впервые рассмотрели исторические прототипы института образования, обнаружив их в структуре семьи.

Ценным представляется и то, что при институциональном подходе впервые были ясно обозначены в качестве центральных проблем социологии образования именно те категории, которые помогают воссоздать общенаучную концептуальную модель образования, а именно: выполняемые образованием функции и их динамика, действующие в образовании субъекты, социально организационная структура образования, роль и доля образования в общественном воспроизводстве, системы используемых образованием санкций, источники сопротивления переменам.

Такая подмена основополагающих понятий принципиально затрудняет выработку функциональной и структурной моделей института образования, которая и является теоретической целью социологии образования.

Институциональный анализ не потерял актуальности в 1960-1970-е гг. XX в. Для работ в этом русле характерны следующие основные положения:

1. Институты необходимы для социального контроля.

2. Формы, принимаемые институтами в разных сообществах, изменчивы и зависят от локальных и конкретно-исторических моделей культуры.

3. Все институты взаимосвязаны таким образом, что изменения в одном из них вызывают перемены и в других.

4. Институты развиваются в ответ на индивидуальные или общественные потребности, изменение их форм обусловлено изменением потребностей и групповым поведением.

5. Институциональные изменения связаны с процессами длительного исторического характера. Они особенно важны, поскольку институциональные революции резко меняют направление развития всего социума.

Образование в институциональном контексте рассматривается как часть более широкого социального процесса, что становится возможным на основе обобщения динамических характеристик школы как социальной системы и в перспективе позволяет выявить закономерности ее развития и выйти за рамки педагогических или психологических оценок ее проблем [2].

Сходство с институциональным подходом есть в ряде отечественных исследований образования: В.Н. Турченко, Э.Д. Днепров, З.И. Равкина и В.Г. Пряниковой. Однако они вынужденно ограничены описательным характером, отсутствием общих методологических схем изучаемой социальной системы – института образования.

Функционализм

Функционализм определяет образование как социальный институт общества и его ведущую функцию как поддержание связи между личностью и обществом ради целостности последнего. Многие видные социологи ставили перед отраслью типично функционалистские задачи: изучить передачу знания, морали и поведенческих норм, служащую поддержанию порядка и равновесия в обществе; объяснить социальные формы, природу групп и процессов в образовании.

В рамках структурно – функционального анализа разрабатывалась универсальная схема, раскрывающая структуру социальных систем. В ней институт образования, будучи одним из основных элементов социальной структуры, обеспечивает *воспроизводство модели* системы (Т. Парсонс). Были выделены функции образования, в том числе явные и скрытые, феномены дисфункции, сетевого баланса и функциональных альтернатив (Р. Мертон), рассмотрены передача и увековечение доминантной культуры (Р. Дрибин). Это помогло понять на макро- и микроуровне механизмы выполнения образованием особых интересов социальных классов или ор-

ганизаций, а также его роль в динамике приписываемых и достижимых статусов.

Структурно-функциональный анализ, по мнению критиков, был сосредоточен на макроуровневых проблемах общества и организаций, не вдавался в процессы на микроуровне, например, в социальные взаимодействия и динамику в учебном классе. Его сторонникам не удалось выявить разнообразие и конфликт интересов и идеологий в социально неоднородном обществе, когда каждая группа вырабатывает свою позицию в отношении задач и методов данного учебного заведения. В структурно-функциональном анализе не рассматривались вопросы *содержания* образования и социальные роли обучаемых и обучающихся в системе образования. Он служил оправданию лишь медленных и планируемых изменений, подчас не отражая реальных проблем и конфликтов в обществе.

Несмотря на популярность функционалистского подхода, приходится констатировать, что в нем пока далеко не в полной мере реализован теоретический и эмпирический потенциал категории «функция», играющей ключевую роль в социологической интерпретации образования и поиске социально-практических отношений в этой области [1].

С 1970-х гг. XX в. развивались неофункционалистские теории социальной энтропии (К. Бейли), адаптации (М. Файа), теории систем (Н. Луман), сравнительно-исторический анализ образовательных систем (М. Арчер), теория дифференциации (Дж. Александер, П. Коломи). Неофункционализм тогда представлял одно из крупных течений в зарубежной социологии образования. Ему противостояло *критическое направление*, в центре которого – *теории конфликта*.

Теории конфликта

Теории конфликта в социологии образования коренятся в идее К. Маркса об отчуждении и обусловлен-

ности образовательных теорий уэкономическими интересами, носящими взаимно конфликтный характер в антагонистическом обществе. Марксизм доказывает, что в буржуазном обществе правящие классы используют систему образования для достижения своих социальных интересов. Они стремятся увековечить свой статус с помощью элитарной школы и контролировать массы, ограничивая доступ к образованию. В противостоянии *имущих* и *неимущих* по поводу власти, богатства и влияния в обществе *имущие* прибегают к манипулированию у содержанием и формами образования ради поддержания своего господства, поэтому теоретики конфликта считают изменения в структуре власти необходимыми для решения проблем образования.

Большой вклад в развитие данной научной традиции внесли М. Вебер (изучение влияния властных отношений и групповых интересов на системы образования), Г. Зиммель (раскрытие интегративных последствий конфликта) и Т. Веблен (анализ механизма коррупции в образовании и монополизации знания бизнесменами). В работах К. Маннгейма обсуждались усилия правящих групп по приоритетному развитию элитарного образования, обеспечивающего особую подготовку выходцев из элиты, их культурное и политическое господство, а также контроль над массовым образованием, с помощью которого воспроизводится «частичная идеология», не позволяющая ее носителям составить альтернативу элите в общественно-политической сфере. Во второй половине XX в. марксистскую теорию конфликта применительно к образованию изложили в своих работах Дж. Карабель, А. Хэлси, С. Боулз и Г. Джинтис [2].

Функционализм не смог объяснить изменения, происходившие в обществах в конце 1960-х гг. XX в., и теория конфликта стала ведущей в отрасли. Ее главными темами были критика функционализма и источники конфликта в образовании, концентрация власти в руках

немногих при отсутствии четких критериев оценивания, внутренняя и внешняя борьба за контроль и власть, конфликт между поколениями и субкультурами.

Конфликты в образовании отчасти определяют институциональную конфликтность общества. Образование как преимущественно консервативная сила прививает молодежи отношения, ценности, верования и нормы, присущие господствующему социальному порядку, поэтому конфликт, разрешаемый в нем, несет позитивные социальные результаты. Подобные идеи развиты в *неомарксизме* (А. Грамши, Л. Альтюссер), в критической педагогике (Пи у Джинтис, Г. Гирокс), в педагогике подавленных (П. Фрейре), в политэкономии образования (М. Эппл), вскрывающих роль системы образования в увековечении капитализма и возможности ее использования в подготовке культурного сопротивления трудящихся политике правящего класса.

Некоторые новейшие теории

Теории взаимодействия обрели в социологии образования особую популярность в период после Второй Мировой войны. Они нацелены на социально-психологические аспекты образования и взаимодействия между группами обучающихся, преподавателей, администраторов, на взаимосвязь между установками, ценностями, социоэкономическим статусом обучающегося, с одной стороны, и его учебными достижениями, с другой. В рамках этого широкого подхода оказывается несколько следующих теорий.

Теория навешивания ярлыков отражает практику приписывания обучающимся тех или иных ярлыков со стороны приятелей и преподавателей. Негативные ярлыки особенно вредят самосознанию учащихся.

Теория обмена изучает учебные взаимодействия в плане *затрат* и *вознаграждений*, которые участники взвешивают перед тем, как принять то или иное решение, например, бросить учебу или все-таки выучить и

сдать предмет на «отлично». Эти решения, как правило, связаны с социально-классовым статусом обучающегося [2].

С 1980-х гг. XX в. социологи образования предпринимают попытки интегрировать теории, относящиеся к микро-уровню исследований образования, со структурными теориями макро-уровня. Примерами таких попыток служат интерпретивные исследования образования (*interpretivestudies*). Они часто используют этнографические методы в изучении культуры как системы значений, связывающей социальную структуру и человеческое поведение. Использование таких методов заставляет исследователей работать и даже жить непосредственно в изучаемой среде. Важное положение теории состоит в том, что учащиеся не просто проходят через систему образования, формирующую их опыт, но и активно влияют на образовательную среду.

Многие исследования показывали, например, что учащиеся из рабочих семей и этнических меньшинств добиваются меньших успехов в сравнении с учащимися из среднего класса и преобладающих этнических групп. С позиции макроуровневой теории репродукции (С. Буулз, Г. Гинтис, П. Бурдье, Ж.-К. Пассерон) эта ситуация выражает контроль капиталистов над способом производства, *отчуждающим* учащихся из рабочего класса. Школы уподобляются заводским сборочным линиям, где лучшее образование предоставляется детям элиты, поощряемым к самостоятельной работе и принятию решений для последующего занятия места на вершине социально-классовой иерархии. А учащихся из рабочих семей помещают в учебные потоки, которые учат покорности и следованию внешним правилам. Правда, эта теория не раскрывала процессы за рамками интересов капиталистов.

Бурдье и Пассерон полагали, что связи между экономическими структурами, школой, учащимися и

учителями опосредованы именно элементами культуры. Учащиеся *приносят* в школу свой *социальный класс* в виде навыков, манер, стилей одежды и общения, образцов речи. Комплекс этих признаков составляет *культурный капитал*, которым разные социальные классы обладают в неодинаковой степени и который предопределяет успех обучения.

Теория кодов, предложенная британским ученым Б. Бернштейном, также пыталась увязать микроуровень и макроуровень анализа образования. Эта теория сосредоточена на том, как люди приходят к пониманию системы значений в культуре. Рассматривая системы значений сквозь призму языка, Бернштейн обнаружил свойственные социальным классам *речевые коды*, присутствующие в содержании общения, учебных программах и методах обучения и участвующие в воспроизводстве социальной структуры общества.

Теории сопротивления (П. Уиллис, Дж. Маклиэд) рассматривают, как культура опосредует влияние социально-экономических структур на образ жизни и карьеру учащихся. Их авторы приходят к выводу, что отдельные группы учащихся не поддаются структурному влиянию капиталистической системы и своим избирательным поведением в сфере образования не только сопротивляются контролю господствующих групп и практике *навешивания ярлыков*, но и способны изменять характер образовательной среды [2].

Общий обзор подходов в социологии образования показывает, насколько обширным является круг проблем, от решения которых зависит оценка современных процессов в системе образования и выработка ориентиров для ее развития. Прямая экстраполяция выводов, полученных в зарубежных исследованиях, на ситуацию в отечественной системе образования вряд ли допустима, но эти исследования дают немало плодотворных теоретических и научно-методических идей для постановки

исследовательских проблем, формирования профессионального сознания работников образования, для дальнейшего развития социологии образования и образовательной политики в нашей стране.

Литература

1. Дюркгейм, Э. Социология образования / Э.Дюркгейм. - [1996].
2. Осипов А.М., Тумалев В.В. Социология образования в России: проблемы и перспективы / А.М. Осипов, В.В. Тумалев // Социологические исследования. - 2004.

Н.Г. Петрова,
к.ф.н., доцент БГТУ

Эпистемические вызовы Интернета: сущность, причины, последствия

Информационный взрыв, мощно прозвучавший в конце прошлого тысячелетия, разбил устойчивый корабль знаний, на котором старшее поколение спокойно дрейфовало в открытом море познания. Волна избыточной информации, заключенной во Всемирной Сети, накрыла с головой новое поколение всего земного шара, сделав сознание индивида бессильным перед этой стихией. Чтобы выплыть из бескрайнего шумящего и бурлящего потока информации, человек становится глухим, невосприимчивым к смысловым ее началам – знаниям. Он начинает бояться глубины мысли, предпочитая скользить по поверхности океана зрением и слухом. Человек хочет выжить и поэтому цепляется за легкий плот, собранный из готовых внешних образов и знаков, из ничего не значащих, невосомых слов и простеньких комментариев («и матюк, и ком-

плимент называется коммент»). Утопающий хватается за соломинку.

Победу поверхностной информации над глубинным знанием можно назвать, используя термин Н. Громько, «эпистемическим вызовом Интернета». В самой природе Интернета запрограммирован механический поиск известной информации, а не эвристический поиск нового знания. Ведь он хранилище данных, а не их создатель! Поэтому Интернет может нам предложить прежде всего визуальный образ, символическое изображение **в готовой форме**. Даже знаменитую свободную энциклопедию «Википедия» нельзя считать исследовательской лабораторией, выращивающей идеи, хотя ЮНЕСКО и назвало ее «воплощением мечты, столь же древней, как человеческий интеллект и собрания Александрийской библиотеки»¹.

По мнению русско-американского философа и культуролога М. Эпштейна, объективно возникшее противоречие между объемом созданных разумом многих поколений человеческого рода информационных ресурсов и мыслительными возможностями отдельного человека переработать эти ресурсы в течение своей жизни порождает кризис родовой идентичности человека: «Информационное потребление индивида отстает от информационного производства человечества. Это кризис ...**недопонимания, кризис родовой идентичности**»².

Идентичность с человеческим родом предполагает обнаружение индивидом способности, присущей всем его представителям, – способности думать, понимать, видеть глубинные смыслы. В Интернет-пространстве эта способность излишня. Как считает Н. Громько, «теоретическое мышление в эпоху Интернета – в той его форме, как он сложился к настоящему времени, – невозможно»³. Дей-

¹ unesco.org.ua

² Эпштейн, М. Н. Информационный взрыв и травма постмодерна / М.Н. Эпштейн. - Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/epstein/epsht.html>

³ Громько, Н. В. Интернет и постмодернизм - их значение для современного образования / Н.В. Громько // Вопросы философии. - 2002. - №2. - С. 175.

ствительно, опыт многих здесь присутствующих преподавателей показывает, что уже сейчас большинство студентов не способны различить, когда они думают сами и отстаивают действительно свою позицию, а когда всего лишь воспроизводят скачанную накануне информацию. Привыкая к клиповым режимам работы с информацией, они не могут концентрировать мысли, воображать, рефлексировать, понимать вопрос и чужой ответ.

Но загромождение сознания нового поколения «нераспакованной» информацией – это не вина его, а беда (а если говорить словами Эпштейна, «травма постмодерна»).

Впрочем, эта беда коснулась и моего поколения, в не меньшей степени испытывающего повышенную травмоопасность работы в Интернете. Изобилие непереваренной пищи для ума создает своего рода диспепсию (несварение мозга), которая может привести к интеллектуальной деградации. Неопытным первопроходцам по минному полю разнообразной информации такое несварение страшнее информационного голода.

Кроме «диспепсии» угрозу жизни человеческого вида создает и потребление несъедобного мусора. Всемирная Паутина все впускает в себя и почти ничего не выпускает, вырастая в «вавилонскую библиотеку», в свалку информационных отходов. Она напичкана не только тем, что уму пригодно в пищу – точными и полезными для жизни знаниями, но и суррогатами, модифицированным продуктом в виде беспорядочных и беспредметных текстов, нетематических суждений, произвольных знаковых комбинаций, вырванных из контекста цитат и т.п. Апофеозом мусорки становятся симулякры, формирующие призрачные подобия реальных явлений, создающие виртуальные, вымышленные значения. На их фоне научное знание перестает рассматриваться как основная форма знания, все больший интерес вызывают когнитивные комплексы, связан-

ные с различными игровыми и иррациональными практиками.

Низкое качество обработки информации ее пользователями приводит индивида к неглубоким познаниям во всех областях, поверхностному дилетантизму, прячущемуся под осведомленностью, информированностью и т.п. мыльными пузырями. При высокой цене на знатоков их реальная стоимость оказывается ничтожной.

Что может превратить и обильную, и вредную пищу в жизненно важную энергию познания? Ее расщепление с помощью таких «ферментов», как методы обнаружения в данных ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений. Подобный интеллектуальный анализ данных уже сегодня разрабатывается в рамках современной информационной технологии, под названием Data Mining. Для применения этой технологии понадобится и другой тип компьютера, ориентированный не просто на хранение и передачу информации, а на добычу новых знаний.

Мне кажется, что лишь следующее за постмодерном Интернет-поколение само найдет способ преодолеть противоречие между знанием и информацией. Когда человечество в полной мере насладится невменяемостью, самоутверждением и свободой, оно в состоянии будет оценить преимущества коллективной аналитической деятельности и ведения диалога, а не полилога и монолога.

Я верю, что среди нового поколения найдутся любопытные, которые захотят нырнуть в глубины знания, чтобы достать оттуда недостающие звенья разбитого корабля либо выстроить заново более устойчивое к новым взрывам сооружение.

Информационные технологии и проблема личности

Когда мы говорим о современном обществе, то первое, что подразумеваем в связи с этим, – это *информационное общество* как определенный тип социальности. В нем ведущую роль играют технологии деятельности, связанные с получением, переработкой и применением информации разного рода. Телевидение, компьютеры, мобильные телефоны и, конечно же, Интернет – все это есть то, без чего практически невозможно представить жизнь современного человека. На наш взгляд, информационное общество являет собой даже своего рода образ жизни людей.

Человек сейчас находится в стадии некоего симбиоза с технологиями, что, конечно же, не может не сказаться на нём самом. Впрочем, термин «симбиоз» может быть даже немного неподходящей дефиницией данного положения дел. Вернее сказать, происходит не симбиоз, а поглощение личности человека, структурами масс-медиа и технологиями, которые его окружают. В силу этого мы получаем «поколение П», как об этом повествует Виктор Пелевин в своём одноименном романе [3]. Это поколение потребителей, в котором «человек человеку вау». Испокон веков общество существовало и в нём были свои проблемы, свойственные тому или иному времени, но суть вот в чем: общество всегда в целом сохраняло стабильность, хотя противники и «девианты» были всегда, но сегодняшняя проблема состоит в том, что девиантов большинство и они входят в нормы. Но ведь это не правильно, поскольку всегда большая часть общества должна сохранять здравый ум и мыслить трезво. Но так же нельзя не принимать во вни-

мание то, что изменения в обществе часто происходят по инициативе девиантного меньшинства.

В связи с быстрым развитием и практическим применением информационных технологий возникает вопрос, имеющий познавательный и практический аспекты. Не утратит ли человек способность самостоятельно думать, писать, творить, да и вообще – самостоятельно жить? В связи с необходимостью такого вопроса в поле нашего зрения оказывается современное молодое поколение - будущее нашего мира. То есть проблема, стоящая перед современным обществом, – это утрата человеческой «самости» в пользу информационных технологий.

Сегодня известная исследовательская компания Gallup отмечает падение религиозности среди молодого поколения, а также *рост эгоцентрической направленности сознания молодежи*, причём, на наш взгляд, второе следует из первого. По данным их исследований, в мире только 59% людей называют себя верующими, 23% – неверующими, и лишь 13% относят себя к убежденным атеистам [4].

Надо признать, что религия всегда была неким моральным фильтром или способом различения хорошего и плохого, добра и зла. Религия также имеет под собой культурный базис, который получает верующий человек, а ведь нынешнее положение дел в обществе делает часть молодых людей беспринципными, аморальными, эгоистическими индивидами, которые при любом удобном случае готовы предать всё и вся ради своей выгоды. Мир для таких людей не есть социальный космос или некое иное социальное пространство, а всего лишь плоскость для индивидуального существования. То есть они идут по пути, обозначенному информационными технологиями, без установки на творчество, без опоры на духовность. Такие люди называют себя прагматиками, хотя на наш взгляд, было бы правильнее назвать их «заложниками» технологий и науки.

Еще одним негативным последствием широкого распространения информационных технологий является утрата границ и субординации между молодыми и пожилыми людьми, между людьми низких и более высоких социальных статусов. В самом деле, сложно сохранить привычные границы, когда у студента и преподавателя есть странички «ВКонтакте», где имеется информация, которая не должна быть известна ни преподавателю, ни студенту. Также стоит отметить рост желания самопрезентации у молодого поколения: странички в социальных сетях заполнены сотнями фотографий молодых людей, информацией о них самих, об их интересах и так далее. В такой ситуации, конечно же, появляется проблема преждевременного взросления детей, так как у них есть доступ к контенту Интернета всего мира. Но поскольку ребенок есть ребенок, то он может воспринять некоторые вещи не такими, какие они есть на самом деле, а также узнать то, что ему пока не нужно.

Но что поделать, если современное общество неумолимо диктует свои правила, и те, кто от них отклоняется, становятся либо непонятыми, либо высмеянными, ведь конкурентоспособность – одна из очень важных черт современного человека. Полагается, что только будучи конкурентоспособным, мы можем выстоять и сохраниться в современном обществе. Не любовь, не сострадание, как учат религия, мораль и гуманизм, а именно конкурентоспособность может якобы дать нам все, что мы пожелаем, – таков дух современного общества.

Если представить знания в виде огромного тысячилетнего старого и могущественного дерева с миллионами корней и разветвлений, то современный поток информации будет выглядеть как огромная волна-цунами, которая захлестнула его, и мы можем либо спасти дерево, либо убить. Под этой метафорой мы имеем в виду то, что современное «знание» представляет собой несвязный, сумбурный и стихийный поток информации, быстро меняю-

щийся и «утекающий» вдаль; но «знания» должны быть систематизированы, распределены и разложены по «полочкам» человеческого сознания. Получая знание, человек пропускает его через себя, через призму своего разума, а информация – нечто текучее, словно вода, она не может осесть в одном месте и отложиться у человека в сознании.

По сути дела, говоря о современном человеке, мы воспринимаем его как «потребителя», а не как творца. Соответственно, когда в голове современного человека накапливается так называемая «вода», а вокруг него технологии, превосходящие его по интеллекту во много раз, то встает вопрос: *как долго еще сможет оставаться человек в качестве самостоятельно мыслящего существа?* Человек должен отстаивать свои позиции «творца», быть мыслителем, а не пустым потребителем информации и технологий. Он обязан производить «знание» и «мыслить» мир вокруг себя.

Стоит отметить, разумеется, что у информационного общества есть много положительных сторон: общедоступное образование, свобода слова и действий, свобода выбора, а также доступность информации и знаний. По нашему мнению, современный человек хотя и находится в некоем кризисе и переизбытке обмана и иллюзий вокруг себя, все равно не утратит своих самых важных качеств, таких, как человечность, самобытность и мудрость. И качества, которые всегда выделяли его из толпы, никогда не утратят своей актуальности и важности для самого человека и общества.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. - М.: Астрель, 2011.
2. Вышеславцев, Б.П. Кризис индустриальной культуры: Избранные сочинения / Б.П. Вышеславцев. – М.: Астрель, 2006.

3. Пелевин, В.О. «Generation П» / В.О. Пелевин. – М.: Вагриус», 2003.
4. Электронный ресурс: 4. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/organizations/gallup>.

Итоговый документ
II Научных философских чтений
«Философия в контексте современных социальных практик»

25 марта 2014 года в Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф.И. Тютчева состоялись II Философские чтения.

Организаторами конференции выступили Департамент культуры Брянской области, Брянская областная универсальная научная библиотека им. Ф.М. Тютчева, Брянское отделение Российского философского общества.

В конференции приняли участие 87 человек: философы, историки, экономисты, социологи, культурологи, студенты и аспиранты высших учебных заведений, краеведы, педагоги, представители общественных объединений, библиотечные работники. Среди участников представители Брянских вузов – БГУ, БГТУ, БГИТА, БГСХА, а так же МГУ, РУДН, Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Для участия в конференции поступила 21 заявка и 22 доклада, (9 участников – заочно).

Основная задача конференции – повышение социального статуса и роли философского знания, философской культуры в жизни современного российского общества.

На конференции были рассмотрены следующие вопросы:

- **Философия в поисках моделей модернизации.**
- **Социальные и этнические проблемы в глобализирующемся мире.**
- **Образование и культура в условиях глобализации.**
- **Человек в условиях техногенной цивилизации.**

Вниманию участникам конференции была представлена выставка литературы:

- «Россия в диалоге культур»

- «Русский путь: Отечественная культура как диалог мировоззрений»

Электронная презентация

«Брянское философское общество в Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф.И. Тютчева»

Библиографический указатель

«Философия в контексте современных социальных практик»

Работа конференции показала, что философский анализ современных социальных практик привлекает внимание научной и культурной общественности Брянска, показывая потенциал совместных научно-философских исследований. При решении современных социальных и культурных проблем Брянщины философский анализ может играть важную позитивную роль, проводя практическое исследование и логически-мировоззренческое обоснование решений, предлагаемых профильными специалистами. Необходимо продолжить перспективное сотрудничество и воплотить его в виде конкретных рекомендаций.

Участники II Научных философских чтений рекомендуют:

- провести Третьи философские чтения в 2016 году;
- подготовить и издать сборник материалов конференции;
- проводить просветительскую работу среди молодежи с использованием специализированного сайта БФО;
- привлекать внимание государственных структур к научному потенциалу философских исследований современных актуальных проблем, предоставлять возможность их представителям участвовать в мероприятиях БФО;

- укрепить и расширить связи БФО с общественными организациями Брянской области, другими научными обществами, проводить совместные заседания, круглые столы, издавать сборники статей;
- продолжить совместную деятельность Брянской областной библиотеки с Брянским философским обществом;
- БОНУБ им. Ф.И. Тютчева продолжить работу по тематическому информированию с использованием Интернет-технологий о новых поступлениях в областную библиотеку для подготовки и проведения заседаний Философского общества;
- БФО подготовить и опубликовать статью по результатам Философских чтений в специализированном издании научно-философской направленности;
- расширить круг участников конференции, активнее привлекать специалистов из других регионов России.

Участники выражают искреннюю благодарность за большую работу по организации и проведению конференции Брянскому философскому обществу, научному редакционному совету, Администрации и сотрудникам БОНУБ им. Ф.И. Тютчева, отмечают их высокий профессионализм.

Брянск, 25 марта 2014 года.

Содержание

Вступление.....	2
Философия в поисках моделей модернизации.....	7
Воробьёв Г.Т. О духовном и фундаментальном в учении в познании природы.....	7
Горбачев В.Г. Императивность как функция философского знания.....	18
Демиденко Э.С. Двуликая техносфера в человеческой жизни.....	22
Мирошников В.В. Социально-политическое воздействие философии постмодерна.....	32
Осипов Ю.М. Философия на миру: абстракции и практики.....	37
Паршикова Г.В. Философия в поисках моделей взаимодействия языка и сознания для построения человекоподобного искусственного интеллекта.....	44
Попкова Н.В. Философия как технология жизни.....	49
Степанищев А.Ф. Постнеклассика философии, науки и техники.....	54
Сычева Т.М. Концепция «Консервативной модернизации»: за и против.....	59

Социальные и этнические проблемы в современном мире.....	68
Васюкова Л.И., Ноздрина Н.А. Проблемы бракоразводных отношений.....	68
Горбачев В.Г. Идеологическое самоопределение российского общества как проблема.....	82
Дергачева Е.А. Глобализация как процесс Социально-техногенного развития мира.....	87
Говорушкин С.В. Национализм – угроза России в глобализирующемся мире.....	93
Лапченко Н.Н. Направления информатизации и пути повышения ее эффективности в современном российском обществе.....	96
Сазонов А.Ф. Вещественное и символическое в техногенной цивилизации.....	101
Свидерский А.А. Социокультурные основания материально-преобразовательной деятельности.....	110
Спасенников А.В. Этнополитические конфликты: природа, причины и способы урегулирования.....	115
Образование и культура в условиях глобализации.....	120
Емельяненко В.Д. Интернет и мировоззренческие основания общения.....	120
Кейзик А.С. Социология образования в условиях глобализации.....	125

Кузнецова О.С. «Вовлечение» как ответ личности на всеобщий кризис современной цивилизации.....	130
Ларичева Е.А. Роль технического образования в развитии инновационного потенциала страны.....	133
Ноздрина Н.А. Теоретические традиции и течения в социологии образования.....	138
Петрова Н.Г. Эпистемические вызовы Интернета: сущность, причины, последствия.....	150
Соколов Е.С. Информационные технологии и проблема личности.....	154
Итоговый документ.....	159

ДЛЯ ЗАМЕТОК